

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

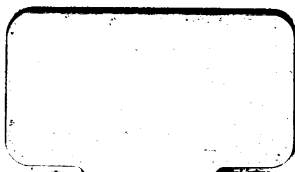
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav 3485.100.25

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ОЧЕРКИ БЫТА

КАЛМЫКОВЪ

ХОШОУТОВСКАГО УЛУСА.

Neboľsin

ОЧЕРКИ БЫТА

КАЛМЫКОВЪ

ХОШОУТОВСКАГО УЛУСА, //

СОСТАВЛЕННЫѢ

ПАВЛОМЪ НЕБОЛЬСИНЪМЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1 Карта. — 2. Изображеніе тамогъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙД.

1852.

Slav 3485. 100.25
2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, ноября 10 дня, 1852.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ВЪ ПЕЧАТНІИ САНКТО-ПЕТЕРБУРГА

ВЪ ПЕЧАТНІИ САНКТО-ПЕТЕРБУРГА

1852

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во-время разъездовъ моихъ, въ 1850 году, по Оренбургскому-краю, мнѣ случилось познакомиться съ Калмыками и въ Земль Оренбургскаго-Казачьяго-Войска, и между Уральцами. Въ 1851 году мнѣ довелось выжить въ Астрахани четыре съ половиною мѣсяца. Въ-продолженіе этого времени, я сблизился съ астраханскими Калмыками и, между-прочимъ, совершилъ поездку къ нимъ въ самое кочевье, на рѣчку Ашулукъ, въ главную лѣтнюю ставку Хоиноутовскаго-улу-са, гдѣ и выжилъ около трехъ недѣль.

Случай устроилъ дѣло такъ, что я попалъ въ степь въ самое обильное степными происшествіями время. Наставало религіозное торжество, готовилось народное празднество; они при мнѣ и совершились, такъ-что я былъ свидѣтелемъ и кочевки, и жертвоприношеній, и торжественнаго богослуженія, и борьбы, и пиршествъ.

Въ то же самое время произошло нѣсколько случаевъ, важныхъ для меня, какъ для наблюдателя, потому-что они дали мнѣ возможность еще ближе приглядѣться къ домашнему быту Калмыковъ. Въ мое пребываніе были торжественныя поминки по прежнемъ владѣльцѣ, праздновалось нѣсколько свадебъ и было нѣсколько вечеринокъ у простыхъ Калмыковъ. Все это должно было имѣть слѣдствіемъ то, что въ три недѣли пребыванія моего въ улусъ я успѣлъ ознакомиться съ народомъ въ той степени, чтобъ рѣшиться написать о немъ предлагаемую книгу.

У насъ о волжскихъ Калмыкахъ писано много, начиная съ великолѣпнаго, классическаго труда Палласа, до свѣдѣній, сообщенныхъ публикѣ г. Нефедьевымъ, весьма близко и обстоятельно изучившимъ Калмыковъ достоюлжнымъ порядкомъ. Позже него, въ одномъ изъ повременныхъ нашихъ изданій, появился о Калмыкахъ рядъ статей барона Бюллера ; но въ нихъ очень многое, касающееся нравовъ и обычаевъ народа, передано несовсѣмъ такъ, какъ оно на-самомъ-дѣлѣ бываетъ.

Вообще говоря, та точка воззрѣнія на предметъ, которую я себѣ составилъ о Калмыкахъ, разнится во многомъ отъ точки воззрѣнія на нихъ предшествовавшихъ мнѣ писателей ; и разницу эту я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что постоянно проводя время съ Калмыками и стараясь во всемъ поддѣлываться подъ ихъ обыкновения и привычки, съ цѣлю, какъ можно ближе, освоиться съ ихъ нравами и обычаями, я, можетъ-быть, до такой степени увлекся привязанностью къ своему предмету, что сталъ менѣе другихъ строгъ къ недостаткамъ, которые вмѣняются Калмыкамъ въ вину, и занимался мелочами, необратившими на себя вниманія другихъ.

Какъ бы то ни было, но запасъ матеріаловъ, которые мнѣ удалось пріобрѣсть о Калмыкахъ, столько, какъ мнѣ казалось, былъ полонъ интереса, что я не могъ не посвятить ему и времени, и трудовъ.

Весьма естественно, что всего мною описываемаго не могъ я видѣть собственными глазами : за матеріалами для восполненія моихъ личныхъ замѣтокъ я заблагоразсудилъ обращаться не къ печатнымъ источникамъ, а къ показаніямъ самихъ Калмыковъ, тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, на пряמודушіе и на опытность которыхъ могъ я положиться съ увѣренностью. Но для того, чтобы читатель, въ случаѣ надобности, могъ видѣть всю разницу между свѣдѣніями, мною передаваемыми, и свѣдѣніями, за сѣмдесятъ-пять лѣтъ переданными въ единственномъ самостоятельномъ и капитальномъ трудѣ Палласа, я, въ приличныхъ мѣстахъ, дѣлаю указанія на тѣ страницы его творенія, гдѣ трактуется о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ и я говорю.

Лица, почтившія меня продолжительными бесѣдами и особенно-многo одолжившія меня отвѣтами на мои вопросы, суть :

Хошоутовскій нойонъ и владѣлецъ, князь Церенджабъ Тюменевъ ;

Хошоутовскій нойонъ, князь Церенъ-Норбо Тюменевъ ;
Цебекъ Тачеевъ, аймачный зайсангъ рода Уранхусъ ;
Зунгуру-Арши, родомъ Икихошоутъ, гелюнгъ и астрологъ ;
Цюрюмъ-Арши, родомъ Еркетеңевецъ, гелюнгъ и врачъ ;
Чембилъ-Затонъ, хахачинова рода, ремесленникъ ;
Кюке Керечеевъ, хазлаева отдѣленія, скотоводъ, и
Буханъ Пюскеевъ, керетова рода, рыболовъ.

Изъ помогавшихъ мнѣ совѣтами мѣстныхъ чиновниковъ, вполне знакомыхъ съ обычаями Калмыковъ, я могу поименовать только И. Г. Черкасова, выжившаго нѣсколько лѣтъ въ калмыцкихъ улусахъ.

Наблюденія свои производилъ и устные свѣдѣнія собиралъ я по преимуществу объ однихъ Хошоутахъ. Хотя то, что касается до одного улуса, можетъ иногда отчасти, а иногда и въ одинаковой степени, касаться и до всѣхъ улусовъ, однакожъ я, не имѣя близкаго знакомства ни съ Дербетами, ни съ Торгоутами, не могу не присовокупить, что въ книгѣ своей я имѣю въ виду исключительно однихъ дальнихъ Хошоутовъ, не на Волгѣ сидящихъ, а кочующихъ вдали отъ ея береговъ и занимающихся скотоводствомъ.

I.

Общій взглядъ на волжскихъ Калмыковъ.

Калмыки явились въ при-Каспійскомъ краѣ въ-началъ семнадцатаго столѣтія, подъ предводительствомъ торгоутскаго тайши Хо-Урлюка.

Изъ официальныхъ документовъ того времени известно, что первую присягу на подданство Россіи они принесли царю Михаилу Ѳеодоровичу, и въ то же время завели торги съ Башкирією ¹, съ которою имъ неминуемо должно было ознакомиться, какъ во-время перекочевки съ мѣстъ прежнихъ своихъ обиталищъ, такъ и во-время набеговъ на соседственныя племена.

Мирное и спокойное кочеваніе Калмыковъ скоро измѣнилось: «и начали они приходить войною подъ сибирскіе города, и подъ Уфу, и подъ Саратовъ, и подъ Астрахань, и на Едисанскіе и Ногайскіе улусы; стали города и уѣзды воевать, села и деревни жечь, улусы разорять, людей побивать и полонить» ².

Царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ о семъ извѣстіе, повелѣлъ астраханскимъ воеводамъ провѣдывать: «гдѣ калмыцкіе люди и сколь далеко отъ Астрахани кочуютъ» ³?

Хо-Урлюкъ пребывалъ въ Россіи съ сыновьями Шукуръ-Дайчинъ, Ельдегомъ и Лоузаномъ, и кочевалъ, по временамъ, то на Ембѣ, то на Яикѣ, то, наконецъ, на Самарѣ. Около 1640 года, Хо-Урлюкъ съ сыновьями былъ на общемъ съѣздѣ монгольскихъ предводителей, при составленіи и утвержденіи статей монгольскаго законоположенія ⁴. Онъ тамъ и остался, а Шукуръ-Дайчинъ, возвратившись на рѣку Яикъ, или нынѣшній Уралъ, къ своимъ Калмыкамъ, оправдывался

¹ Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Комиссіей. Т. IV. № 32, стр. 110.

² Тамъ же.

³ Тамъ же, стр. 109.

⁴ Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften durch P. S. Pallas. S.-Petersburg, 1776, Th. I, pag. 195.

противъ буйства своихъ подчиненныхъ передъ воеводами тѣмъ, что всѣ безпорядки произведены Калмыками безъ его вѣдома, и что въ то время, когда онъ ѣздилъ, по своей вѣрѣ, молиться задоръ и ссора Калмыковъ съ государевыми людьми учинилась безъ него, отъ братьи, отъ дѣтей, отъ племянниковъ и отъ улусныхъ ихъ людей. Такъ-какъ «между Калмыками не повелось, чтобъ письмами пересылаться», то Шукуръ-Дайчинъ и прислалъ къ астраханскимъ воеводамъ нарочныхъ гонцовъ съ общаньемъ быть подѣ Царскаго Величества высокою рукою въ вѣчномъ послушаньи, и ходить на государевыхъ ослушниковъ, куда Государь укажетъ⁶.

Несмотря на это общаніе, Калмыки не были спокойны. Владѣтельство Россіи въ при-Каспійскомъ краѣ поддерживалось тогда силою русскаго оружія въ немногихъ мѣстахъ. Рать русская стояла въ Астрахани и въ Яицкомъ-городѣ; Волга и Яикъ были совершенно пустыни и незаселены; въ нынѣшнемъ Гурьевъ-городѣ были небольшіе пикеты казаковъ, оберегавшихъ хозяйство гостя Михаила Гурьева; низовья Волги и пространство ея отъ Саратова до Астрахани оставались въ запустѣніи; нагорный, правый берегъ ея носилъ еще названіе Крымской-стороны, а луговая сторона звалась стороною Ногайскою. Калмыки свободно бродили изъ стороны въ сторону, и пользуясь оплошностью степныхъ обитателей, грабили ихъ, полонили и подчиняли своей зависимости.

Одинъ изъ посланныхъ въ 1654 году къ калмыцкимъ тайнамъ толмачей, именно Афанасій Борисовъ, рассказываетъ, что онъ тайну Лоузана и племянника его Мончака, сына Шукуръ-Дайчина, встрѣтилъ на Крымской-сторонѣ, отъ Астрахани въ днѣхъ, на урочищѣ Коровьей-Лукѣ. Мѣсто это и понынѣ носитъ то же названіе: сто лѣтъ тому назадъ, здѣсь именно правительство велѣло выстроить новый домъ для тайши, или, какъ его иногда еще звали, хана, Замьяна: нынѣ тутъ домъ и садъ ханеутовскаго владѣльца, князя Церенджаба Тюменева, немного пониже станицы Лебяжновской; выше ея есть казачья станица, называемая «Замьяновскою», потому-что тутъ стоялъ прежній домъ Замьяна.

Съ Коровьей-Луки Лоузанъ и Мончакъ перешли на Ногайскую-сторону и съ присоединившимися къ нимъ ногайскими и едисанскими мурзами и татарами пошли отъ Волги, изъ-подъ Астрахани, въ

⁶ Акты историческіе. Т. IV, стр. 111.

свои улусы. За рѣкой Бузано́мъ, въ урочищѣ Берекѣтъ, тамъ, гдѣ нынѣ живутъ Кундровскіе-Татары, встрѣтили они гонцовъ отъ Сереня-тайши, кочевавшаго за Янкомъ, и разошлись каждый по своимъ кочевьямъ. Афанасій Борисовъ рассказываетъ при этомъ ⁶, что:

Тайша Лоузанъ пошелъ въ прежнія свои кочевья, вверхъ по Волгѣ, къ Самарѣ;

Тайша Мончакъ ушелъ за Янкъ, въ яцкія вершины, на урочище Кашау́нъ, въ четырехъ днищахъ отъ Сереня;

Тайша Серень кочевалъ въ ту пору подлѣ рѣки Янка, къ морю, отъ Яцкаго-города, нынѣшняго Гурьева-городка, въ полуднищѣ;

Тайша Шукуръ-Дайчинъ, сынъ Хо-Урлюка, кочевалъ за Янкомъ, въ урочищѣ Индѣрскихъ-горъ, близъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ крѣпость «Горская», на нѣкоторыхъ картахъ именуемая «кр. Индерскія-горы» ⁷.

Разсказывая о томъ, какъ Калмыки похищаютъ и половяютъ государевыхъ русскихъ людей и Татаръ и продаютъ ихъ въ Хиву, Борисовъ прибавляетъ, что на калмыцкіе улусы недавно нападали Башкирцы: «Башкирскіе люди,» говоритъ онъ, «калмыцкимъ людемъ и Татарамъ добре страшны: Калмыки съ ними Башкирцами мало и бьются»!

Одинъ Татаринъ предлагалъ въ это время поставить для отпора Калмыковъ четыре форта: одинъ за Янкомъ, въ Индѣрскихъ-горахъ, другой на Янкъ, въ урочищѣ Яблонномъ, гдѣ могила одного ногой-скаго муллы, третій на Ахтубѣ, въ урочищѣ Укрѣмъ, а четвертый на рѣкѣ Илѣкѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, говорилъ Татаринъ, всегда калмыцкихъ людей перелазы бываютъ, и если гарнизонъ будетъ состоятъ изъ Русскихъ да изъ Башкирцовъ, Калмыки всегда далеки будутъ отъ Астрахани ⁸.

Калмыкамъ запрещено было подходить къ русскимъ городамъ и кочевать по Волгѣ; для охраненія Астрахани отъ ихъ набѣговъ

⁶ Дополненіе къ Актамъ Историческимъ Т. III, № 126, стр. 537. Ср. у Палласа Ueber d. mong. Völkerschaften. Th. I, pag. 58 — 60.

⁷ Въ-то-время, когда Торгоуты кочевали на Янкѣ, Дербетевцы занимали земли въ сосѣдствѣ Киргизовъ, между рѣкъ Сары-су и Кендерлика. См. Книга Большому Чертежу, изд. Г. И. Спасскаго, Москва, 1846, стр. 208, и Списокъ съ Чертежа Сибирскія Земли. Москва, 1849 г., стр. 3.

⁸ Дополненіе къ Акт. Ист. Т. III, № 126, стр. 539.

основана крепостца Красный-яръ ; въ Индѣрскихъ-горахъ учрежденъ казачій пикетъ, прозванный Хошъ (кибитка)—яицкимъ⁹ ; Калмыки присмирѣли, и учинившись въ вѣчномъ подданствѣ, ходили войною противъ государевыхъ недруговъ, на Крымцовъ, подъ Азовъ и подъ Казыевъ-улусъ¹⁰. Наконецъ, Калмыкамъ разрѣшено занять берега Ахтубы¹¹, а частые набѣги на Закубанцовъ и на крымскихъ Татаръ передали въ пользованіе Калмыковъ и правый, крымскій берегъ Волги.

Хо-Урлюкъ привелъ въ Россію до пятидесяти тысячъ кибитокъ, или калмыцкихъ семей, торгоутскаго поколѣнія. Вскорѣ потомъ прикочевала часть хошоутскаго поколѣнія, въ числѣ около трехъ тысячъ семей ; за ними приняло четыре тысячи кибитокъ Дзюнгорцевъ-Дербетевцевъ ; въ-послѣдствіи времени число Калмыковъ мало-по-малу все болѣе и болѣе усиливалось прибылыми толпами, и такимъ-образомъ въ при-Волжскомъ и въ при-Каспійскомъ краѣ число калмыцкихъ семей къ 1767 году возросло до того, что ихъ официально насчитывали до сорока-двухъ тысячъ ; но такъ-какъ въ этотъ счетъ положены были не всѣ Калмыки, то и полагали, что ихъ всего было до семидесяти тысячъ кибитокъ¹².

Калмыки принесли къ намъ изъ-за Алтая то же устройство, какое имѣли и всѣ Монголы. Устройство это было основано на началахъ патріархальнаго родоваго ихъ быта.

Зародышемъ, основаніемъ рода былъ «хотонъ». Хотонемъ называется купа близкихъ родственныхъ семей, сообща, нераздѣльно живущихъ на данной мѣстности¹³. Эту купу родственниковъ составляли пра-дѣдъ, дѣдъ и отецъ съ сыновьями и внуками ; правителемъ хотона былъ глава семейства, «ага», старецъ, старѣйшина, нынѣ старшина ; у Ногаевъ и у Киргизовъ этому званію соответствуетъ «ак-сакалъ», «Бѣлая-борода».

«Аймакъ» есть связь нѣсколькихъ хотоновъ, соединенныхъ между-собою узами родства въ степеняхъ дальнѣйшихъ и болѣе или менѣе

⁹ Тамъ же, стр. 531. Палласъ Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, S.-P.-burg, 1771, Th. 1, pag. 402.

¹⁰ Акт. Истор. Т. IV, №№ 151 и 154.

¹¹ Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. I, № 1,245 и Т. II, № 1,245.

¹² Палласъ Ueber die mong. Völkerschaften. 1h. I. pag. 92 и 93.

¹³ Смотри въ концѣ отдѣльной главы о калмыцкой кибиткѣ.

близкаго свойства. Аймакъ, точно такъ же, какъ и хотонъ, не могъ имѣть опредѣленной численности. Тотъ изъ хотонныхъ старейшинъ, который по прямой линіи происходилъ отъ главы перваго хотона, получалъ званіе «зайсѣна» или «зайсанга», и управлялъ цѣлымъ аймакомъ. Званіе аймачнаго зайсанга переходило наследственно отъ отца къ старшему сыну, братья котораго именовались просто зайсангами, но не аймачными, а отъ простыхъ Калмыковъ рознились только почетомъ происхожденія. У Киргизовъ слову аймакъ почти соответствуетъ «аулъ», а зайсангу — «бій».

Родомъ, «ангй», называется соединеніе нѣсколькихъ аймаковъ, происходящихъ отъ одного общаго всѣмъ имъ родоначальника или старейшины того хотона, отъ котораго родъ разродился. Родственные отношенія зайсанговъ разныхъ аймаковъ сохраняются только въ преданіяхъ, старшинство ихъ, одного передъ другимъ, съ теченіемъ времени утрачивается: поэтому всѣ зайсанги равны между-собой. Земли, занимаемыя однимъ родомъ, отдѣльно отъ чужеродцевъ, здѣсь впервые получаютъ опредѣлительное названіе «отокъ», или участокъ.

Въ-послѣдствіи времени, когда народъ болѣе и болѣе сталъ употреблять въ дѣло свою воинственность, въ которую обратилась развитая междоусобными распрями алчность къ добычѣ, правители Калмыковъ стали подраздѣлять роды, или ангй, на «зунъ», сотни, а сотни на сорока, для легчайшаго разсчета и сбора съ отока ратныхъ людей. Сотня заключала не опредѣленное число кибитокъ, или хошей, а опредѣленное число, именно сто, дымовъ или котловъ, или семействъ, члены которыхъ живутъ общимъ хозяйствомъ, ѣдятъ изъ одного родительскаго котла ¹⁴.

«Улусомъ» называлась часть народа, заключавшая въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного, общаго всѣмъ имъ корня. Правителемъ улуса былъ ближайшій родственникъ тайши, называвшійся «нойномъ» или «нойономъ», но собственное значеніе слова нойонъ — «господинъ». Нойоны иногда присвоивали себѣ званіе «тайши», но на-самомъ-дѣлѣ они тайшами не были, состоя къ этой власти въ вассальныхъ отношеніяхъ.

«Тайша» былъ правителемъ цѣлаго поколѣнія, называвшагося «тангачи», и раздѣлявшагося на улусы. Лучшимъ и обширнѣйшимъ улусомъ тайша завѣдывалъ самъ непосредственно, а менѣе обширные раздавалъ, и въ управленіе, и въ кормленіе, сыновьямъ и братьямъ,

¹⁴ Тамъ же.

которые и чередовались между-собою по обстоятельствамъ. Напримѣръ: если сынъ тайши, нойонъ, умираетъ, то улусъ его переходитъ въ управленіе другого сына, или брата, или племянника, а ихъ улусы или передавались третьимъ родственникамъ, или присоединялись къ улусу старшаго сына, или самого тайши. Земли, занятія кочевьями цѣлаго поколѣнія, назывались «нутукъ». Значеніе тайши сходствуетъ нѣсколько съ значеніемъ бековъ у Ногаевъ, сутановъ у Киргизовъ, гиреевъ у Крымцовъ, и князей нашей старины.

Соединеніе нѣсколькихъ поколѣній въ одно цѣлое есть «оронъ», племя: главою его былъ «Хонъ-тайджи» или «контайша» Калмыковъ, то же, что «ханъ» у Киргизовъ¹⁵.

Званію зайсанга присвоивали титулъ «кюндютѣ», «ваше почтенство»; нойона звали «алдыръ», слово по-русски непереводаемое; къ нему присовокупляли иногда слова «хавралдыкъ» или «орёшенгутѣ», что передаютъ русскими фразами «ваша милость» и «ваша добродѣтель».

У Киргизовъ одни султаны составляютъ «благородное» сословіе народа, «бѣлыя кости», «чистый народъ», и съ этимъ выраженіемъ соединяется идея о прямомъ происхожденіи султана отъ Чингисъ-хана. У Калмыковъ и тайши, и нойоны, и даже зайсанги вообще называются «цаганъ-ясынь», то-есть «бѣлыя кости»; вся остальная масса народа называется «хара-кюнь», смердь, чорный человекъ, «хара-улусъ» — чорный народъ, или «хара-ясынь», чорныя кости.

Званія контайши, или хана, у Калмыковъ въ Россіи прежде не было: Аюка, сынъ Мончака-тайши и внукъ тайши Шукуръ-Дайчина, Хо-Урлюкова сына, первый присвоилъ себѣ этотъ титулъ. Послѣ него званіе хана носили сынъ его Церенъ-Дондукъ, за нимъ его племянникъ, внукъ Аюки, Дондукъ-Омбо, потомъ другой внукъ Аюки, Дондукъ-Данш и его сынъ Убуши.

Съ бѣгствомъ Убуши достоинство хановъ уничтожено: оно замѣнено было, на нѣкоторое время, титуломъ намѣстника; достоинство тайшей утратилось, и уступило мѣсто званію нойоновъ; Калмыки, постепенно входя въ общій разрядъ племенъ, населяющихъ огромное пространство Имперіи, находились сначала въ непосредственномъ заведываніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ подчинены астраханской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, управляющей которою и называется «Главнымъ Попечителемъ Калмыцкаго Народа».

¹⁵ Палласъ Ueber die mong. Völk. Th. I, pag. 186 - 191.

Въ подчиненности къ нему состоятъ «нойоны» владѣльческихъ улусовъ и «правители» улусовъ казенныхъ, а уже въ ихъ зависимости управляютъ народомъ аймачные зайсанги и хотонные старшины, на общихъ законахъ.

Прежде Калмыки кочевьями своими занимали рѣки Ембу, Орь, Илекъ, Уралъ, Волгу съ ея протоками, Нарынъ-пески, и степи правого берега Волги, до хребта Ергене и предѣловъ Земли Войска-Донскаго къ западу, и до Пятигорска и устья Кумы къ югу. Но когда большая часть Калмыковъ ушла, въ-началѣ минувшаго столѣтія, въ Дзюнгарию, другая, мѣньшая часть Калмыковъ, изъявившихъ желаніе принять христіанство, поселена около Ставрополя, на Куней-воложкѣ, третья, незначительная, перешла на Терекъ, четвертая еще прежде примкнула къ Донцамъ, пятая соединилась съ Уральцами, а шестая огромною массою уведена Убуши къ Китаю, тогда приняты были мѣры къ надѣлу Калмыковъ землею. Теперь Калмыки, занимающая участокъ каспійскаго побережья въ такъ-называемыхъ мочагахъ, размѣстились по обѣимъ берегамъ Волги, почти отъ Сарепты до Астрахани. На луговой сторонѣ — Нарынъ-пески принадлежатъ Внутренней-Киргизской-Ордѣ; гора Бѣдо составляетъ казенный участокъ, соединенный съ Баскунчатскимъ солянымъ озеромъ; южнѣ Нарынъ-песковъ обитаютъ Кундровскіе и Юртовскіе Татары, а по самымъ берегамъ протоковъ Волги разселены Русскіе; на нагорной сторонѣ Калмыки кочуютъ до рѣкъ Кумы, Калауса, Маныча, до границъ уздовъ Кизлярскаго, Георгіевскаго, Александровскаго и Ставропольскаго, на западъ граничатъ они съ р. Егорлыкомъ и съ Землею Донскаго Казачьяго Войска; пустыри здѣшной степи, по коммерческому тракту, заселены Русскими же.

Кочующіе по Волгѣ Калмыки, или, какъ сами они себя называютъ, Елѣты, раздѣляются на слѣдующія четыре поколѣнія.

Поколѣніе Дзюнгаръ: къ нему принадлежатъ всѣ Дербѣтевцы, раздѣляющіеся нынѣ на два улуса, больше-дербѣтевскій и мало-дербѣтевскій. Отрывки Дзюнгаровъ находятся, кромѣ-того, въ улусахъ ики-цохуровскомъ и хошоутовскомъ, и между крещеными Калмыками Оренбургскаго Казачьяго-Войска, бывшими Ставропольскими.

Поколѣніе Тергѣтъ или Торгоутъ; остатки выведенныхъ Убуши Торгоутовъ, вошли въ составъ слѣдующихъ улусовъ: Ики-Цохуръ (то-есть большой Рябой или Пестрый), Бага-Цохуръ (то-есть ма-

мый Рябой), Яндыкъ, Еркедёнъ, Харахусъ и Ердёнъ-Цаганъ-Кичи-ковскій, сокращено Ердёнёвскій — это все Торгоуты. Торгоуты же вошли въ составъ и Уральскаго Казачьяго Войска; они же попались, при бѣгствѣ, въ плѣнъ къ Киргизамъ, съ которыми и смѣшались; выселившіеся въ Челябинскій уездъ Оренбургской губерніи и лѣтъ сто уже омусульманенные Калмыки, числящіеся нынѣ Башкирцами, принадлежатъ тоже къ Торгоутамъ.

Поколѣвіе Хойтъ, Хойтъ или Хойотъ нынѣ почти совершенно уничтожилось: остатки его существуютъ только въ хошоутовскомъ улусѣ, и отчасти въ бывшемъ Ставропольскомъ Войскѣ.

Поколѣвіе Хошоутъ: кромѣ хошоутовскаго улуса, Калмыки этого поколѣнія вошли въ составъ улуса ики-цохуrowsкаго.

Хошоутовскій улусъ есть улусъ владѣльческій. Калмыки этого поколѣнія гордятся тѣмъ, что преданія наименовываютъ Чингисъ-хана ханомъ именно Хошоутовъ. Хошоуты, переходя изъ рукъ одного потомка Чингиса въ руки другаго ¹⁶, находились, въ-половинѣ прошлаго вѣка, подъ предводительствомъ Замьяна. Замьянъ былъ женатъ на вдовѣ тайши Дечжита, владѣльца Хойотовъ; сынъ ея Тюмёнъ-Джиргалъ остался владѣльцемъ и надъ Хошоутами, и надъ многочисленными Хойотами ¹⁷. У Тюмёна-Джиргала было четыре сына: 1) старшій и владѣлецъ Церенъ-Дондокъ, 2) Серѣджабъ; оба уже умерли; 3) Батырь-Убуши, убитый подъ Остроленкой и 4) Церенъ-Норбѣ, повнѣ живущій. Послѣ Церенъ Дондока остались два сына, изъ которыхъ старшій, Церенджабъ, есть нынѣшній владѣлецъ улуса.

Общее число Калмыковъ, находящихся въ зависимости астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, полагалось слѣдующее: въ 1850 году

Владѣльцевъ и вообще нойдоновъ	38 душъ муж. пол.	и 46 душъ жен. пол.
Зайсанговъ вообще	1,495	— — — 1,083 — — —
Духовныхъ	2,004	— — — — — — —

Простыхъ Калмыковъ полагалось:

въ 1832 году	около 12,000	кибитокъ.
— 1836 — —	15,000	—
— 1842 — —	14,000	—
— 1850 — —	15,000	—

¹⁶ Рычкова «Топографія Оренбургская». С.П.-бургъ, 1762, ч. I, стр. 129.

¹⁷ Палласъ Ueber die mong. Völk. Th. I. pag. 30.

Во всѣхъ улусахъ считалось скота :

въ 1827 году	805,255	головъ.
— 1836 —	235,347	—
— 1840 —	453,543	—
— 1844 —	958,885	—
— 1850 —	812,181	—

Калмыки, вообще говоря, народъ рослый и красивый. Тѣмъ лица ихъ такъ общезвѣстенъ, что распространяться о немъ нечего¹⁸; но нельзя не замѣтить, что всѣ Торгоуты, а особенно Ики-Цохуры, полнѣе тѣломъ, лицо у нихъ чище, бѣлѣе и румянѣе; Хошоуты же, и особенно Керётова рода, лицомъ черны, безъ признака румянца; они стройнѣе тѣлосложеніемъ, но тонки, и какъ вообще выражаются, жидковаты. Калмыки, по самой Волгѣ и въ мочагахъ обитающіе — народъ приземистый и плотный, высокій ростъ у нихъ рѣдкость.

Невсегда должно предаваться первому впечатлѣнію при видѣ Калмыка, поражающаго наблюдателя темнокоричневымъ цвѣтомъ кожи: безпрестанная бытность лѣтомъ подъ палящимъ солнцемъ можетъ служить этому достаточнымъ объясненіемъ. Загаръ съ лица, съ рукъ и всегда открытой шеи у Калмыка неуничтожимъ; но надо взглянуть на дикаго сына степей въ его оригинальномъ костюмѣ, на народныхъ играхъ, при борьбѣ, въ которой онъ является предъ взоры цѣлаго народа едва прикрытымъ короткими до коленъ шальварами, чтобъ полюбоваться превосходно-очерченными формами борца и матовой бѣлизной его тѣла.

Вообще замѣчаютъ, что Малодербетевцы, Еркетеневцы и Хошоуты — народъ, по преимуществу, самый работающій; Торгоуты, кромѣ ихъ рода Дзюнгаръ, послабѣе на работу.

Различіе нарѣчій между разными улусами астраханскихъ Калмыковъ очень разительно. Люди, хорошо знакомые съ калмыцкимъ языкомъ, замѣчаютъ, что кромѣ-того, что одни улусы болѣе или менѣе, съ теченіемъ времени, набрались русскихъ и татарскихъ словъ, они разнятся еще между-собою, какъ нѣкоторыми грамматическими формами строенія калмыцкой фразы, такъ и фоническими измѣненіями отдѣльных словъ и цѣлыхъ рѣченій; случается такъ, что одинъ

¹⁸ Палласъ, Ueber die mong. Völk. стр. 97 и слѣд.; Reise durch versch. Prov. Th. I, S. 308 и 309.

Калмыкъ съ трудомъ съ одного раза доберется до смысла того, что ему говорить другой Калмыкъ.

Для отличія одного рода отъ другаго, Калмыки, подобно всемъ кочевымъ народамъ, употребляютъ тамги. Первоначальное изобрѣтеніе тамогъ и раздачу ихъ народу преданіе приписываетъ Чингисъ-хану.

Въ настоящее время тамги имѣютъ у Калмыковъ значеніе, близко подходящее къ значенію герба у владѣльцевъ, у аймачныхъ зайсанговъ, также у хуруловъ, или молитвенныхъ храмовъ; они служатъ Калмыкамъ, какъ вмѣсто печатей, такъ и для тавра скота.

Знаки тамги, клейма, берутся Калмыками или изъ предметовъ ихъ домашняго быта, или изъ предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе.

Такъ, напримѣръ, «очиръ» есть та часть молитвенной калмыцкой утвари, которая всегда хранится вмѣстѣ съ хурульнымъ колокольчикомъ, и служитъ знакомъ духовной власти. Изображеніе очира см. на чертежѣ № 4-й.

«Туммыль»¹⁰ въ кругу есть тоже часть религіозныхъ предметовъ. Кругъ означаетъ круглый низенькій сосудъ, употребляемый при домашнемъ и при общественномъ богослуженіи. Въ этотъ сосудъ насыпается зола, и въ ней выдавливается изображеніе, именуемое туммыломъ, и имѣющее форму, обозначенную въ чертежѣ № 1-й. Въ ямки, образовавшіяся отъ выдавливанія этой формы, насыпается благовонная трава, баккаутовое дерево и разныя куренія въ порошкахъ. Въ извѣстные праздники благовонія зажигаются и ставятся передъ бурханами.

Полутуммыль называется «дегрѣ»: она изображена въ чертежѣ № 3-й, и служитъ тамгой у хуруловъ и у родовъ; чтобъ не смѣшать одного съ другимъ, тамгѣ дегрѣ дается разное положеніе.

«Джунгуру» есть простая перекрестина кибиточныхъ шестовъ, или рѣшотки, съ приделанными у концовъ хвостиками. Изображеніе перекрестины означено, въ разныхъ видахъ, въ № 8, а джунгуру въ № 2.

Черта, положенная накосъ, означаетъ ногойку безъ ручки (№ 5), а прямая вертикальная черта есть изображеніе кола (№ 6); двѣ черты, одна на другую положенныя, изображаютъ молотокъ (№ 9); три

¹⁰ Стараясь всюду выдерживать вѣрность произношенія Хошоутовъ мы курсивною буквою *н* выражаемъ носовые звуки.

черты, приставленные въ четвертой, имѣютъ видъ гребня (№ 11), а четырехъ-угольникъ, составленный изъ простыхъ чертъ (№ 18), имѣетъ видъ двери, навѣшиваемой у входа въ кибитку.

Двѣ черты, соединенныя верхними концами подѣ острымъ угломъ (№ 10), изображаютъ острый конецъ воинскаго строя, у Калмыковъ извѣстнаго подѣ именемъ «хошунъ», у Македонянъ подѣ именемъ «фаланги», а въ нашей старинной рати подѣ именемъ «свиньи»: «Нѣмцы же и Чудь пробиная *свинією* сквозь полки и бысть съча зла», говорится въ старинныхъ нашихъ летописяхъ.

Сандовъ, найза или острога, то-есть, орудіе, которымъ на каспійскомъ побережьи ловцы, и Туркмены и Русскіе, ловятъ рыбу въ камышахъ, изображается въ тамгѣ, для отличія одного рода отъ другаго, или съ зазубринами на концахъ, или безъ зазубринъ, также съ концомъ веревки на древкѣ, или безъ веревки (№ 14).

Одно кольцо, или нѣсколько колецъ, соединенныхъ между-собою веревкою (№ 12), имѣютъ нѣсколько видоизмѣненій для отличія одного рода отъ другаго; изъ нихъ же образуются и удила, и такъ-называемая тамга черкесской уздечки, «шеркинъ-хазаринъ-удѣ-тамга» (№ 16).

Фигуры подѣ №№ 13, 15 и 17 очень ясно сами за себя говорить: это лукъ со стрѣлой, копыто и ковшъ съ прямой ручкой, и съ кривой.

№ 7 представляетъ два изображенія: первое есть «кюн-тамга» — это человекъ съ руками и ногами; второе «гаранъ-юргексинъ-кюн-тамга», то-есть, человекъ съ поднятой кверху рукой.

Такъ-какъ Калмыки почти каждой мѣстности, на которой они обитаютъ, или прежде обитали, придаютъ отчасти самими ими придуманныя названія, отчасти заимствованныя отъ другихъ племенъ, то здѣсь и считается нелишнимъ представить нѣсколько примѣровъ подобнаго переименованія:

Русскіе — Оросъ.

Калмыки — Белютъ; слово Калмакъ, какъ въ старину и Русскіе называли Калмыковъ, или, какъ Калмыки сами произносятъ, «хальмикъ», есть татарское и означаетъ «остатки».

Киргизы — Хазыкъ, переименованное Казакъ, какъ Киргизы сами себя называютъ.

Большая-орда — Улú-джюзъ. }
 Средняя-орда — Уртá-джюзъ. } взято прямо съ Киргизскаго.
 Малая-орда — Кши-юзъ. }
 Уральцы — Такéнь-хазыкъ ; словомъ «такé» Калмыки называютъ дикихъ лошадей, турпановъ и кулановъ, водящихся, мѣстами, и понынѣ въ киргизской степи.

Татары — Мамгысь или Мамгытъ.
 Кундровскіе Татары — Кундрó-Мамгытъ.
 Туркмены — Тюркмидъ.
 Грузія, Грузины — Гюрджи.
 Армяне — Ирмели.
 Горцы — Уулáнь-серкишъ.
 Персияне — Хазлывышъ, испорченное татарское Кызылбашъ.
 Индѣйцы — Монтунь, отъ слова Мульта́нь, Мульта́нъ, по старинному мультя́нскіе люди.

Алтай — Алта-алыкъ-уулá ; алыкъ значить пѣгій ; уулá — татарское тау — гора.

Тарбагатай — Тарабаганъ-тау, гора тарабаганчиковъ.

Кавказъ — Серкишинъ-уула.

Пятигорье — Тавынъ-уула, буквальный переводъ.

Каспійское-море — Дада-тенгисъ, большое море ; подъ словомъ тенгисъ Калмыки вообще разумѣютъ большое водное пространство, поэтому всякій большой разливъ рѣки именуется у нихъ кѣки-тенгисъ, то-есть, голубое море.

Мочаги — Мацыкъ.

Елтонское-озеро — Чапчáачи.

Баскунчатское-озеро — Богдынъ-харынуръ, по имени горы Богдо.

Волга — Иджиль-мюрюнь.

Сарпа — Шорбó.

Ахтуба — Ахтева́, татарское ак-тюба́.

Бузанъ — Бузымъ.

Ашулукъ — Ашо-уулыкъ.

Ураль — Зя-мюрюнь ; этимъ же именемъ Зя называется и степь по обѣ стороны Урала.

Емба — Зенъ, киргизское Джеммъ.

Кума — Кюмё-мюрюнь.

Донъ — Темъ или Тимъ.

Кама — Камъ.

Иртышъ — Ртышъ.

Петербургъ — Піитеръ.

Москва — Мискю́.

Казань — Хазынъ.

Симбирскъ — Семпёръ.

Астрахань — Балгасынъ; это слово есть множественное число отъ «беашинъ», по-русски замокъ. Калмыки употребляютъ для Астрахани и татарскія названія: Айдеръ-ханъ, Хайдаръ-ханъ и Хаджи-тарханъ.

Черный-яръ — Ялгы-кала, по-татарски новый городъ.

Красный-яръ — Серкишъ-балгасынъ, то-есть, черкесскій городъ.

Замьяновская станица — Хуучинъ-модынъ-ѳргѣ, то-есть, «старая деревянная ставка» Замьяна.

Строглазинская-станция — Лсынъ.

Круглинскій островъ — Хавынъ-ату.

Селеніе Селитряный-городокъ — Джигидъ, татарское названіе развалинъ стариннаго татарскаго городка.

Ашулцкое-займище — Ордигинъ-цекѣ.

Песчаная коса между этими двумя мѣстностями — Бумбанъ-уланъ.

Новый островъ на Ахтубѣ — Сеахынъ-модунъ, то-есть, красивое дерево.

Енотаевскъ — Шины-балгасынъ, то-есть, новый городъ.

Царицынъ — Ахышъ.

Ставрополь на Волгѣ — Янджѣ, по-имени владѣльца обитавшихъ здѣсь прежде, крещенныхъ Калмыковъ.

Саратовъ — Шарытѣ.

Новочеркасскъ — Шинѣ-Керменъ.

Старый-Черкасскъ — Хучинъ-Керменъ.

Тюмень — Тюмюнъ.

Уральскъ — Таки-балгасынъ.

Гурьевъ-городокъ — Зягинъ-бельчиръ.

Хива-Бухара — Хотунъ-Бухаръ: одного отъ другаго Калмыки не раздѣляютъ.

Пятигорскъ — Халунъ-усунъ, то-есть, горячая вода.

Кисловодскъ — Ишкелинъ-усунъ, или кислая вода.

Тифлисъ — Ши.

Парижъ — Парджа.

II.

РАЗДѢЛЕНІЕ ХОШОУТОВСКАГО УЛУСА.

Хошоутовскій улусъ, въ нынѣшнемъ составѣ частей, представляетъ смѣсь чужеродцевъ: въ немъ, кромѣ природныхъ Хошоутовъ, есть и Дзюнгары, и Хойоты, и Торгоуты, прикрѣпленные къ основной массѣ улуса вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Улусъ этотъ содержитъ въ себѣ около двухъ тысячъ большихъ кибитокъ¹, и дѣлится на десять родовъ слѣдующихъ наименованій.

1. «Кереть»: по происхожденію своему Кереты принадлежатъ къ торгоутскому племени; ихъ въ хошоутовскомъ улусѣ считается около двухсотъ пятидесяти кибитокъ; тамга ихъ—савдовъ, «сере-тамга», указываетъ на старинную привычку Керетовъ къ рыбаченью. Орудіемъ этимъ Калмыки и нынче бьютъ въ половодье рыбу сазана.

2. «Еркетень»—тоже обломки Торгоутовъ, отдѣлившіеся отъ своихъ однородцевъ, нынѣ составляющихъ отдѣльный, еркетеневскій улусъ. Между Хошоутами, Еркетеневцевъ считается около полуторыхъ сотъ кибитокъ; тамга ихъ копыто, «турунь-тамга».

Къ Еркетеневцамъ же причислена часть «Шабинеровъ» и часть «Мергечютовъ», коренное происхожденіе которыхъ нынѣ утратилось; у Шабинеровъ тамга прямой крестъ, «цагрыкъ-тамга», а у Мергечютовъ копыто, «турунь-тамга».

3. «Бага-Хошоутъ» или малые Хошоуты, считающіе себя прямыми потомками тѣхъ воинственныхъ ратниковъ, которые, въ незапамятныя времена, прославили себя подвигами во главѣ хошуновъ, или фалангъ. Малыхъ Хошоутовъ считается около двухсотъ кибитокъ; небольшая часть ихъ носитъ названіе «Хатамынь». Тамга ихъ удила, «хазарь-тамга».

¹ Большою кибиткою называется кибитка главы цѣлой семьи, которая можетъ, смотря по числу членовъ, занимать и нѣсколько кибитокъ, или отдѣльных шатровъ. Приблизительныя цифры о численности родовъ получены мною отъ самого владѣльца хошоутовскаго улуса.

4. «Уранхусъ», по происхожденію коренные Дзюнгарцы. Калмыки съ понятіемъ Уранхусъ соединяютъ понятіе объ отличномъ, выборномъ народѣ, и по преданіямъ знаютъ, что въ давнее время кочеванія за Алтаемъ, когда прочіе Дзюнгарцы платили албанъ скотомъ, Уранхусы занимались звѣроловствомъ и платили подать звѣринными шкурами. Уранхусы раздѣляются на два отдѣла, на собственно Уранхусовъ, и на Давлютъ. Общая ихъ тамга есть прямой крестъ, «цагрыкъ-тамга». Уранхусы замѣчательны тѣмъ, что въ отечественную войну они преимущественно предъ прочими Калмыками отличились храбростію въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Ихъ считается около полутора-сотъ кибитокъ.

5. «Теленгитъ» происходятъ отъ Дзюнгарцевъ; тамга ихъ туммылъ въ кругъ; число семействъ ихъ простирается до ста пятидесяти кибитокъ.

6. «Цаатынъ»; родъ ихъ состоитъ изъ собственно Цаатыновъ, и изъ присоединенныхъ къ нимъ «Чигачинировъ». Общая ихъ тамга—погайка, «малы-тамга» Цаатыновъ, въ видѣ отдѣльнаго рода, считается около трехсотъ пятидесяти кибитокъ; но кромѣ-того часть Цаатыновъ вошла въ составъ Керѣтова рода Хошоутовъ, и имѣетъ общую съ Керѣтами тамгу, сандовъ.

7. «Икѣ-Хошоутъ», или большіе Хошоуты. Въ прежнія времена Икѣ-Хошоуты, по малочисленности своей, не могли образовать цѣлой сотни, «зунъ», составляя только одинъ изъ тѣхъ ея отдѣловъ, которые назывались сороками; поэтому къ нимъ и добавили часть Шабинѣровъ, или хурульных Калмыковъ, извѣстныхъ подъ сложнымъ названіемъ «Гювюнгинъ-Шабинѣръ», то-есть, людей, пожертвованныхъ некогда однимъ нойономъ уважаемому ламѣ, по имени Гювюнь, послѣ смерти котораго люди эти и стали принадлежностью хурула. Тамга у Икѣ-Хошоутовъ та же, что и у Бага-Хошоутовъ, удила, «хазаръ-тамга», а у Гювюнгинъ-Шабинѣровъ тамга представляетъ человека, «кюнъ-тамга». Общее число кибитокъ около двухсотъ.

8. «Шабинѣръ»; этотъ родъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: «Хазлай» и «Чоѣджинъ-Шабинѣръ». Всѣхъ кибитокъ около трехсотъ пятидесяти; тамга у хазлаева отдѣленія человекъ, «кюнъ-тамга», а у Шабинѣровъ, названныхъ Чоѣджинъ, по-имени ламы, которому

прежній нойднъ уступилъ свои права, тамга представляетъ человека съ поднятой рукой, «гаранъ-юргёксынъ-кюнъ-тамга».

9. «Хойтъ»; этотъ родъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: изъ при-родныхъ Хойтовъ и изъ «Хахачиновъ», одного изъ сороковъ, на которые дѣлился керётвъ родъ бывшаго торгоутовскаго улуса. Всѣхъ кибитокъ около ста пятидесяти; тамга у Хойтовъ молотокъ, «аха-тамга», а у Хахачиновъ сандовъ, «сере-тамга».

10. «Цагала» суть чистые Хошоуты; настоящее свое прозваніе получили они оттого, что лѣтъ за тридцать за пять принадлежали мелкопомѣстному, необширно-улусному владѣльцу, именемъ Цагала. Число ихъ кибитокъ доходить до сотни; тамга ихъ «дегре» въ вер-тикальномъ положеніи ¹.

Тамга владѣльца хошоутовскаго—лукъ со стрѣлой.

Тамга большаго хурула хошоутовскаго улуса есть «дегре» въ го-ризонтальномъ положеніи.

Общая численность семействъ, нынѣ составляющихъ хошоутовскій улусъ, съ присоединенными къ нему кибитками мелкаго дзюнгарскаго владѣльца, нойдна Церенъ-Убунъ, слѣдующая:

Нойоновъ, принадлежащихъ

къ семьѣ владѣльца . . . 5 душъ муж. пола, и 12 душъ жен. пола.

Аймачныхъ зайсанговъ. . . 29 — — 29 — —

Безаймачныхъ зайсанговъ . 15 — — 15 — —

Духовенства:

Гелюнговъ, или жрецовъ

первой степени . . . 117 — —

Гецюлей, второстепенныхъ

жрецовъ 52 — —

Манжиковъ, ученик. вѣры. 20 — —

Храмовъ, или хуруловъ:

Большихъ. 3, изъ нихъ одинъ каменный.

¹ Названія родовъ въ другихъ улусахъ мнѣ неполнѣ известны. Я знаю только, что въ ики-цохуровскомъ улусѣ есть роды Ачиниръ, Хошоутъ, Тоханъ-Кюсюкъ, Дзюнгаръ, Боорцугутъ, Сатхылъ, Шабинёръ, Еркеснъ, Ельджюгутъ, Замутъ и нѣсколько другихъ; у Яндыковцевъ роды носятъ названія Керётъ, Шабинёръ, Цаатынъ, Багутъ, Барунъ и другія; въ еркесневскомъ улусѣ имена родовъ суть Харнутъ, Хапчинъ, Ерекчутъ, Хомеркчютъ и другіе. Ср. у Палласа Ueber d. mong. Völkerschaften, Th. I., S. 221.

Малыхъ. 5

Часовенъ. 3

Простыхъ Калмыковъ отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ кибитокъ, или отъ пяти до шести тысячъ душъ мужского пола.

Скота примѣрно полагается, за 1850 годъ :

	У нойоновъ.	У зайсанговъ.	У хуруловъ.	У народа.	Итого.
Верблюдовъ.	—	37	62	443	542
Лошадей.	788	413	458	5,724	7,563
Рогат. скота.	195	371	258	2,469	3,293
Козъ.	—	—	—	275	275
Овецъ :					
Калмыцкихъ.	756	1,138	1,781	14,647	18,322
Мериносовъ.	352	—	—	—	352
Шлёнскихъ.	1,939	—	—	—	1,939

Всего 32,086 гол.

Изъ достоверныхъ слуховъ известно, что общее число головъ скота, принадлежащаго Калмыкамъ хошоутовскаго улуса, простирается болѣе 80,000 головъ, въ томъ числѣ до 15,000 головъ лошадей.

Кромѣ раздѣленія на роды, мы встрѣчаемъ у Калмыковъ еще раздѣленіе народа на хурульныхъ, къ которымъ принадлежатъ Шабинеры, и Шангуды, на дворовыхъ, къ которымъ принадлежатъ Кётёчинеры, Дёмчи и Чигачиниры, и на почетныхъ — Дархтѣ, Еркетѣ, Мергечюты и Боодокчи.

«Шабинеры» суть такіе изъ простыхъ Калмыковъ, право на управление которыми передано владѣльцами, вмѣстѣ съ правомъ на личныя послуги, хуруламъ : новое назначеніе ихъ есть пастъба и уходъ за хурульнымъ скотомъ и прислуга духовенству. Иногда такіе люди уступались прославившимся чистотою жизни, или необыкновенными познаніями въ медицину и астрологию гелюнгамъ, и по смерти ихъ переходили въ общественное достояніе хурула и гелюнговъ.

«Шангуды» суть тѣ же Шабинеры, но они составляютъ отдѣльную часть народа только въ-отношеніи къ владѣльцу, состоя при тѣхъ же родахъ, отъ которыхъ они отчислены къ хурулу, съ обязанностию заготовлять сѣно для хурульныхъ стадъ и дрова для хуруловъ. Тамга Шангудовъ есть «очиръ».

«Кётёчинеры» суть люди, избираемые, или потомки избранныхъ уже прежде Калмыковъ, изъ разныхъ родовъ къ владѣльцу. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ постоянно находиться при

«ёргё», то-есть, при владѣльческой ставкѣ, при жиломъ домѣ или при кибиткахъ самого владѣльца и членовъ его семейства. Кѣтѣчинёры составляютъ родъ дворни и охранную стражу владѣльца. Въ старыя времена, при сборахъ съ нимъ на войну, часть Кѣтѣчинёровъ, по выбору нойона, ходила вмѣстѣ съ нимъ молиться въ хурулъ, и тамъ давала клятвы и обеты быть вѣрными и непоколебимо преданными сподвижниками и защитниками нойона и его семейства. Между Кѣтѣчинёрами и нашими древними «отроками» есть нѣкоторая аналогія, идея которой сохраняется еще въ нашихъ выраженіяхъ «прикащикъ» и «молодецъ».

Изъ Кѣтѣчинёровъ владѣлецъ выбираетъ себѣ «мѣрчѣ», перваго конюха, и «сѣёйна», перваго главнаго слугу, не пользующагося однакожъ тѣмъ огромнымъ почотомъ, который принадлежитъ мѣрчѣ.

«Дѣмчи», или выборные изъ всехъ родовъ и ихъ подраздѣленій, живутъ постоянно при нойонѣ-владѣцѣ и его «ёргѣ». Самое калмыцкое понятіе о «Дѣмчи» есть то, что это суть простые разсылные, доставляемые отъ каждаго хотона по одному къ владѣльцу, для общихъ нуждъ и владѣльца, и самого хотона.

«Чигачиниръ» суть остатки прежняго особаго отдѣла Чигачинировъ, или людей, которыхъ всѣ повинности ограничивались изготовленіемъ кумыза для владѣльца и его семейства, и для хуруловъ; на это указываетъ и самое ихъ названіе, происходящее отъ слова «чигенъ», кумызъ.

«Дархтá» суть потомки лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ родамъ простыхъ Калмыковъ и отличившихся особенною храбростію при военныхъ дѣйствіяхъ. У Калмыковъ донынѣ существуетъ поговорка «хошоунъ деерѣ дархлыкъ дыксынъ», то-есть, «я выслужилъ свое право въ головѣ хошуна». Хошуномъ, отъ котораго Калмыки производятъ и самое имя Хошуутовъ, назывался строй войска острою колонною: люди, стоявшіе въ головѣ ея, шли на вѣрную смерть.

«Еркетѣ» суть потомки тѣхъ Кѣтѣчинёровъ, или и другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ родамъ простыхъ Калмыковъ, которые отличились и выслужились у тайшей какими-нибудь особенными нератными подвигами. Еркетѣнцы полагаютъ, что названіе ихъ происходитъ отъ слова еркетѣ.

Люди, заслужившіе себѣ титулъ Дархтá или Еркетѣ, были изъяты

отъ всякой подчиненности мелкимъ властямъ; они не подлежали завѣдыванію зайсанговъ, и состояли въ зависимости только одного владѣльца. Право неподсудности и неподвѣдомственности никому, кромѣ тайшей, укрѣплялось у Дархтѣ и у Еркетѣ особыми льготными ярлыками, съ которыми, вѣроятно, сходствовали и наши старинныя, созвучныя съ «дархтѣ», тарханныя грамоты. Ярлыки эти давались тайшами; ихъ писали на гладкой бѣлаго, а чаще желтаго цвѣта шолковой матеріи, съ приложеніемъ родовой владѣтельской тамги.

«Мергечютъ» составляли стрѣлковыя сотни, и вмѣстѣ съ прочею сборною ратью не смѣшивались, а постоянно находились лично при владѣльцахъ. Это былъ выборный, лучшій народъ, мастерски умѣвшій владѣть оружіемъ.

При наступленіи военныхъ дѣйствій, Дархтѣ, Еркетѣ и Мергечюты, всѣ поголовно, давали въ хурулъ правителю улуса присягу на вѣрную службу и обѣты усердной защиты его и его семейства.

«Боодокчѣи» суть довѣренныя отъ владѣльцевъ Калмыки, нынѣ высылаемые, по одному изъ улуса, на нужды и распоряженія главнаго попечителя калмыцкаго народа.

III.

МѢСТА, ЗАНИМАЕМЫЯ КОЧЕВЬЯМИ ХОШОУТОВЪ.

Главныхъ мѣстъ владѣльческой ставки, «ѣргѣ», у хошоутовскаго нойона и его хуруловъ ¹ двѣ:

«Зимняя» — въ селѣцѣ Тюменевкѣ, на лѣвомъ берегу Волги, въ равномъ разстояніи отъ станицъ Астраханскаго Казачьяго Войска, Сыроглазинской и Замьяновской, лежащихъ на правомъ берегу Волги. Въ этомъ селѣцѣ Тюменевкѣ, прозванномъ такъ по имени владѣльца Тюменя ², выстроены прекрасно-меблированный большой двухъ-этажный деревянный домъ. Убранство верхнихъ комнатъ совершенно сообразно убранству кибитокъ. Въ этомъ домѣ живутъ и лѣтомъ, и зимой, и только въ самые знойные дни обитатели ищутъ прохлады въ разставленныхъ на чистомъ воздухѣ кибиткахъ. При домѣ хорошій садъ, службы и каменный хурулъ. Для гелюнговъ, или гелюновъ, тоже выстроены деревянные дома, а для кѣтѣчинѣровъ и дворовыхъ мастеровыхъ — деревянные избы и мазанки съ виду похожія на кибитки.

«Лѣтняя» ставка хошоутовскаго улуса находится за Волгой и за Ахтубой, на лѣвомъ берегу рѣки Ашулѹка, получающаго начало изъ Ахтубы и въ Ахтубу же впадающаго. Мѣсто, гдѣ разбивается ѣргѣ,

¹ Въ улусахъ невластѣльческихъ «ѣргѣ», то-есть владѣльческой ставки, быть не можетъ. Въ казенныхъ улусахъ главною ставкою считается то мѣсто, гдѣ стоятъ хурулы, или капища, и эти хурульные ставки называются «куръ». У Палласа см. *Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, I Th. S. 175.—Ергѣ, или ургѣ, а также и куръ, по-русски безразлично передавались, да и теперь еще въ разговорѣ передаются, словомъ курень; а вообще «кочевье», покрытое кибитками пространство степи, передается словомъ «таборы».

² Имя Тюмень, родоначальникъ Тюменевыхъ, Тюмень-Джиргалъ, получилъ отъ города Тюменя, гдѣ онъ родился: «Тюмюнъ», при счетѣ барановъ, стоговъ сѣна и прочаго, у Калмыковъ означаетъ десять тысячъ, старинное русское тѣмъ; при счетѣ денегъ тюмюнъ означаетъ сто рублей, или десять тысячъ копѣекъ; для выраженія же десяти тысячъ, при денежныхъ счетахъ, есть слово «сайя».

называется Ордлигнъ-цекѣ. Здѣсь тоже выстроены деревянные домики, въ родѣ двухъ-этажной бесѣдки, для постоянного жительства неудобной. На песчаной мѣстности огорожено небольшое пространство степи, на которомъ, съ огромными пожертвованіями трудовъ, времени и капитала, тщетно производятся ничѣмъ некупаемые опыты разведенія нѣкоторыхъ видовъ хлѣбныхъ и огородныхъ растений: на богатомъ песками урочищѣ только изрѣдка пробивается зелень обыкновенныхъ степныхъ травъ; а на миниатюрной плантаціи не жалуютъ ни назема, ни многократной поливки засѣянаго пространства водой. Калмыки хотятъ доказать, что трудъ все преодолеваетъ.

«Цекѣ» значитъ займище: поэтому въ полуую воду урочище это называется Ордлигнъ-цекѣ, а когда вода войдетъ въ постоянные свои берега—оно именуется просто Ордликъ.

Слово «Ордликъ» есть испорченное татарское «орда-лыкъ», что по-русски означаетъ «мѣсто, удобное, предназначенное для орды, для «ставки». Это татарское названіе, окрестныя развалины и ихъ татарскія наименованія, сами-собою напоминаютъ о томъ, что о соседственныхъ мѣстностяхъ сказано въ Книгѣ Большому Чертежу:

«По луговой странѣ (Волги), ниже Царицына-града, изъ Волги потекла рѣка Ахтуба. А по рѣкѣ по Ахтубѣ, на девяносто верстѣ отъ Царицына, Золотая-Орда, мечети татарскія каменные. А ниже Золотой-Орды пятьдесятъ верстѣ—Кривая-Лука. А противъ Золотыя-Орды, отъ Ахтубы сто верстѣ, Пески-Нарымскіе» (прямое ихъ названіе и нынѣ есть «Нарынъ», но на нѣкоторыхъ картахъ встрѣчается Рынъ-Пески); «вдоль Песковъ триста верстѣ, а межъ тѣхъ песковъ трава и кладязи многіе»².

Принявъ въ соображеніе вѣрность этого описанія, мы придемъ къ тому заключенію, что Калмыки хошутовскаго улуса почти примыкаютъ нынѣ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ прежнія времена были раскинуты ночева Золото-ордынцевъ, отъ которыхъ, во-время составленія Книги Большому Чертежу, остались однѣ «мечети татарскія, каменные». Нельзя не придти и къ той догадкѣ, что одного изъ Сараевъ, именно Новаго, или, какъ его называли, «Джедидъ», надо искать именно въ соседствѣ съ лѣтнимъ ёргѣ Хошутовъ, близъ котораго лежитъ и «Джигидъ» (Селитряный-городокъ), переименованный,

² «Книга, гааголемая Большой Чертежъ», изд. Г. И. Спасскимъ. Москва, 1846, стр. 153.

можетъ-быть, изъ Джедида, и «Давлютхънъ», тоже развалины, порусски именуемыя Лобазъ и Лопась⁴. Въ Никоновской Лѣтописи говорится опредѣлительно, что когда Большая Орда порушилась, то «Цари ордынскіе почали жить въ Асторокани, «а Большая Орда опустѣла, а мѣсто ея области (подъ этимъ словомъ надо, кажется, разумѣть прежнюю кочевную ставку), близъ Асторокани, два днища вверхъ по Волгѣ, именуется Сарай-Большіе»⁵. Если въ Селитрянный-городокъ плыть изъ Астрахани, то при непопутномъ вѣтрѣ, противъ теченія рѣки, нельзя поспѣть ранѣе, какъ въ два дня, съ небольшою остановкою на ночь. Съ этимъ объясненіемъ можно легко согласить и слова грамматы, относящейся къ 1591 году, о томъ, что Сараявъ этихъ было два: Ближніе-Сарай въ восьмидесяти верстахъ отъ Астрахани, и Дальніе-Сарай во ста верстахъ отъ Астрахани. Въ этой же грамматѣ слово *Сарай* замѣнено словомъ *мечети*⁶.

У Калмыковъ хошоутовскаго улуса, какъ обыкновенно водится, два кочевья: одно лѣтнее, другое зимнее. Лѣтнее кочевье находится въ степи луговой стороны Волги и ея протоковъ, и не касаясь горы Богдо, граничитъ съ востока съ Внутреннею-Киргизскою-Ордою, съ землею Кундровскихъ Татаръ, а съ рѣчной стороны съ деревнями русскихъ новосельцевъ. Зимнее кочевье лежитъ по степи праваго берега Волги, простираясь въ длину почти отъ самаго Енотаевска до ст. Джуруконской, что ниже Астрахани, а въ ширину до тѣхъ предѣловъ, неопредѣленныхъ положительно, гдѣ начинаются кочевья другихъ улусовъ. Предполагается самими Калмыками, что далѣе какъ верстъ на семьдесятъ отъ Волги, они въ глубь степи не заходятъ.

Не все, однакожъ, Калмыки лѣто проводятъ на лѣтнемъ кочевьи, а зиму—на зимнемъ. Не должно предполагать и того, что кочевка эта производится въ совершенно нераспутанный разбродъ, и представляетъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности открыть основныя начала и правила: все, касающееся до кочеванья Калмыковъ, при

⁴ Лопась или Лобазъ: такъ называются, по мѣстному выраженію, большіе плетневые или другіе загоны для скота.

⁵ Любопытное и остроумное изслѣдованіе «о мѣстоположеніи Сарая» В. В. Григорьева, напечатано въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1845 года, книжки 2, 3 и 4. Ср. также у Гмелина *Reise durch Russland*, S. B. b., 1774, Th. II, S. 47 и 6.

⁶ Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Комиссією. Т. I. М 230, стр. 438, 439 и 440.

небольшомъ вниманіи къ дѣлу, весьма легко уяснить и у Калмыковъ, какъ и у зауральскихъ Киргизовъ; а постигнувъ укорененную временемъ и обычаями систему этой перекочевки, измѣняемую только вслѣдствіе особенныхъ топическихъ условій и сокращенія числа удобныхъ для кочеванія мѣстъ, почти всегда навѣрное можно знать: гдѣ именно родъ, или известная часть его, въ данное время занимаетъ степь своими кибитками.

Такимъ-образомъ о перекочевкахъ хошутовскаго улуса мы получаемъ слѣдующіе выводы:

Въ родъ Керетъ, который въ прежнія времена переходилъ съ одного мѣста на другое нераздѣльно, въ полномъ своемъ составѣ, мы встрѣчаемъ теперь четыре главные группы, слѣдующія каждая своему направленію.

Первая группа Керетовъ состоитъ преимущественно изъ рыболововъ: это семьи тѣхъ Керетовъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе на волжскихъ рыболовныхъ ватагахъ, куда они поступаютъ или въ неводчики, то-есть, въ чернорабочіе, трудное и утомительное занятіе которыхъ состоитъ въ закидываніи и вытаскиваніи неводовъ, или въ пятчики, то-есть, въ работники, приставленные къ пяткѣ, какъ называются канаты съ колями, прикрѣпляемые къ сѣтямъ.

Эта часть Керетовъ зиму проводитъ на Хавынъ-ату, какъ Калмыки называютъ Круглинскій-Островъ, помѣстье владѣльца Тюменева. Къ веснѣ они съ Волги перебираются далѣе къ востоку. До прибытія пѣдой воды, они съ Круглинскаго-острова перекочевываютъ на берега Ахтубы, Большой и Малой, и по-мѣръ-того, какъ прибывающая вода начнетъ заливать берега и образовывать изъ Волги, Воложки, Большой и Малой Ахтубы и Ашулука одно общее водное пространство, Калмыки, тѣснимые водой, передвигаются все далѣе и далѣе, переходятъ чрезъ Ашулукъ «въ края», то-есть, на возвышенную степь, и занимаютъ урочище Ордлигнъ-цекѣ.

Урочище Ордлигнъ-цекѣ, прежде славившееся обиліемъ кормовъ, а нынѣ все болѣе и болѣе заносимое песками, уже успѣвшими образовать обширныя возвышенности сыпучаго песка, именуемая Бумбанъ-уланъ (Могильные-пески), находится на лѣвомъ берегу Ашулука, и простирается отъ Ашулуцкаго-кордона до кордона Лопастъ, иначе Давлютъ-ханъ, или возвышеннаго бугра, пригорка, покрытаго горами стариннаго кирпича. Въ глубь степи урочище Ордлигнъ-

цекѣ простирается отъ Ашулѹка верстѣ на пятьдесятъ, вплоть до урочища, называемаго «Сенъ-зунъ», то-есть, «прекрасная сотня»: здѣсь множество, больше ста, колодцевъ, или, по мѣстному выраженію, худукъ (татарское «кудукъ» — «копань»). Теперь это обширное песчаное пространство, линась отъ наносныхъ пѣсковъ обильной зелени, утратило уже прежнее значеніе прекраснаго для кочевки, выгоднаго для водопоевъ мѣста.

Та первая группа Керѣтовъ, про которую мы начали рѣчь, занимаетъ своимъ кочевьемъ не все пространство Ордлигнъ-цекѣ: она жмется только по самому берегу займища, оставляя мѣсто, поближе къ водѣ другимъ сородичамъ, которымъ далеко идти въ глубь степи достатки не позволяютъ, а избрать средину между двумя крайностями нельзя, по неизмѣннѣ водопоевъ или отсутствію луговыхъ травъ.

Когда вода сойдетъ, займище обсохнетъ и названіе «Ордлигнъ-цекѣ» превратится въ «Ордликъ», Керѣты передвигаются къ самому берегу Ашулѹка, сажень на полтора и начинаютъ выкашивать сѣно; къ концу августа или къ началу сентября мѣсяца убираютъ его и потомъ идутъ снова на Ахтубу; здѣсь проводятъ они всю осень и наконецъ идутъ зимовать, попрежнему, на Круглинскій-Островъ.

Перекочевка въ такомъ порядкѣ будетъ продолжаться неизмѣнно, до-тѣхъ-поръ, пока особенныя обстоятельства не вынудятъ хотонъ измѣнить существующую систему.

Надобно прибавить, для лучшаго уясненія предмета, и то, что эта группа, какъ и очень многія другія отдѣленія Калмыковъ, не всѣ однакожь, кочуетъ не сомкнутою массой, а нѣсколько въ разбродъ. Одно ёргѣ, или владѣльческая ставка, представляетъ какъ бы особенный, многолюдный городъ, улицы и площади котораго, вмѣстѣ съ молитвенными капищами и лавками заѣзжихъ купцовъ, обставлены болѣе или менѣе правильными рядами подвижныхъ пнаторовъ, именуемыхъ кибитками. Прочіе аймаки разбиваются на нѣсколько частей: въ одномъ мѣстѣ виднѣется только одна кибитка, въ другомъ ихъ выставленъ десятокъ, а въ третьемъ купа кибитокъ огорожена въ правильный калмыцкій хотонъ. На посторонній взглядъ размѣщеніе это безпорядочно, но знакомый съ дѣломъ тотчасъ замѣтитъ что на каждой отдѣльной мѣстности размѣстилась одна общая

группа семей, издавна соединенныхъ въсьмъ единствомъ родства и единствомъ интересовъ.

Другая группа Керётовъ, тоже рыболововъ, зимуетъ на рѣкѣ Бузапъ, въ дачѣ Акъ-Мирзы Урусова, на островѣ, образуемомъ Бузаномъ и ерикомъ (узюкъ) Ай-су: это татарское названіе, значащее «полумѣсяцъ-вода», дано ерику по его формѣ. Чужую мѣстность Калмыки занимаютъ не даромъ: они косятъ для землевладельца сѣно и платятъ сверхъ-того незначительный покибиточный оброкъ.

Если прибывающая вода невелика и не сгонитъ людей съ мѣста, они остаются на Ай-су въ продолженіе цѣлаго лѣта; если же вода бываетъ велика—они откочевываютъ къ сородичамъ на Ордлигъ-и-цекѣ, и тамъ жмутся кибитка къ кибиткѣ около первой группы. Люди этой группы, постоянно живя при самой Волгѣ, и сами привыкли, и скотъ приучили только къ хорошей, проточной водѣ; уже по одному этому имъ невыгодно далеко отходить отъ береговъ займища.

Третья группа Керётовъ, половина на половину рыболовы и скотоводы, зимуетъ на урочищѣ Коровья-Лука, на правомъ берегу Волги, на острову, образуемомъ Волгою и ерикомъ Лебяжьимъ, мѣстами высыхающимъ. Здѣсь былъ домъ Замьяна-тайши. Земля эта хошоутовскому улусу не принадлежитъ; ею, на правѣ помѣщика, владѣетъ хошоутовскій владѣлецъ. Мѣсто это извѣстно подъ названіемъ «Домъ и садъ Тюменя». Здышній садъ, получившій начало при Замьянѣ, необширенъ, но замѣчательнъ по любопытной смѣси растений садовыхъ и не-садовыхъ. Здѣсь персиковыя деревья, растущія на открытомъ воздухѣ, прекрасныя тополевидныя райны, безчисленное множество центифолій, аллеи винограда, маленькая бакча съ арбузами, нѣсколько ореховыхъ деревьевъ, пробный засѣвъ кукурузы, маленькая плантація табаку, миниатюрное поле съ чалтыкомъ (сарацинскимъ пшеномъ) и пашня, шагѣвъ въ семь длины и шага въ полтора ширины, съ пшеницей. Для астраханскаго уѣзда, гдѣ хлѣбопашество совершенно неразвито, гдѣ оно, за половодьемъ, жарамъ и песками почти невозможно, эта образцовая ферма очень любопытная рѣдкость.

Владѣлецъ Круглиискаго-Острова и Коровьей-Луки пускаетъ къ себѣ на зимовку подвластныхъ себѣ Калмыковъ безденежно, безплатно же снабжая ихъ произрастающимъ на островѣ лѣсомъ на посуду, на плетни, на кибиточныя рышотки и на нѣкоторыя другія

насущныя надобности по хозяйству; но платя своему владѣльцу обыкновенный калмыцкій албанъ, сидящіе на собственной его землѣ Калмыки обязаны выкосить для него известное количество стоговъ сѣна.

Съ приближеніемъ весны, эта группа покидаетъ Коровью-Лукѹ и перебирается по сосѣдству, верстѣ за пять или за шесть, на озеро, называемое Татарами «Сіиръ-кѣль» (коровье-озеро), а Калмыками «Гащувъ» (горькое). Изъ озера Сіиръ, послѣ разлива, образуется нѣсколько мелкихъ озеръ; они, мало-по-малу, одно за другимъ, пересыхаютъ, на мѣстности, отсюду заносимой песками; къ осени изъ нихъ остаются только два или три озера. Имя Сіиръ-кѣль принадлежитъ тому только общему озеру, которое, во-время разлива волжской воды, соединить въ себя прежніе мелкіе озера.

На Сіиръ-кѣль Керѣты, о которыхъ мы говоримъ, проводятъ все лѣто, и уже въ глубокую осень, сухопутѣмъ, возвращаются въ свои зимовки, на Коровью-Лукѹ.

Последнюю, четвертую группу Керѣтовъ составляетъ сравнительно меньшая часть Калмыковъ этого рода, именно коренные скотоводы, стало-быть, люди болѣе чѣмъ достаточные, ловкіе, проворные и, отъ дальности своихъ кочевьевъ, мало утратившіе то, что характеризуетъ патріархальныя, чисто калмыцкія привычки.

Эти Керѣты зимуютъ на правой сторонѣ Волги, на сѣверозападъ отъ станицы, носящей на себя Замьяново имя. Зимовка ихъ простирается съ урочищъ Оджаръ, Шоръ и Тангытыръ, почти до урочища Кѣпчикъ, что противъ Тюменева-сада, у Лебяжяго-ерика. Къ веснѣ, этотъ народъ переплываетъ Волгу, достигая лѣваго ея берега, и черезъ Казачій-ерикъ, черезъ Ахтубу, черезъ Ашулукъ и черезъ всю ширину урочища Ордлигинъ-цекѣ, безостановочно и отдыхая только на ночлегахъ, проникаетъ до урочища Йисынъ-худукъ (Девять-Колодцевъ), раскидывается повсюду на мѣстности, богатой копанями, травой, а отчасти и песками, и стравивъ всю траву, спускается, въ концѣ августа, или въ сентябрѣ, къ Ашулукѹ и къ Ахтубѣ. Убравъ здѣсь сѣна, всѣ разомъ возвращаются на прежнія зимовки.

У рода Еркетѣнь мы тоже встрѣчаемъ нѣсколько отдѣльных группъ.

Одна часть Еркетѣневцевъ, именно рыболовы, то есть люди не-

зажиточные, бѣдные стадами, зимовали прежде на лѣтнемъ кочевьѣ, на Ордіикѣ; но теперь Калмыки этого отдѣла нашли себѣ пріютъ на островѣ между коренною Волгою и Енотаевкой. Островъ этотъ носитъ названіе Табунъ-Аралъ или Тавынъ-Аралъ (Пять-острововъ), потому-что онъ ериками перерѣзывается на пять неравныхъ частей, и составляетъ личную собственность нынѣшняго хоноутовскаго владѣльца. Если прибывшая вода Еркетѣнцевъ не затѣснитъ и съ острова не сгонитъ, то они остаются тутъ безсмынно; въ противномъ случаѣ они выкочевываютъ на лѣто на урочище Кердѣнь-цекѣ: оно на нагорной сторонѣ рукава Волги, Енотаевки. Калмыки выходятъ на это займище и разбиваютъ кибитки на незалитыхъ водою буграхъ. Это мѣсто составляетъ часть тавынъ-аральской дачи.

Займище Кердѣнь-цекѣ названіе свое получило отъ слова Кердѣ, какъ оно называется не въ полную воду, въ межень. Татарское названіе этой мѣстности Керей; съ этимъ именемъ, принадлежавшимъ какому-то старинному татарскому багатырю, сохранено у астраханскихъ Татаръ много воспоминавій, передаваемыхъ въ ихъ пѣсняхъ.

Это Кердѣ замѣчательно еще въ другомъ отношеніи: тутъ нѣсколько семей бѣдняковъ-Калмыковъ доведены были обстоятельствами до необходимости бросить кочевую жизнь и вкусить плоды жизни осѣдлой. По собственному побужденію, они на Кердѣ выстроились и теперь здѣсь — калмыцкая деревушка, Калмыками называемая «Кердѣ», а Русскими «Половинка», потому-что стоитъ на полдорогѣ между станицами Свроглазинкой и Косихой.

Другая половина рода Еркетѣнь занимается преимущественно скотоводствомъ. Эти Калмыки зиму проводятъ не на постоянныхъ зимовкахъ, подобно другимъ Калмыкамъ, а кочуютъ, переходятъ, полѣтному, съ мѣста на мѣсто по обширной степи, если, разумѣется, урожай травъ, вслѣдствіе благодѣтельныхъ для мѣстности, очень сильныхъ дождей, былъ хорошъ. Постоянное, неизмѣнное ихъ кочевье зимой начинается на правомъ берегу Волги, на степи нагорнаго ея берега, отъ урочищъ Хонъ, Хорбай или Хорва и другихъ, въ глубь степи, отъ Косихинской-станіцы верстъ на пятьдесятъ, до колодцевъ, именующихся Чулунъ («чулунъ» значитъ «мусоръ», «кирпичный щебень»: названіе это указываетъ на какія-то развалины) и Молотукъ. Здѣсь Еркетѣнцы, съ своими кибитками и стадами, рас-

кидываются по всемъ худукамъ, какіе только существуютъ въ этой мѣстности и въ ея окрестностяхъ.

Со вскрытіемъ Волги, Калмыки перебираются на противоположный берегъ рѣки, и подвигаясь далѣе и далѣе, доходятъ до Ашулѹка, проникаютъ черезъ всю ширину Ордагінѣ-цекѣ, направляются далѣе на сѣверо-востокъ и достигаютъ урочища Зайсанѣ-Мирза. Урочища, гдѣ Еркетѣневы преимущественно проводятъ лѣто, суть Темечѣ и Хултынгінѣ-худукъ, то есть колодезь, вырытый извѣстнымъ по богатству стадъ Калмыкомъ Хулыномъ. Въ то же время, когда прочіе Калмыки начнутъ «подниматься», и еркетѣневскіе скотоводы снимаются съ кочевья и идутъ на зимовки.

На лѣвомъ берегу Ахтубы, при рѣчкахъ Кирпичной и Мѣтиной, есть урочище, называемое «Цулхѣ», съ цацѣй, или могильнымъ строеніемъ въ память какого-то ламы, по имени Ламхатнѣ; урочище это Гусскіе, по цацѣ—называютъ Цацѣнскимъ участкомъ. Мѣсто это, славящееся покосами, прежде состояло все подъ калмыцкимъ кочевьемъ, а нынѣ раздѣляется на двѣ участка; одинъ составляетъ принадлежность Сыроглазинской-станицы, находящейся на противоположномъ берегу Волги, а другой — улуса, отъ котораго и отдается на откупъ селитренскимъ крестьянамъ и Кундровскимъ Татарамъ.

Часть рода Бага-Хошоутъ зимуетъ между рѣками Ахтубой и Ашулѹкомъ, въ окрестностяхъ ерика Шавуртѣ. Лѣтомъ эти Калмыки кочуютъ въ разбродъ «по гривкамъ», то есть по пространствамъ, отдѣляющимъ берега Волги отъ береговъ Ахтубы, и далѣе до Ашулѹка; но такъ какъ пространства эти почти совершенно заливаются водой, въ немногихъ только мѣстахъ образуя изъ береговыхъ возвышенностей небольшіе островки, то эти-то непонятныя водою земли и служатъ пріютомъ для очень небогатыхъ скотомъ Бага-Хошоутовъ. Другая часть такихъ же бѣдняковъ зимуетъ на Тавынѣ-Аралѣ, а на лѣто выкочевывается на нагорную сторону, къ калмыцкой деревушкѣ Кердѣ, или Половинкѣ. Третья часть и лѣто и зиму кочуетъ вмѣстѣ съ еркетѣневскими скотоводами.

Телегиты зиму проводятъ одни на тюменевой дачѣ Хавыпѣ-ату, по-русски на Круглинскомъ-островѣ, другіе на нагорной сторонѣ Волги, отъ станицъ Лебяжновской и Замьяна верстъ на тридцать въ глубь степи, при худукахъ Амырѣ-булутъ, Печуюнкѣ и Териктѣ. На лѣто всѣ они переходятъ на рѣку Ашулѹкъ, но первая половина ос-

тается на Ордлигінъ-цекѣ, а вторая идетъ далѣе въ степь, къ урочищамъ Йисынъ-худукъ, Цуваль-гашу и Сумьяни-татагъ.

Въ родѣ Уранхусъ два же отдѣла: люди недостаточные и зажиточные скотоводы. Первые лѣто и зиму проводятъ на тюменевой дачѣ, на островѣ Шамбазъ, находящемся близъ Сыроглазинки у праваго берега Волги; послѣдніе зиму проводятъ на урочищѣ Боро-Гашунъ-Мокто, на правомъ берегу Волги, немного выше Замьяна, а лѣтомъ кочуютъ въ степи лѣваго берега Ашулука, въ урочищахъ Юмке-даате, Хулхтынъ-боро и ихъ окрестностяхъ.

Точно то же мы видимъ и въ родѣ Цаатынъ: одна ихъ часть постоянно и лѣто и зиму проводятъ на Шамбазъ, другая часть зимой кочуетъ въ урочищахъ Тергите, Хойрюнъ, Кюпцюкъ и Хакте, отъ Замьяна и Сыроглазинки верстъ на двадцать на пять вглубь степи, а лѣтомъ переходятъ на лѣвый берегъ Ашулука за Ордлигінъ-цекѣ и занимаютъ урочища Зунъ, Едмыктѣ, Хойрмыктѣ и ихъ окрестности.

Часть Икй-Хошоутовъ и зимуютъ и проводятъ лѣто на лѣвомъ берегу Волги, близъ Большаго-Казачьяго-ерика, на рвчкѣ Акъ-узюнкъ или Бълмъ-ерикъ, или, какъ Русскіе ее прозвали, Митиной, или Песчаной, на островкѣ, образуемомъ ериками. Русскіе называютъ этотъ островокъ Кутилкинъ-Бугоръ, а Калмыки — просто Бугуръ.

Другая часть Икй-Хошоутовъ, люди достаточные, зимой кочуютъ въ степи праваго берега Волги, въ сторонѣ отъ Енотаевска, на урочищахъ Джаганъ-Мулта и Джаганъ-Мултынъ-Гашунъ. На лѣто они переходятъ за Ахтубу и за Ашулукъ, ближе къ степи Киргизовъ Внутренней Орды, въ окрестности Андранъ-Боро-худукъ (то есть колодезь, вырытый Калмыкомъ по имени Андра) и Джаганъ-Мулта. Прежде Калмыки кочевали около горы Богдо.

Названіе урочища Джаганъ-Мулта встрѣчается въ степяхъ и по ту и по другую сторону Волги, и на лѣтнемъ и на зимнемъ кочевьяхъ хошоутовскаго улуса: оно означаетъ только то, что тутъ растетъ дикій лукъ.

Родъ Шабинѣръ и Цагала, богатые своими стадами, кочуютъ всегда вмѣстѣ съ еркетеневскими скотоводами. Это не значитъ, что они смѣшиваются вмѣстѣ, а только то, что они другъ отъ друга не отстаютъ и что родъ отъ рода кочуетъ въ близкомъ разстояніи, всегда отдѣльными хотонами.

Зимуютъ они на урочищахъ Сурхулта, Хара-Гицымъ, Чолунъ-Мо-

лотыкъ, Кінсте и другихъ, въ степи праваго берега Волги, а лѣтомъ на лѣвомъ берегу, въ сосѣдствѣ съ Внутренней Киргизской Ордой, на урочищахъ Ееджѣ, Бурата, Зайсанъ-мирза, или Зайсынъ-мирзѣ, Цурхлынъ-Салбрынъ, Хултунгинъ-худукъ, Базрынъ-худукъ и Маяликтѣ.

У рода Хойтъ мы замѣтимъ три группы: одна зиму и лѣто проводитъ на Круглинскомъ-островѣ, другая и зиму и лѣто проводитъ близъ лѣтнаго кочевья, на рукавахъ рѣчки Ашулука, называемыхъ Джилганъ-су и Гурбунъ-болдукъ, а третья часть, богачи, зимой кочуютъ на зимнемъ улусномъ кочевьи праваго берега Волги, въ урочищахъ Могатынъ-Хаптуга и Дамбы-Гелинъ; лѣтомъ же за Ашулукомъ, въ серединѣ лѣтнаго кочевья, въ урочищахъ Сеахынъ-дарджа, Хулхту-боро и Церекты-боро.

Калмыки Шангуды, составляющіе, какъ уже сказано, особый отдѣлъ, зимуютъ на островѣ Шамбазъ; на лѣто они выкочевываютъ на лѣвый берегъ Волги, къ ерикамъ большому, среднему и малому Яргасъ, ниже Сыроглазинской-станицы. Тѣ, которые занимаются уходомъ за хурульнымъ скотомъ, зиму проводятъ въ степи праваго берега Волги, въ урочищахъ Нарнъ-худукъ, Джирглынъ-худукъ, Суулгутѣ, Бюкюйни-сюль и Хончинринъ-борѣ, а на лѣто перебираются за Ашулукъ, на урочища Хазгинъ-танха, Кѣпцокъ, Боданъ-танха и Серетѣръ 7.

7 Причисленные къ Хошоутовскому улусу тридцать весьма зажиточныхъ семействъ, подвластныхъ мелкому Дзюнгарскому владѣльцу Церену-Убуши, имѣютъ зимовку на хошоутовскомъ улусномъ зимовьи, по линейному тракту, близъ селенія Курочкина, а лѣтомъ недалеко отъ Астрахани, на томъ же берегу Волги, гдѣ и Курочкино, въ урочищахъ Борохудукъ и Тавынъ-уланъ.

IV.

КАЛМЫЦКАЯ КИБИТКА.

Калмыцкая кибитка есть особеннаго устройства домъ, въ самое короткое время складываемый и разставляемый. Этотъ подвижной шатеръ составляютъ слѣдующія части.

1. Рышотка, «термё»: она дѣлается изъ шестовъ, другъ друга перекрещивающихъ и скрѣпленныхъ между собою, при точкахъ соединенія, небольшими завертками такимъ образомъ, что на нихъ рышотку легко сложить и разложить. Рышотки эти складныя и состоятъ изъ шестовъ длиною до сажени; но если рышотку раздвинуть, то высота ея бываетъ около двухъ съ четвертью аршинъ. Чтобъ составить стѣны кибитки, употребляется обыкновенно шесть рышоточныхъ полотнищъ, которыя связываются между собою, концы съ концами, посредствомъ сыромятнаго ремня и этимъ соединеніемъ образуютъ круглую сквозную стѣну. Рышотки упираются въ землю нижними концами, а верхніе выходящіе концы, имѣющіе видъ буквы V, называются «головками» и служатъ поддержкою свода, который надвѣвается на нихъ сверху и составляетъ верхнюю половину кибитки.

Чтобъ кибитка стояла твердо, не расpirалась и не шаталась бы отъ вѣтра, ее плотно обвязываютъ около головокъ и посреди высоты рышотокъ шерстяною тесьмой «хошлунъ», шириною въ ладонь.

2. Унины, или отдѣльные шесты, съ приделанными съ одного конца волосяными петлями.

и 3. Обручъ, съ двумя парами вдѣланныхъ въ него, крестъ на крестъ, полуобручей—это самая верхняя часть кибитки.

Унины, каждая особо, вставляются однимъ концомъ въ нарочно сдѣланныя въ обручъ скважины, и когда восемь такихъ шестовъ (а иногда только шесть) воткнутся, съ разныхъ сторонъ, верхними концами въ обручъ, то четверо служителей, поддерживая унины руками за нижніе концы, насаживаютъ ихъ на головки кибиточной стѣны, къ которой и прикрѣпляютъ ихъ имѣющимися тутъ воло-

санными петлями. Затѣмъ вставляютъ въ обручъ остальные уины, равномерно прикрѣпляемые къ рѣшоткѣ, и такимъ образомъ изготовляютъ остовъ кибитки.

Если у воронки срезать горлышко и опрокинуть ее на круглый сосудъ равной съ нею окружности, то мы получимъ подобіе кибитки: верхнее, узкое отверстіе воронки замѣнитъ намъ кибиточный обручъ, «харача», стѣнки воронки напомнятъ расположеніе уиновъ, а нижній сосудъ будетъ представлять рѣшотку, «терме».

Обручъ съ перекрещенными на немъ полуобручами, которые дѣлаются для поддержки войлоковъ, на нихъ накидываемыхъ, называется общимъ именемъ «цагрыкъ».

Уиновъ и цагрыкъ, поставленные на мѣсто, на головки рѣшотки, образуютъ кибиточный сводъ, тяжесть котораго и способствуетъ къ тому, чтобы кибитка крѣпче держалась. Весь остовъ, всѣ деревянныя части кибитки красятся красною краскою; зеленый или синій цвѣтъ исключеніе очень рѣдкое. Такова кибитка каждаго кочевика; различа вся въ томъ, что у Киргиза, напримѣръ, уиновъ бываютъ выгнутыя, а у Калмыка шесты эти совершенно прямые; оттого киргизская кибитка кажется похожею на полушаріе, а калмыцкая имѣетъ коническую форму. Разумѣется, одна кибитка бываетъ больше другой; чѣмъ термѣ выше, чѣмъ полотнища ея шире, тѣмъ она дѣлается пространнѣе; у богатыхъ людей она представляетъ довольно обширную круглую залу, болѣе или менѣе роскошно и со вкусомъ убранную. У бѣднаго человѣка одна кибитка, у богатаго ихъ нѣсколько, и они вполне замѣняютъ кочевому скотоводу наши жилые дома. При условіяхъ кочевой жизни, при необходимости частой перемѣны мѣста, кибитка для номада—кладъ, и кладъ пичѣмъ незамѣнимый. Достаточно вспомнить наши лагерныя палатки, чтобы оцѣнить значеніе кибитки тамъ, гдѣ строеваго лѣса нѣтъ совершенно и гдѣ томительный зной вынуждаетъ человѣка искать возможную для себя прохладу и тѣнистое укрытіе, съ такимъ условіемъ, чтобы въ помѣщеніе его свободно могъ проникать воздухъ. Въ жилыхъ покояхъ въ знойное лѣто или бываетъ душно или гуляетъ сквозной вѣтеръ: кибитка устраняетъ обѣ эти крайности.

Кибитка съ внутренней стороны охватывается, въ родѣ стѣнъ или ширмъ, пологомъ или коврикомъ, сплетеннымъ изъ камыша, или изъ куги; въ первомъ случаѣ его называютъ «ний», въ последнемъ

«зексынъ». Пологъ этотъ приставляется къ отъзнамъ кибитки для того, чтобъ снаружи не было видно, что дѣлается внутри кибитки.

Съ наружной стороны кибитка вся окутывается войлоками, то есть сѣрыми или бѣлыми кошмами. Чтобъ они плотнѣе лежали на кибиткѣ, не рвались, не портились и хорошо бы прикрѣплялись къ стѣнкамъ, кошмы эти нарочно выкраиваютъ по формѣ кибитки, края ихъ обшиваютъ шерстяными тесьмами и, кромѣ-того, для красоты и большей крѣпости оторачиваютъ толстыми шерстяными же шнурами, «зекъ». Такая кошма называется «ынгге», и налагаясь на кибитку, обхватываетъ ее и прикрѣпляется шнурами.

Съ одной стороны рѣзотки оставляется свободное мѣсто для входа; въ это пустое пространство вкладывается особая рама, прикрѣпляемая къ термѣ, а къ рамѣ навѣшиваются двери, почти всегда столярной работы. На двери, съ верха кибитки спускается особый кошменный пологъ, который или откидывается, или накидывается на двери, смотря по надобности. И пологъ, и деревянные двери называются одинаково «юйденъ». Двери днемъ бываютъ почти постоянно открыты; свѣтъ проходитъ въ кибитку, или отсюда, или изъ верхняго отверстія, съ котораго обыкновенно часть кошмы откидывается; если сквозь цагрыкъ, или въ двери, проглядываетъ солнышко, то или опускаютъ пологъ у двери, или цагрыкъ накрываютъ кошмой; для прохода свѣта приподнимаютъ, въ такомъ случаѣ, войлоки внизу кибиточныхъ боковъ, и именно съ той стороны, которая въ тѣни. Деревянные двери запираются или на ночь, или и днемъ, когда хозяева выходятъ на степь и кибитка остается пустою.

Зимой въ кибиткѣ очень холодно и обитатели ея не снимаютъ съ себя тулуповъ. Чтобъ предохранить себя отъ вліянія рѣзкаго вѣтра, да и вообще для возможнаго тепла, рѣзотки кибитки обшиваются изнутри толстымъ кошменнымъ пологомъ, спускающимся до самаго низа; двойные войлоки снаружи и изнутри кибитки немного защищаютъ отъ мороза, но во всякомъ случаѣ температура въ кибиткѣ зимой здоровье температуры нетопленной избы въ морозы; притомъ же народъ такъ привыкъ ко всему съ малолѣтства, что у Калмыка въ сильные бураны шея и часть груди почти всегда открыты, а гадстухи, перчатки и варежки въ степи неизвѣстны.

Лѣтомъ, земля, служащая въ кибиткѣ вмѣсто пола, прикрывается войлоками и коврами; зимой ихъ замѣняютъ кожами и шкурами

животныхъ и звѣрей. Для больныхъ гостей постилаютъ на нихъ «ширдыкъ», коверъ, сшитый весьма тщательно изъ бѣлыхъ кошомъ. Если гостю предложить сѣсть на драгоценномъ хоросанскомъ коврѣ, а не на ширдыкѣ, это будетъ служить выраженіемъ, что ему не хотятъ придать самага большаго почета.

Какъ только хотонъ прикочуетъ, то мужчины, въ ту же минуту принимаются за свое дѣло и отправляются распределять табуны по пастбищамъ; всѣ домашнія хлопоты лежатъ на женщинахъ.

Первая ихъ обязанность при остановкѣ на мѣстѣ состоитъ въ томъ, чтобы разставить кибитку, которая, въ разобранномъ видѣ, навьючена на верблюда. Окончивъ это дѣло, но не приступая еще къ внутреннему убранству, хозяйка спынить приткнуть, снаружи кибитки, «мани»: такъ называется родъ флюгера, прикрѣпленнаго къ древку. Мани дѣлается изъ лоскута шелковой матеріи, а иногда и изъ бумажной ткани, на которой написаны таинственные молитвы.

Затѣмъ, хозяйка входитъ внутрь кибитки и за убранство ея принимается тѣмъ, что прибираетъ прежде всего постель, потомъ украшаетъ мѣсто для бурхановъ, и въ заключеніе, приводитъ въ порядокъ собственно хозяйственную половину кибитки: кибитка, смотря по достатку хозяина, по численности домохозяцевъ и по вкусу самой хозяйки, принимаетъ болѣе или менѣе благоприличный видъ.

Осенью и зимой къ одинокой кибиткѣ приставляютъ загонъ, по калмыцки «хойна-хотунъ». Онъ дѣлается изъ рѣшетокъ же, полукругомъ снаружи огибающихъ правую сторону кибитки такимъ образомъ, что одинъ край загона примыкаетъ къ дверямъ кибитки, а другой къ тому мѣсту, гдѣ приставлена въ кибиткѣ кровать, помѣщающаяся всегда прямо противъ входа. Въ хорошую погоду, загонъ бываетъ совершенно открытъ, а въ «шурганъ», или въ «буранъ» ихъ, съ навѣтренной стороны, завѣшиваютъ кошмами. Загоны эти предназначаются для барановъ.

Такой видъ кибитки имѣетъ каждая одиноко-кочующая калмыцкая семья. Если сыновья хозяина переженились и живутъ своими кибитками (въ отличіе отъ которыхъ отцовская кибитка, а если отецъ умеръ, то кибитка матери, называется «большою кибиткою»), то всѣ они довольствуются пищею изъ родительскаго котла, а въ собственныхъ своихъ помѣщеніяхъ не имѣютъ уже ни съѣстныхъ припасовъ, ни очага, а слѣдовательно, въ ихъ кибиткахъ нѣтъ и сопровождаю-

щих страпню и вся черныя работы нечистота, грязи и нечистоты. Призжаго гостя, особенно такого, которому хотять оказать почётъ, принимаютъ всегда въ большой кибиткѣ: по этому европейскіе путешественники и не замѣтили у Калмыковъ ничего, кромѣ грязи, и не успѣвъ, по ограниченности времени, присмотреться поближе къ быту нашихъ номадовъ, надѣляются и Калмыковъ качествами непохвальными, которыя можно встрѣтить всюду, но встрѣтить какъ исключеніе, а не какъ общее правило.

Жены сыновей занимаются работами въ большой же кибиткѣ, и старуха-мать освобождается отъ всѣхъ трудовъ по хозяйству, которое переходитъ въ главное заведываніе старшей снохи.

Кибитки сыновей разставляются всегда близъ отцовской кибитки; такихъ кибитокъ, смотря по семьѣ, можетъ отъ двухъ и трехъ накопиться до десяти и болѣе. Вся онѣ разставляются такъ, что образуютъ болѣе или менѣе правильный кругъ. Разстоянія между кибитками заставляются плетневымъ заборомъ, въ родъ кибиточнаго термѣ, только тоньше и выше; съ одной стороны забора придѣлываются двери. Въ зимнее время, заборъ, съ навѣтренной стороны, обвѣшивается войлоками.

Обширный дворъ, образуемый такимъ образомъ, служитъ загономъ для верблюдовъ, для рогатаго скота и для барановъ. Этотъ то заборъ и кибитки, со всѣмъ, въ нихъ заключающимся, и есть именно то, что Калмыки называютъ хотономъ, «хотунъ» (1). Лошади у Калмыка всегда, и зиму и лѣто, и день и ночь, пасутся на степи; прочій скотъ на ночь загоняется въ хотонъ, и такъ какъ мелкія воровства случаются обыкновенно ночью, ибо днемъ, при бдительномъ надзорѣ хозяина, это дѣло почти невозможное, то Калмыкъ никогда не скажетъ, что у него «лошадь украли изъ хотона», или «корову угнали со степи», а «лошадь угнали изъ табуна, корову украли изъ хотона» (2).

¹ Палласъ Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften Th. I, pag. 112—114, 190; Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs Th. I, pag. 328.

² Собраніе, близъ владѣтельской ставки, кибитокъ Калмыковъ, сидящихъ на одномъ мѣстѣ и занимающихся уходомъ за дойными коровами, не есть уже хотонъ; здѣсь названіе другое, именно «цагаръ», то есть приближенные.

V.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

При входѣ въ калмыцкую кибитку, первые взоры устремляются на супружеское ложе калмыцкой четы.

Кровать, «ширя», у Калмыковъ низенькая; ножки у нея ниже полуаршина; составныя части кровати связываются ремнемъ. Перинъ у Калмыка нѣтъ: онъ ихъ замѣняетъ «дѣрбюльджинь», тюфячкомъ, который слагается изъ полотнищъ кошмы, вовремя навьючиванья верблюда и похода по степи, закрывающихъ горбы и бока этого животнаго.

Дѣрбюльджинъ отъ ширдыка, съ которымъ онъ очень схожъ, отличается тѣмъ, что ширдыкъ дѣлается изъ нѣсколькихъ слоевъ чистаго бѣлаго войлока и простегивается разными узорами, безъ всякихъ постороннихъ украшеній: по этому онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и служить эмблемою чистоты и непорочности; дѣрбюльджинъ же, сверхъ узорчатой стѣжки, обшивается по краямъ краснымъ, чернымъ или синимъ сукномъ.

Поверхъ дѣрбюльджина, въ изголовье кровати, полагается «дербокцѣ», кожаная подушка, въ нутро которой набивается чистое бѣлое и разное платье, кромѣ нарядныхъ, хранящихся непременно въ сундукахъ. Подъ пару дербокцѣ, на постели, въ ногахъ кладется «кельбокцѣ», подушка, служащая тоже чемоданомъ, но не для чистаго бѣлья, а для разныхъ хозяйственныхъ тряпокъ. У богатыхъ людей обѣ подушки дѣлаются изъ яргаковъ, или изъ выдѣланныхъ черныхъ коневыхъ шкуръ.

Постель покрывается одвяломъ, «кюнжиль», лѣтнимъ или зимнимъ, смотря по времени года. Лѣтнее одвяло Калмыки дѣлаютъ, смотря по достатку, изъ нанки, или изъ китайки, и даже изъ дорогихъ шелковыхъ матерій; зимнее одвяло бываетъ изъ овчинъ, изъ лисьяго или изъ другаго мѣха, съ приличной покрывшкою. Надъ постелью распускается болѣе или менѣе богатый пологъ, спереди раздвоенный, а сверху драпируемый фестонами, болѣе или менѣе изящно, сообразно

вкусу хозяйки; обыкновенно пологу придаютъ видъ балдахина. Подъ пологомъ бываютъ иногда еще и особые занавѣсы; ихъ Калмыки называютъ «юмнарчи», а пологъ «орни-кушгѣ».

Калмыцкая кровать семейной кибитки (но не «хоша», жилища неженатыхъ, которое есть та же кибитка, но безъ всякаго замѣчательнаго убранства) приходится всегда прямо противъ входа, у стѣны; изголовье непременно съ лѣвой стороны смотря отъ дверей. Влѣво отъ кровати, въ недалекомъ разстояніи отъ изголовья, помѣщается такъ называемый большой-баранъ, самое священное для каждаго Калмыка мѣсто, гдѣ хранятся и религіозные предметы и вся драгоценности калмыцкой семьи.

Въ основаніе большого-барана кладутъ на полъ въючные снаряды, попоны, кономные недоуздки на верблюдовъ; недоуздки эти обшиваются разноцвѣтнымъ сукномъ, и употребляясь только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, берегутся всегда въ коврахъ въ мѣшкахъ, задешево продаваемыхъ въ Астрахани Персіанами. Поверхъ ихъ ставятъ сундуки съ наряднымъ платьемъ и съ деньгами, и все это прикрываютъ коврами, а на нихъ уже ставятъ походный бурханный ящикъ и разставляютъ на немъ вынутыхъ оттуда бурхановъ, то есть литыя и лѣпныя изображенія бурхановъ, Боди-Садó и Шутѣновъ; ихъ невѣжливая чернь обоготворяетъ, а Калмыки, понимающіе догматы своей вѣры, только чествуютъ.

Передъ бурханами ставится миниатюрный деревянный, украшенный рѣзбой, красками и позолотою столикъ съ серебряными или мѣдными чашечками, въ которыя полагаются жертвы: вода, пшеница, крупа и разныя куренія.

Вблизи отсюда, около изголовья постели, бережется и та ручная вертящаяся машинка съ священными гіероглифами, при помощи которой Калмыки учащаютъ свою молитву «оммани-падме-хумъ».

Передъ бурханнымъ столикомъ втыкается въ землю точеный или рѣзной, заостренный деревянный шестъ, на который надѣвается серебряная чашечка, изъ числа порожнихъ, стоящихъ на бурханномъ столикѣ. Это «дееджинъ-цѣкцô»: сюда кладется, или вливается та часть кушанья или питья, которая должна быть или первымъ кускомъ или первымъ глоткомъ старшаго въ семьѣ лица, при общей трапезѣ; но конина и опьяняющіе напитки на жертву не принимаются.

Сколько для украшенія святилищнаго мѣста, столько же и для за-

щиты бурхановъ отъ наносимыхъ вѣтромъ, сквозь цагрыкъ, пыли и песку, надъ большимъ-бараномъ развѣшиваютъ цвѣтныя шелковые занавѣсы, называемыя «лаври»: слово это, какъ говорятъ, санскритское, равносильное калмыцкому «кулгѣ», пологъ.

Съ правой стороны отъ входа въ кибитку, мѣсто близъ нижняго конца кровати и противоположное большому-барану, называется малымъ-бараномъ; вся правая сторона кибитки посвящается домашнему хозяйству, и малый-баранъ есть какъ-бы его средоточіе. Здѣсь ставится «юкюкъ», ящикъ или сундукъ; въ немъ хранятся и на немъ разставляются съестныя припасы, вино и лучшая утварь. Рядомъ съ нимъ, поближе къ двери, устанавливаютъ бурдюки съ кумызомъ, «чигентъ», и съ арьяномъ, «айрыкъ». Еще ближе къ двери разставляются котлы; надъ ними, на головки термѣ и на унны навѣшиваютъ доску, назначаемую для разной посуды, которая во-время путешествія со вьюками сохраняется въ войлочныхъ футлярахъ.

Мѣсто между изголовьемъ и Большимъ-бараномъ предназначается для дочери-невесты; тутъ ставятъ, только для вида, «орундукъ», маленькую узенькую кроватку, которая убирается также роскошно, какъ и хозяйская постель. Мѣсто между кроватью и Малымъ-бараномъ принадлежитъ женщинамъ семьи вообще и самой хозяйкѣ въ особенности.

Первую принадлежность домашней хозяйственной утвари у Калмыковъ составляютъ таганъ «тулга» и котлы. Таганъ съ котломъ занимаетъ средину кибитки; онъ ставится подъ цагрыкомъ, чрезъ отверстіе котораго проходитъ и дымъ отъ костра. Но костеръ этотъ дѣлается не изъ дровъ: Калмыки жгутъ, вмѣсто нихъ, кизякъ.

Котловъ всегда бываетъ четыре: одинъ, большой, для приготовленія чая, варенія мяса и прочей пищи; другой, побольше этого, для храненія вина, выгнаннаго изъ коровьяго или овечьяго молока, и два котла меньшихъ размѣровъ, въ которыхъ производится эта перегонка; они обмазываются, во-время дѣйствія, глиною, перемѣшанною, для крѣпости, съ конскимъ и коровьимъ пометомъ.

Калмыки разсыпчатаго чая вовсе не вьютъ, кромѣ очень немногихъ; у нихъ въ ходу одинъ кирпичный чай, въ астраханскомъ краѣ преимущественно называемый калмыцкимъ; его варятъ въ котлѣ и подаютъ въ «домбѣ». Этотъ сосудъ есть родъ высокаго, но узенькаго ведра, у котораго основаніе нѣсколько шире въ сравненіи съ

верхнимъ его концомъ. Домбо дѣлается изъ краснаго или ореховаго дерева и обивается пятью мѣдными отполированными обручками; съ одной стороны придѣлывается мѣдная ручка, къ которой прикрѣпляются ремешки, для того, чтобъ наполненную питьемъ посуду легче было носить. Съ верхняго конца домбо утверждается, въ видѣ крышки, кружокъ, въ которомъ прорѣзываются два небольшія отверстія: большее для цѣженія чая, меньшее для выпуска пара. Концы нѣсколькихъ дощечекъ передней стороны домбо выпускаются надъ уровнемъ этого кружка и образуютъ жолобъ, черезъ который жидкость выливается.

Принадлежности домбо суть : деревянный точеный ковшъ, «шанга», и, для процѣживанія, сѣтка изъ конскихъ волосъ, «шюръ», также чашки, выточенные изъ крѣпкаго дерева, полуполоскательныя, глиняныя, фаянсовыя, и фарфоровыя безъ ручекъ, и обыкновенныя чашки и стаканы.

Турсукъ или бурдюкъ, «архытъ»; для храненія кумыза и арьяна, есть особеннаго рода бутылъ, посудица, выдѣлываемая изъ конской кожи и сшиваемая, вмѣсто нашивъ нитокъ, конскими жилами. Вышина архыта бываетъ разная и доходитъ, съ горлышкомъ, иногда до двухъ съ половиною аршинъ. Въ архытъ вставляется помпа съ шестомъ, для кумыза глухая, а для арьяна съ дырочками.

Вино разливается и возится въ «борбѣ» : такъ называются флаги, сшитыя изъ конской кожи конскими же жилами, но такъ искусно, что посудѣ этой придается и красивая форма, удобная для перевозки борбѣ при верховыхъ поѣздкахъ, и необыкновенная прочность. Швомъ на борбѣ почти совсѣмъ невидно ; на горлышкѣ и на бокахъ вытисняются разные узоры ; пробка дѣлается изъ простаго дерева, а верхъ ея и края горлышка туземные серебряки-Калмыки обдѣлываютъ серебромъ съ насѣчками и съ различными украшеніями. На бокахъ этой посуды, по обѣ стороны горлышка, прикрѣпляются металлическія петли съ ремешками, для того, чтобъ борбѣ удобнѣе прикрѣплять къ сѣдлу ; а чтобы пробка не выпала и не потерялась, то и къ ней проводится отъ петель особый ремешекъ. Борбѣ бываетъ разной величины — и полуведерная, и штофная и бутылочная.

Посуда, занимающая, по размѣру, средину между архытомъ и борбѣ называется «бортогъ».

Крутъ, родъ сыра, Калмыки берегутъ въ простыхъ кожаныхъ мѣшкахъ, а масло — въ бараньихъ рубцахъ; въ нихъ накладывается весь годовой запасъ этой провизіи, пересыпанный, для прочности, солью.

Сундуковъ у калмыцкой семьи болѣе двухъ-трехъ не бываетъ: это лишняя тягость для кочевки. Сундуки для денегъ и для лучшихъ нарядовъ покупаются возможно-изящной отдѣлки и, для прочности и для того, чтобъ лакъ и цвѣта не терлись, обвязываются войлоками.

Съ лѣвой стороны отъ входа въ кибитку разставляются предметы калмыцкаго наездничества, которое ограничивается ухаживаніемъ за табунами, скачками и охотой на звѣрей; тутъ, кромѣ уздъ и сѣделъ, помѣщаются предметы, которымъ Калмыки придаютъ особенно-важное значеніе: это «уррга», ногойка и ружье или винтовка, до которыхъ никто, кромѣ самого хозяина, не смѣетъ коснуться. Ногойка эта не та, которую Калмыкъ употребляетъ въ видъ понудительнаго орудія: то плеть; а ногойка берется на врага, противъ волка или лихаго человека; она передается отъ отца сыну и называется заветною или почетною; ее затыкаютъ обыкновенно на самомъ видномъ мѣстѣ, съ лѣвой стороны, между уннами и кошмой.

«Уррга» или укрюкъ есть длинный шестъ, помощью котораго на-кидываютъ арканъ на дикаго коня.

Арканъ есть конецъ волосяной веревки, сажени въ двѣ, въ три длины, и въ полдюйма толщины; онъ необыкновенно проченъ и какъ ни сильно дикій конь его натягиваетъ — никогда не рвется. Арканъ въ кибиткѣ свивается кругомъ и вынается на лѣвой дверцѣ.

Изъ деревянныхъ издѣлій калмыцкаго рукодѣля особеннаго вниманія заслуживаютъ ковши, съ виду весьма похожіе на наши старинные ковши, ни съ хитро изогнутою ручкою и съ нѣсколькими кольцами, висящими одно на другомъ. Все это дѣлается отъ руки и притомъ вытачивается простымъ ножомъ изъ цѣльной штуки дерева.

Съ правой стороны кибитки, кромѣ разной посуды, мы пропустили корыто, «тепнѣ»; близъ кровати, между кошмой и уннами затыкается «хадуръ», серпъ, которымъ женщины траву жнутъ.

Ночникъ калмыцкій составляютъ желѣзный заостренный шестъ съ четырехъ-угольнымъ желѣзнымъ блюдечкомъ, въ которое наливается масло или сало и вставляется фитиль. Такой ночникъ дол-

- женъ горьтъ непременно (хоть бы и напрасно) если мужъ объявилъ женѣ, что воротится изъ табуна къ ночи.

У людей зажиточныхъ, у которыхъ и ковры новы, и кони чисты, ставится около сиденья еще тазъ медный, для плеванья¹.

¹ Объ утвари у Палласа Nachr. üb. die mong. Völkerschaften. I Tb. pag. 114.

VI.

Пища

Калмыцкую пищу можно разделить на постную и скоромную, и на будничную и праздничную.

Калмыки, кочующіе въ степи, далеко отъ Волги и вдали отъ про-
ѣзжихъ дорогъ, крѣпко соблюдаютъ предписанія своей религіи и
строго соблюдаютъ установленные посты.

Калмыки постятся каждое восьмое, пятнадцатое и тридцатое число
мѣсяца: въ эти дни они не бьютъ животныхъ и не ловятъ рыбы,
а голодъ утоляютъ только два раза въ сутки, тогда какъ въ прочіе
дни ѣдятъ столько разъ, сколько случится. Въ постные дни не упо-
требляютъ они ни мяса, ни вина, а пьютъ чай и насыщаются блю-
дами, изготовленными изъ молока или изъ мукъ.

Ежедневную скоромную пищу Калмыковъ составляютъ слѣдующія
кушанья.

«Куртъ-хурсунъ». Когда гонятъ вино и оно будетъ готово, то
остатки арьяна, гущу, сѣживаютъ въ холщевые мѣшки. Отъ этого
получится родъ творога, называемый Калмыками «бозо». Когда вся
жидкость изгнетется и гуща отвердеетъ, то ее разрѣзываютъ куска-
ми и ломтами и высушиваютъ на солнцѣ: такимъ-образомъ и полу-
чается куртъ-хурсунъ. Съ виду онъ сѣрожелтоватъ, а на вкусъ ки-

*) У Калмыковъ въ году бываетъ двѣнадцать мѣсяцовъ, каждый въ
тридцать дней; но черезъ три года въ четвертый, годъ у нихъ состо-
итъ изъ тринадцати мѣсяцовъ, и тогда лишній мѣсяцъ носятъ тоже на-
званіе, какъ и предшествовавшій мѣсяцъ. Иногда въ одномъ и томъ же
мѣсяцѣ одно число повторяется два раза: такіе дни называются «дав-
хуръ»; иногда въ мѣсяцъ одно число вовсе выпускается, и это назы-
вается «тасырхъ». Такъ въ 1851 году, у Калмыковъ, въ мѣсяцѣ «урюсъ»
или юрюсъ, не было седьмага числа, а въ мѣсяцѣ, предшествовавшимъ
урюсу, въ томъ же году, два дня сряду было двадцать седьмое число.
Праздничный недѣльный день, соотвѣтствующій нашему воскресенью,
еврейской субботѣ, мухаммеданской пятницѣ, у Калмыковъ — четвергъ,
называемый «бембѣ».

сель; онъ въ дорогѣ безцѣненъ для Калмыка, имѣя свойство утолять его жажду въ безводныхъ мѣстахъ, подъ жгучими лучами степнаго солнышка.

Если изъ бозѣ надѣлать маленькіе неправильнаго вида катышки, то получится новый видъ сыра, называемый Калмыками «инюйрмыкъ». Онъ сберегается на зиму и варится въ водѣ съ мукой, отчего и получается родъ кашницы. Лѣтомъ шюйрмыкъ дають съ масломъ только ребятамъ.

Изъ овечьяго молока готовится сладковатый сыръ, называемый у Калмыковъ «ейзгѣ»; его сушатъ мелкими кусками и ломтиками. Сыръ этотъ чрезвычайно питателенъ и служитъ вмѣсто хлѣба; лѣтомъ его пьютъ вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ.

Изъ коровьяго молока сбивается масло шестомъ въ архытъ, вмѣстимостію ведеръ въ пять.

Изъ арьяна, получаемаго изъ коровьяго же молока, которымъ, въ продолженіе лѣта, Калмыки только и живутъ, особенно дѣти, приготавливаются еще слѣдующія кушанья: 1) «едемькъ»; — чтобъ получить его разводятъ полчаинки арьяна холоднымъ коровьимъ молокомъ, и блюдо готово; 2) «маханъ-едемькъ» есть смѣсь полчаинки горячей гущи, оставшейся отъ выгонки вина, «бозѣ», и холоднаго коровьяго молока; слово «маханъ», означающее мясо, прибавлено здѣсь потому, что на поверхности смѣси образуются продолговатые кусочки крѣпкаго творога, придающіе этому кушанью, самому любимому у Калмыковъ, особенную питательность, и 3) «кююрцѣкъ» — для этого берутъ полчаинки холоднаго арьяна и на него надаютъ парнаго коровьяго молока; отъ этой смѣси изъ гущи образуются мелкіе шарики творога; кююрцѣкъ ѣдятъ, когда онъ совершенно остынетъ.

Кирпичный чай, «ця», Калмыки не настаиваютъ, а варятъ въ водѣ, въ котлѣ; когда вода вскипитъ, въ наваръ кладутъ, въ известной пропорціи, соли и масла и подливаютъ молока коровьяго, овечьяго, а у богатыхъ гастрономовъ и верблюжьяго; потомъ его снова кипятятъ и сливаютъ, процѣженнымъ сквозь волосаную сѣтку, въ домбѣ.

Степные Калмыки никогда печенаго хлѣба не ѣдятъ въ томъ видѣ, какъ его приготавливаютъ Русскіе. Муку, которою они нѣсколько запасаются на зиму, они употребляютъ совершенно иначе.

Ржаная мука разводится въ кипяченой водѣ, съ солью и съ при-

бавкою шюйрмыка, а иногда мяса; эту болтушку разливаютъ въ чашки и хлѣбають; она называется «буданъ».

Ржаную муку замѣниваютъ въ тѣсто и крошатъ на него немного курдючьяго сала: потомъ все это нальпляютъ на сковороду и запекаютъ на горячей золѣ. Это кушанье называется «булсунъ-гулъръ», то есть печеный хлѣбъ.

Изъ ржаного же, а также и изъ пшеничнаго тѣста, Калмыки, собственно для дороги, готовятъ лепешки и пропекаютъ ихъ на бараньемъ салѣ; эти лепешки называются «боорцукъ» и «боорцукъ-цельвикъ».

Изъ пшеничнаго тѣста готовятся жареные на бараньемъ салѣ «мошкомбръ»: это родъ пирожнаго, съ виду похожаго нѣсколько на вермишели или макароны, а по вкусу — на «хворосты»; есть еще «хамхытъ-боорцукъ»: это родъ оладьевъ, разведенныхъ на молокѣ и обжаренныхъ въ кипящемъ бараньемъ салѣ; «бурумъ» есть особаго вида медовые леденцы, состоящіе изъ смѣси пшеничной муки съ медомъ.

Калмыки чрезвычайные охотники до мяса, «маханъ», говядины, баранины, а кому достатокъ позволяетъ, то и конины. Конинной только гелюны не имѣютъ права питаться: это имъ запрещено правилами религіи, недозволяющей конины приносить и въ жертву; поэтому на чашечкѣ, «дееджинъ-цѣкцо», никогда нельзя увидѣть конины. Надо полагать, что Калмыки переняли употребленіе въ пищу конины отъ мухаммеданъ.

Разсказываютъ, что Калмыки ѣдятъ всякую мертвечину и падаль. Калмыки, дѣйствительно, замѣчая, что скотъ ихъ болѣзнь такою болѣзнью, которая не можетъ имѣть вліянія на годность въ пищу его мяса, торопятся скорѣй его зарѣзать; иногда, на-скоро, ѣдятъ и только что палую скотину, но на это послѣднее рѣшится не каждый Калмыкъ, изъ числа кочующихъ въ дальней степи, не смотря на то, что у этихъ полудикарей мало разборчивости на случай голода. Дохлую лошадь или корову будутъ ѣсть все безъ разбора Калмыки въ томъ единственномъ случаѣ, когда она падетъ отъ сибирской-язвы, то есть отъ болѣзни, которую, по понятіямъ Калмыковъ, ихъ законъ запрещаетъ имъ лечить. Они ѣдятъ и звѣрковъ, водящихся въ степяхъ въ изобиліи, но на эти непріятыя нами блюда Калмыки смотрятъ какъ на дичь, очень чистую и очень вкусную.

Мясо никогда не жарится, но всегда или варится или варится.

Бульонъ изъ-подъ разварной баранины, называемый «шюлюбъ» Калмыки очень любятъ, но они не едятъ его, какъ мы, ложками, а хлеблютъ изъ маленькихъ деревянныхъ чашекъ.

Искрошенное въ куски разварное мясо, называемое у татаръ «бинъ-бармакъ», пять-пальцевъ, и которое кочевые племена едятъ пригоршней, у Калмыковъ тоже существуетъ, но подъ двумя названіями : если вареное мясо нарезано крупными кусками («бздному кочевнику, день денской занятому работой, нзкогда мелко рзать», замвчаютъ Калмыки); то это крошево называется, кѣнкисы-маханъ», а если мелкими, — то «ншкисы-маханъ».

Всякаго рода колбасы у Калмыковъ въ больномъ употребленіи. Колбасы коровьи и бараньи называются «чикисы-маханъ», а изъ конскихъ кишекъ — «гасиликсы-халсынь».

Калмыки сушатъ мясо и берегутъ его на зиму. Высушенное мясо называютъ они «борцбъ». Оно готовится лѣтомъ такимъ-образомъ : сперва сырое мясо разрзываютъ на тонкіе и длинныя ломтики, потомъ окунаютъ въ кипятокъ, насыщенный солью, и наконецъ развешиваютъ въ тѣни до-тѣхъ-перъ, пока оно не завянется.

Калмыки хотя и не разводятъ свиней, что въ ихъ кочевомъ быту совершенно неудобно, однакожъ свинину едятъ съ удовольствіемъ ; охотники они и до куръ, разводить которыхъ у себя имъ нтъ никакой возможности : но эти, дорогія уже, потому-что покупныя, блюда выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ калмыцкихъ блюдъ. Впрочемъ, зимой Калмыки промышляютъ дикихъ кабановъ, которыхъ, равно какъ и мяса другихъ звррей, они не чуждаются.

Роскошными или праздничными блюдами могутъ назваться вся тѣ лакомства, которыя относятся къ разряду боорцукъ, также и мясо молоденькихъ животныхъ. У несовсѣмъ достаточнаго человека границею роскоши въ яствахъ полагается молоденькій барашекъ, курганекъ, и очень изрѣдка молоденькій жеребчикъ ; за столомъ богатыхъ людей подаются откормленная молодая кобылица или молоденькій верблюжонокъ, въ разныхъ видахъ приготовления ; эти блюда очень цѣнны и не всякому доступны.

Вообще Калмыки отдаютъ предпочтеніе тому блюду, которое называется у нихъ «балхуйрюкъ» : это — курганекъ, разваренный въ томъ самомъ арыкѣ, изъ котораго гонять вино и въ то же самое

время когда его гонять; его кладутъ въ одинъ изъ наполненныхъ арьяномъ котловъ, приготовленныхъ для выгонки вина.

Баранья грудинка, соленая и послѣ прокопченная, почитается лучшимъ для закуски блюдомъ.

Когда варятъ цѣлаго барана, то длинная кость подлѣ лопатки, называемая «шага-чимгѣнъ», какъ самый лучшій кусъ, приносится въ жертву и кладется передъ бурханами на «дееджинъ-цѣкцо.»

Калмыки, какъ и Киргизы, никогда не пьютъ сырой воды: это не въ привычкахъ народа

Чистый кипятокъ, безъ настоя, безъ ничего, употребляется только больными, и то какъ лекарство.

Жажду Калмыкъ удовлетворяетъ или арьяномъ или кумызомъ, такъ называется перебродившее молоко, въ первомъ случаѣ коровье или овечье, въ послѣднемъ кобылье. Кумызъ, смотря по степени сочности и душистости пастбищныхъ травъ, можетъ быть или прекраснымъ напиткомъ или отвратительнымъ, для не-Калмыка.

Калмыки очень охотно и старательно пьютъ русскую водку.

Изъ коровьяго, даже изъ овечьяго, а иногда и изъ кобыльяго молока, они гонятъ, разумеется только до осени, пока животные бываютъ дойными, — вино, называемое «аркѣ». Двойная, перегнанная арке, называется «арзѣ»: въ этомъ видѣ вино въ большемъ употребленіи; тройная аркѣ, почти спиртъ, называется «харзѣ»: оно ближе къ цѣли, но Калмыками почти вовсе не употребляется; перегнанное харзѣ, называемое «хорунъ», Калмыки называютъ ядомъ и не пьютъ никогда.

Кромѣ всѣхъ поименованныхъ выше произведеній царства животнаго, Калмыки, избѣгая распахиванія пашень на песчаныхъ своихъ степяхъ, умѣютъ извлекать пользу изъ дикорастущихъ кустарниковъ, травъ, корней и порослей.

Такъ, напримѣръ, всѣ, и богатые и бѣдные, Калмыки, не тратясь измѣице на покупку кирпичнаго чая, собираютъ лѣтомъ корни «хургунъ-чикинъ», то есть конскаго щавеля, и ветки «бѣельджинергѣ», или дикой ежевики, сушатъ ихъ и въ кусочкахъ развариваютъ, вмѣсто чая, въ водѣ

Въ мочагахъ по приморскимъ топамъ они добываютъ чилимъ, трава patans, водяной орѣхъ, четырехрогій по фигурѣ, съ черной скорлупой и съ бѣлымъ, пріятнымъ на вкусъ ядромъ; впрочемъ чилимъ

не у однихъ Калмыковъ, но и въ цѣлой Астрахани въ больномъ употребленіи.

«Бодмонцукъ», дикій, или свиной орѣхъ, выкапываемый на займищахъ, когда они обсохнутъ, доставляетъ Калмыкамъ вкусное и питательное блюдо. Бодмонцукъ и чилимъ могутъ совершенно замѣнить нашъ картофель.

«Алцонхó», осока, сагех или *siregus*, добывается въ августъ и въ сентябрь мѣсяцахъ, то же на обсохшихъ займищахъ. Алцонхó выкапываютъ шестами, потомъ пекутъ въ горячей золѣ, растираютъ и толкутъ въ деревянной ступѣ, и смѣшавъ съ кирпичнымъ чаемъ, приготавливаютъ въ видѣ тѣста. Кушанье это такъ вкусно, что отъ него ни одинъ Калмыкъ не откажется.

«Джагамылъ» или дикій лукъ варится вмѣстѣ съ мясомъ и вмѣстѣ съ нимъ употребляется въ пищу.

Всюду по степи, занимаемой кочевьями Калмыковъ, изобильно въ дикомъ видѣ растутъ «суркулъ», родъ проса, только не съ круглыми, а съ продолговатыми и нѣсколько приплюснутыми зернами. Женщины жнутъ суркулъ; нажнивъ его вмѣстѣ съ соломой кладутъ въ «утó», кожаный мѣшокъ, и колотятъ по немъ палками и ногойками; шелуха, при высыпкѣ, сама вывѣвается степнымъ вѣтромъ, зерно же Калмыки ссыпаютъ въ котелъ и слегка на огонь его поджариваютъ. Его ѣдятъ или смѣшавъ съ коровьимъ масломъ, или съ бараньимъ саломъ, или, вмѣстѣ съ шюйрмыкомъ, кладутъ въ болтушку, «буданъ». Суркулъ въ неперемѣнномъ употребленіи у всѣхъ Калмыковъ.

«Мокунь» — корень, выкапываемый по степи; будучи очищенъ отъ коры, онъ употребляется Калмыками какъ особенная сласть: они жуютъ его какъ Татары сакызъ.

«Зеергенé» служитъ нашимъ полудикарямъ для приготовления искусственнаго меда, называемаго у нихъ «балъ». Калмыцкія женщины собираютъ эту дикую ягоду, на видъ красную и мелкую, кладутъ въ котелъ, обливаютъ водой и нѣсколько времени кипятятъ, и потомъ, привязавъ къ концу шеста хорошій кусокъ бараньяго сала, разводятъ имъ въ переваренной ягодо. Когда смѣсь эта застынетъ, варенье сгребаютъ и прячутъ въ бараній мѣшокъ. Зеергенé — *ephedra monostachia*.

«Буулукъ», *ornithogalum bicolor*, продолговатая луковица; она запекается въ золѣ и употребляется въ буданъ ².

Мы нарочно исчислили здѣсь всѣ знакомыя намъ калмыцкія блюда, не для того, чтобъ представить читателю данныя, по которымъ бы онъ могъ судить о степени изобрѣтательности нашихъ степняковъ въ гастрономическомъ отношеніи.

² У Паласса *Nachr. ueb. d. mong. Voelker. Th. I, pag 126. — 138; Reise durch versch. Provin. des Rus. Reichs, Th. I, pag. 315.*

VII.

Одежда.

Калмыковъ называютъ «уланъ-залатъ-хальмйкъ» или «красно-кисточными.» Въ самомъ дѣлѣ у Хошоутовъ, и у мужчинъ и у женщинъ, и у взрослыхъ и у ребятъ, на шапкѣ или красная кисть, или лоскутъ краснаго сукна, въ родѣ пуговицы.

Но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить о шапкахъ, начнемъ съ самаго начала и познакомимся со всеми подробностями калмыцкаго наряда, какъ мужскаго, такъ и женскаго.

Настоящая калмыцкая рубаха, «кййликъ», представляетъ совершенное отличіе отъ того, что мы понимаемъ подъ сорочкою: эта часть одежды, по формѣ своей, походитъ на нашу женскую кофту. Она бываетъ длиною пальца на три ниже пояса и дѣлается изъ толстой холстины; одна ея пола закидывается на другую, и не имѣя завязокъ, придерживается нижнимъ платьемъ. Рукава у калмыцкой сорочки длинные.

«Дотоджи» есть нижнее платье, сдѣланное изъ холстины, или изъ бязи; поясъ или тесьма, продеваемая сверху, называется «юлкѣ», а у Русскихъ она носитъ свое татарское названіе «учкуръ».

Вмѣсто чулокъ, Калмыки носятъ холщевыя онучи, «цугла.» Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о настоящемъ Калмыкѣ, о Калмыкѣ степномъ, то излишне, вѣроятно, прибавлять, что у богатыхъ людей, ближе къ Волгѣ живущихъ, можно найти и европейскіе чулки, хотя съ мужщиной это очень рѣдко случается. Въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, яствахъ и образѣ жизни, простаго степняка не различимъ съ богатымъ нойономъ.

Сапоги у мужчинъ бываютъ всегда изъ черной козловой кожи. Такъ какъ Калмыкъ почти никогда съ лошади не слезаетъ и отъ колыбели до могилы остается наездникомъ, то эта особенность высказалась у него даже и сапогами, «гусунъ». Для того, чтобы, въ случаѣ паденія съ лошади, не захватило ноги стремянемъ, каблукъ у калмыцкаго сапога дѣлается внутри обуви, у того мѣста, гдѣ у насъ начинается закаблукъ; кромѣ того, снаружи сапога, на подошвѣ, у пятки придѣлывается, особый каблукъ, всегда подбиваемый желѣзными подковками. Наружный видъ носка полукруглый.

Шальвары, «шалбуръ», бываютъ широкія, будничныя изъ синей нанки, а въ праздничные дни суконныя, синяго же цвѣта.

Верхнее платье называется бешметъ; это нашъ казакинъ, однобортный, изъ нанки; онъ застегивается только у талии шелковыми петельками на маленькія круглыя висящія пуговицы. Праздничный бешметъ бываетъ суконный, темныхъ цвѣтовъ, но преимущественно синяго. Люди, нѣсколько изнѣженные роскошью, обвиняютъ бешметы галунами, которыми выкладываютъ полы и грудь; это украшеніе заимствовано Калмыками отъ Горцевъ, отъ которыхъ переняли они и нашивки для патроновъ.

Бешметъ стягивается у талии ремненнымъ кушакомъ съ серебряными насычками на желѣзныхъ пластинкамъ. На ремнѣ, начиная съ лѣваго бока, навѣшиваются всѣ небольшія вещи, долженствующія быть у добраго Калмыка всегда подъ рукой. Каждый предметъ имѣетъ тутъ свое мѣсто и висящею на ремешкѣ ременною же пуговкой пристегивается къ особенной ременной петлѣ пояса.

Эти принадлежности суть: 1) Двѣ кожаныя сумочки, одна, поменьше, для храненія готовыхъ пуль, другая, побольше — для запасныхъ. 2) Продолговатый деревянный, или костяной ящичекъ съ мѣдной уборкой, для храненія птичьяго, или заячьяго сала, которыми Калмыки намазываютъ обрѣзки козлиной кожи для обертки пуль. 3) Небольшой въ ножнахъ ножикъ на длинномъ черенкѣ. 4) «Тѣръ», инструментъ, имѣющій сходство съ обыкновеннымъ столовымъ ножомъ, но разнящійся отъ него тѣмъ, что, вмѣсто лезвия, на черенокъ насаживается ременная довольно твердая пластинка: это колотушка для маленькой литавры, навѣшиваемой на луку сѣдла съ правой сто-

роны; колотушка и литавра употребляются только при ястребиной охотѣ. 5) Круглый кожаный карманчикъ, украшаемый серебрянымъ ободочкомъ или серебряными винтиками: въ немъ берегутся тряпки для чистки винтовки. 6) Роговая пороховница на длинномъ ремнѣ прицѣпляется за особый желѣзный крючокъ, вдѣланный въ самый поясъ. 7) Мѣрка для пороха. 8) Кусокъ козлиной кожи для наръзки обвертокъ на пули. 9) Отвертка для винтовки. 10) Маленькій портфель изъ кожи, съ огнивомъ, кремнемъ и трупомъ. Сзади за поясъ засовывается: 11) Коротенькая трубка, необходимость каждого Калмыка и Калмычки; и чубукъ и трубка точеные деревянные; на трубку надѣвается кожаный колпачокъ съ двумя-тремя дырочками для отдушинъ. 12) Кисеть съ табакомъ; онъ дѣлается изъ двухъ кошелей съ общими для обоихъ шнурками. 13) Ногайка затыкается за поясъ съ праваго бока; а возлѣ нея, къ самому переду, 14) носовой платокъ: онъ складывается не по діагонали, а вдоль и засовывается за поясъ, однимъ концомъ у праваго бока, а другимъ концомъ сзади, у спины.

Поясу придается такая важность, что безъ него нельзя быть при старшихъ, предъ отцомъ, дядей, старшимъ братомъ, матерью, теткой, посторонней дамой и т. д.: застать Калмыка безъ пояса, то же, что у насъ застать въ халатѣ.

За исчисленіемъ этихъ принадлежностей, Калмыку не достаетъ только шапки. Но прежде, чѣмъ мы ее на него надѣнемъ, намъ надо познакомиться съ калмыцкою прической.

Калмыки подбриваютъ волосы вокругъ всей головы, пальца на два и на три отъ той линіи, съ которой они начинаютъ расти. Остальные волосы расчесываются на обѣ стороны, достигаютъ до шеи и подсыкаются, какъ сзади, такъ и спереди, одинаково ровно. При такомъ уборѣ, у Калмыка видна бываетъ только часть выбритаго круга, именно на лбу; но при извѣстныхъ оборотахъ наездника, при скачкѣ, или при борьбѣ, волосы развѣваются на вѣтру и тогда бываетъ видѣнъ весь выбритый кругъ. У кореннаго степника-щеголя волосы выбриваются на цѣлую ладонь, у Калмыка только по имени — много что на полдюйма.

Бороду Калмыки бръютъ, а усы оставляютъ, но никогда ихъ не закручиваютъ.

Почти у каждого Калмыка въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга, при маленькомъ даже достаткѣ — жемчужная.

Шапка калмыцкая, и именно хошоутовская, очень похожа на уланскую шапку, безъ узкаго перехвата посрединѣ. Тулья у шапки круглая, высокая, изъ желтаго сукна; она довольно тверда и простегивается продольными полосками. Верхъ у нея четырехъ-угольный; въ срединѣ его маленькая красная пуговка, а кругомъ ея широкая красная кисть изъ сученаго шелка, а правильнѣе сказать изъ нашитыхъ круговъ шелковой бахрамы. Околышъ чорный мерлушчатый, выпуклый, обыкновенно изъ овчинныхъ выпоротковъ.

У Калмыка въ дорогѣ, въ степи, при уходѣ за табунѣмъ, всегда въ лѣвой рукѣ укрюкъ, черезъ плечо винтовка, въ зубахъ трубка, а въ торокахъ за сѣдломъ — армякъ, «юрмге»: это широкій халатъ изъ верблюжьяго сукна.

Въ сырое время Калмыкъ надѣваетъ на себя яргакъ, двухбортный и съ тальей; яргакъ всегда шьется изъ выдѣланныхъ конскихъ шкуръ.

Зимній нарядъ Калмыковъ составляютъ — овчинныя шальвары, или «ярыка», шальвары изъ козлиныхъ шкуръ, кошомные чулки, овчинная куртка, лисья шуба на плечахъ и, въ торокахъ, яргакъ.

Зимняя шапка дѣлается изъ бѣлаго войлока, того же фасона, только ниже, чѣмъ лѣтняя, а вмѣсто кисти, на ней пуговица изъ краснаго сукна. Околышъ у нея чорный, широкій; онъ надрѣзывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ и образуетъ черезъ это, если околышъ отворотить, родъ козырька спереди, наушники и задокъ; отвороченнымъ околышемъ закрывается, во-время снѣжныхъ вихрей, все лицо табунщика: это слово, точно также какъ и названіе борца, очень лестно для калмыцкаго самолюбія, какъ выраженіе, сопряженное съ понятіемъ объ удалствѣ и подвигахъ храбрости и безстрашія.

Шапка у Калмыковъ другихъ улусовъ похожа на хошоутовскую шапку, но тамъ бываетъ она или шире въ тульѣ, или ниже, или, наконецъ носится на головѣ совершеннымъ блиномъ, по нетвердости тульи. Молодежь и взрослые удалцы шапки носятъ непременно на бекрень.

Такъ одѣвается каждый порядочный чловѣкъ изъ степныхъ Калмыковъ, съ семнадцати до сорока лѣтняго возраста. Когда Калмыку стукнетъ за сорокъ и онъ перестанетъ нуждаться въ людской молвъ, то начинаетъ сообразоваться въ нарядѣ своихъ съ собственнымъ произволомъ, не разставаясь только съ бешметомъ да съ поясомъ; шапку иной разъ замѣняетъ синей фуражкой съ глянцовымъ козырькомъ и съ краснымъ околышемъ, а всѣ принадлежности пояса передаетъ дѣтямъ на память. Съ этого же времени Калмыкъ начинаетъ отпускать косу, безъ которой онъ уже плохой Калмыкъ.

Дѣти нарядомъ не щеголяютъ: лѣтъ до десяти у нихъ тѣло ничѣмъ не покрывается; рубашонки — даже той они не носятъ. Зимой мальчикъ забивается отъ холода подъ овчины отцовской постели, а лѣтомъ бѣгаетъ по степи въ чемъ мать родила. Съ десяти лѣтъ ребенка запрягаютъ въ работу и заставляютъ пасти барановъ; костюмъ его все еще скромнѣе; но чѣмъ мальчикъ больше подрастаетъ, тѣмъ одежда его становится полнѣе и полнѣе; на немъ, кромѣ рубахи и шалваровъ, являются и сапоги, и бешметъ; но хошоутовской шапки онъ долго еще не увидитъ: на мальчиковъ, вмѣсто шапокъ, надѣваютъ маленькія круглыя шапочки, въ родѣ татарскихъ тюбетеекъ; онѣ дѣлаются изъ желтаго сукна съ красной суковной кисточкой и съ краснымъ околышемъ, обшитымъ по краямъ чернымъ плисомъ.

Дѣвочки лѣтъ до шести ходятъ то же безъ церемоній и безъ ничего; когда онѣ подростутъ, то щеголяютъ въ однихъ шалварахъ и рубашонкѣ, коротенькой до пояса и затыкаемой за уцкуръ. Становясь еще старше, онѣ получаютъ право носить бешметъ, застегиваемый петельками на пуговицы отъ шеи до талии. Лѣтъ до четырнадцати дѣвочкѣ стригутъ волосы, для опрятности; съ четырнадцати лѣтъ, когда молоденькая Калмычка начинаетъ формироваться, ее облачаютъ въ полный, по-крайней-мѣрѣ по праздникамъ, дѣвичій костюмъ.

Дѣвицы въ это время, при распущенныхъ жесткихъ, но черныхъ, какъ смоль, волосахъ носятъ одну косу, выпускаемую сзади по-верхъ бешмета. Волосы напередѣ разделяются вроборомъ и пригладиваются у висковъ. Въ ухо продѣвается сережка, украшенная, если можно, жемчужиной. Шапка такая же, какъ и у мальчиковъ.

съ тою разницей, что красный околышъ ея подъ черной плисовой выпушкой обшивается еще узенькой полоской желтого или синяго сукна.

Дѣвицъ принадлежитъ еще особенная часть одежды — корсетъ, или холстинный жилетъ, иногда безъ рукавовъ, иногда съ коротенькими рукавами; онъ стягивается спереди на груди очень туго. Назначеніе его то, чтобы естественныя выпуклости, при постепенномъ формированіи молодой дѣвицы, не выказывались наружу и чтобы вся грудь была ровною и плоскою: Калмыки полагаютъ, что цѣломудріе ихъ дѣвицъ необходимо требуетъ этого условія.

Такъ какъ дѣвичья сорочка совершенно сходна съ мужскою и не плотно закрываетъ грудь у шеи и около нея, то чтобы скрыть корсетъ отъ постороннихъ взоровъ, если бешметъ случайно разстегнется, дѣвицы носятъ, сверхъ корсета, шелковую или китайчатую куртку, или какъ ее въ астраханскомъ краю называютъ — фуфайку.

Женская сорочка и исподнія шальвары у Калмычекъ всегда бѣлыя; обвертки на ногахъ холщевыя; сапоги такіе же, какъ и у мужчинъ, но изъ красной кожи; шальвары или запускаются въ сапоги, или выпускаются поверхъ нихъ, что бываетъ рѣже.

Бешметъ, «лапникъ», у дѣвушки бываетъ шелковый, цвѣтной, съ обхватомъ у талии и длинный до щиколотокъ; онъ застегивается отъ самой шеи до оконечности живота; нижнія пять пуговокъ подшиваются изнутри бешмета, а всѣ остальные — снаружи.

Поверхъ бешмета надѣвается халатъ, изъ нанки или изъ ситца; онъ также, какъ и бешметъ, бываетъ съ тальей.

Праздничная дѣвичья шапка разнится отъ мужской тѣмъ, что шьется не изъ сукна, а изъ золотого газета, или изъ парчевой матеріи; кисть у нея густая шелковая, во всю верхушку шапки; околышъ дѣлается изъ позументовъ и разрывывается пополамъ; одна половина околыша подвертывается кверху и шапка надѣвается такимъ манеромъ, что самый разрывъ околыша приходится посреди лба; по этому прическа одной половины головы вся незакрыта, начиная отъ пробора и до косы. Простая будничная шапка шьется изъ желтого же сукна, она ниже мужской и на тульѣ у ней не бываетъ простежекъ. Дѣвицы носятъ шапки всегда на бекрень. Въ другихъ улусахъ дѣвичьи

шапки такія же, но не высокія и прямыя, какъ у Хошоутовъ, а нѣсколько приплюснутыя.

Талія у бешмета охватывается шелковымъ кушакомъ, у котораго съ лѣваго бока заткнутъ носовой платокъ, а на правой сторонѣ кушака, спереди, виситъ кожаный наперстокъ и шелковый кисетикъ съ иголками и принадлежностями женскаго рукодѣлья. Трубку и табакъ дѣвицы держатъ въ карманѣ и тамъ ихъ наглухо запрятываютъ. Женскіе чубуки подлиннѣе мужскихъ, а трубки очень маленькія и тоже съ кожаной крышечкой.

Дѣвицы носятъ кольца, но не болѣе четырехъ, и только на мизинцахъ обѣихъ рукъ. Украшеніе косы составляетъ одна бѣлая раковинка, или, какъ ее у насъ простой народъ называетъ, змѣйная голловка. Серьга только въ одномъ лѣвомъ ухѣ, рѣдко въ обѣихъ.

Форма чисто-калмыцкихъ серегъ чрезвычайно близко подходитъ къ формѣ старинныхъ русскихъ серегъ: верхняя часть, или самая серьга, представляетъ колечко, котораго одинъ конецъ, пропускаемый сквозь мочку уха, не доходитъ до другаго на четверть дюйма; нижняя часть, или подвѣска—круглая сплошная пластинка металла, вычеканенная подъ узоръ и украшенная четырьмя цвѣтными камешками.

Нарядъ женщины отличается отъ наряда дѣвицы тѣмъ главнѣйше, что женщина не носитъ корсета, и груди даетъ полную свободу; женщина носитъ кольца только на безымянныхъ пальцахъ; у нея двѣ косы, выпускаемыя изъ-за уха на халатъ, не сзади, а спереди, черезъ плечи; на косы надеваются длинные черные плисовые чахлы, изъ нижняго конца которыхъ наружу выходятъ фальшивые волосяные узлы: это для того, чтобы коса казалась длиннѣе; если свои волосы коротки, то женщина подвязываетъ къ нимъ волосъ изъ конской гривы. Какъ калмыцкія волосы ни жестки, но между ими и конскою гривой все-таки разница огромная. Носовой платокъ у дѣвицы складывается, какъ у мужчинъ, вдоль, и одной только стороной затыкается спереди за кушакъ, съ лѣваго бока; у женщины носовой платокъ просовывается однимъ уголкомъ въ петельку, пришитую къ самому платью, а остальными концами виситъ такъ, чтобъ всѣ три угла были видны.

Пока женщина еще только молодѣца, то шапку носить она такую же, какъ и взрослые дѣвушки, то есть съ раздвоеннымъ околышемъ;

но послѣ перваго ребенка, когда домашнія хлопоты и разныя заботы не даютъ уже времени много думать о щегольствѣ, она надѣваетъ женскую шапку, которая отъ дѣвичьей отличается сплошнымъ широкимъ околышемъ изъ соболей, или изъ цѣльнаго бобра; у бѣдныхъ людей, идутъ въ дѣло овчинныя выпоротки или другой мѣхъ. Иногда соболій околышъ оторачиваютъ еще бобровой полоской.

Женская сорочка имѣетъ то только отличіе отъ мужской и дѣвичьей, что къ ней пришиваются широкіе остроконечные воротнички, выпускаемые поверхъ высокаго стоячаго воротника «терліка».

Терлікъ есть женское калмыцкое платье, съ рукавами и съ стоячимъ воротникомъ, застегиваемымъ крючками, или пуговкой. Отъ воротника спускается прорѣха немного ниже пояса, и въ этомъ мѣстѣ дѣлается еще небольшой поперечный разрѣзъ, для того, чтобъ неслишкомъ поворотливая Калмычка удобнѣе могла на себя надѣвать эту довольно просторную одежду. Терлікъ дѣлается изъ разныхъ матерій, смотря по достатку, начиная съ ситца до самой дорогой парчи и глазета; онъ у прорѣхи застегивается металлическими фигурными и блестящими пуговками, обыкновенно приготовляемыми улусными мастеровыми; бываютъ впрочемъ и покупныя металлическія бездѣлки. Но галуны, позументы и шнуры, которыми терлікъ обивается по вороту и на груди, около разрѣза, никогда не покупаются, а непременно приготовляются въ своей семьѣ, самую хозяйкой, дочерью и свохами, или работницами-мастерами.

Сверхъ терлика надѣвается «цегдыкъ»; онъ предназначается исключительно для верховой ѣзды, и потому дѣлается безъ рукавовъ и съ полами, разрѣзными какъ спереди, такъ и сзади; цегдыкъ бываетъ нѣсколько короче терлика.

Женщины носятъ шубы и яраки; шубы шьются по образцу терлика, а яраки — по образцу цегдыка. Шубы покрываются матеріями шелковыми или бумажными, что зависитъ отъ разныхъ условий.

Пожилыя женщины дома и во-время очень рѣдко случающагося пѣшеходства, сверхъ терлика, носятъ «берзѣ» — халатъ изъ шолковой матеріи съ прямыми бортами.

Женскія сѣдла, на которыя Калмычки садятся такимъ же манеромъ

какъ и мужчины , отличаются отъ мужскихъ сѣделъ тѣмъ , что у мужчинъ все крѣпко, просто, прочно и дубовато; у женщинъ мягче, нѣжнѣе , щеголеватѣе; у нихъ и серебряный наборъ , и разныя погремушки, и плисовая вышитая подушка , и малиновыя бархатная попонка, чего мужчины никогда не употребляютъ ¹.

=

¹ Ср. у Палласа Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. I Th. 108 — 111.

VIII.

ОБЫЧАИ, СОБЛЮДАЕМЫЕ ПРИ СВАТОВСТВѢ.

Когда калмыцкій мальчикъ подростетъ, выправится, начнетъ почище одѣваться, перестанетъ пасти барановъ и, сдѣлавшись молодцомъ, достигнетъ желаннаго званія табунщика, «адучи» — отецъ и мать начинаютъ задумывать о томъ, какъ бы сына женить.

Прежде всего, родители стараются разузнать въ окрестностяхъ, и болѣе всего въ своемъ родномъ улусъ: у кого, гдѣ, и какія имѣются въ виду дочери на возрастъ. Съ этими цѣлями, отецъ увѣзжаетъ изъ своего хотѣна въ чужой *, гдѣ есть на примѣтъ дѣвушка, которая сынку будетъ подъ пару, и наводитъ тамъ о ней разныя справки.

Разузнавши все, что касается до наружныхъ качествъ и внутреннихъ достоинствъ невѣсты и до домашняго благосостоянія ея семьи, отецъ отправляется въ ея хотѣнъ, самъ посмотреть на нее. Онъ ѣдетъ туда будто бы ненарочно, показывая видъ, что попалъ въ эту сторону отыскивая разбредшійся табунъ, или подъ какимъ-нибудь инымъ предлогомъ, и явившись поздно вечеромъ въ кибитку родителей невѣсты, испрашиваетъ ихъ гостепріимства. Путнику нельзя отказать: всякій понимаетъ, что онъ изморзъ и отоцалъ, рыская цѣлый день по степи; не пустить же его ночью въ дальнюю дорогу?

Прогостивши слѣдующій денекъ, проведя его въ разныхъ пестороннихъ разговорахъ и переночевавши еще ночь, гость прощается съ хозяевами и, съ запасомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, возвращается домой.

Въ свою очередь, жена его то же собирается въ дорогу, навѣстить родню; на перепутьи она, подъ благовиднымъ предлогомъ, останавливается въ хотѣнъ, гдѣ живетъ невѣста, знакомится съ ея родителями, гоститъ у нихъ, сколько позволяетъ приличіе и умѣренное пользованіе гостепріимствомъ, и, наконецъ, возвращается въ свой хотѣнъ, къ мужу.

Разузнавъ, каждый съ своей стороны, строго ли невѣста содер-

* Изъ своего хотѣна, по близкому родству всѣхъ его членовъ, невѣсты не берутъ.

жится отцомъ, матерью, хорошо ли невеста владеетъ иглою и распоряжается хозяйствомъ, и какого она права — родители жениха, переговоривши между собой, объявляютъ сыну, наединѣ, даже безъ родственниковъ, что ему пора бы быть ихъ подпорой и обзавестись хозяйкой.

Сыну отвѣчать на это нечего: не откладывая дѣла далеко, онъ скоро собирается въ указанную дорогу. Онъ одѣвается въ лучшее свое платье, за немѣнѣемъ порядочной шапки или чего-нибудь другаго, по бѣдности, выпрашиваетъ нужные наряды у товарищей и у знакомыхъ, и перекинувъ черезъ плечо винтовку, съ укрокомъ въ лѣвой рукѣ — идетъ къ невестѣ, иногда уже знакомой ему и успѣвшей ему приглянуться, а иногда и вовсе незнакомой.

Чтобъ не повести дѣла слишкомъ съ-плеча, юноша направляетъ свой табунъ поближе къ тому хотону, который составляетъ цѣль его поездки. При приближеніи къ нему, молодой Калмыкъ потуже подтянется, поплотнѣе пригладится, вздернетъ отчаянно на-бекрень шапку, и затянувъ веселую пѣсню, начинаетъ гарцовать на бойкомъ конѣ, въ виду указанной кибитки чужаго хотона.

Дѣвушка сидитъ въ кибиткѣ прилежно за работою, ни о чемъ не думая, не гадая. Но или мать ей укажетъ, или и сама она, сквозь открытыя двери кибитки, подмѣтитъ молодцоватаго парня. Оставивъ работу, она подбѣжитъ къ порогу, выйдетъ на степь, поближе полюбоваться развѣымъ конемъ и красивымъ юношей; но зная обычаи своего племени и смекнувъ въ чемъ дѣло, дѣвушка бѣжитъ въ свой уголъ и сплывитъ приумыться, приодѣться, замѣнить грязный отъ работъ бешметъ чистенькимъ платьемъ; она сплывитъ пощеголеватѣе надѣтъ на себя шапку, и охорошившись и прикрасившись, можетъ-быть слегка и подрумявившись, садится на свое мѣсто и ждетъ гостя.

Но вотъ женихъ подъѣхалъ къ самой кибиткѣ; онъ стреножилъ коня, приставилъ къ кибиткѣ укрокъ, вошелъ въ нее, отдалъ обычное привѣтствіе и сѣлъ у входа почтительно, то есть ставъ на колѣни и плотно усѣвшись на пятки ногъ *. Его хозяева распрями-

* Не передъ старшими можно принять и другое положеніе: наприкладъ, ставъ на одно колѣно и присѣвъ на пятку, упереться на приподнятое колѣно другой ноги; сидѣть, поджавъ ноги подъ себя — поза самая фамиллярная.

вають: откуда онъ и какъ сюда попалъ? «Ловилъ табунъ — усталъ и зашелъ къ тебѣ утолить жажду: пить хочется!» отвѣтитъ гость непременно. Хозяйская дочь подноситъ ему чашку арьяна, старики заговариваютъ съ нимъ разговоры, и нашъ Калмыкъ, перекинувшись съ ними нѣсколько словъ, едва успѣвъ напиться и выкурить трубку, встаетъ, прощается и уѣзжаетъ, не покидая табуна.

Явившись домой, къ отцу, къ матери, сынъ объявляетъ имъ свое рѣшеніе. Если невеста, по какимъ бы то ни было причинамъ, пришлась ему непонутру, онъ откровенно сознается родителямъ, что онъ видѣлъ дѣвку, но что она ему не пара; и тѣмъ дѣло съ избранной особой кончается. Въ противномъ случаѣ говорить отцу, что «воля отца, матери для него законъ и выходить изъ нея онъ не смѣетъ». Сказать просто родителямъ: «я готовъ жениться», почти-тельный Калмыкъ никогда не дерзнетъ.

Такимъ-образомъ, дѣло идетъ на ладъ и справки съ обѣихъ сторонъ продолжаютъ собираться.

Черезъ нѣсколько времени отецъ жениха, договоривъ съ собою двухъ-трехъ родственниковъ, нехолостыхъ людей, и подвязавъ къ торокамъ три-четыре, а иногда и полдюжинки, борьбѣ арзы, ѣдетъ въ хотѣнъ невесты, входитъ въ ея кибитку, и не говоря ни слова, начинается съ того, что подчууетъ хозяина и хозяйку привезеннымъ изъ дому виномъ. Тѣ не спрашиваютъ, что это за вино и уже по самому этому приему понимаютъ цѣль пріѣзда стариковъ.

Хозяева, въ отвѣтъ на угощеніе, рѣжутъ барана; усаживаютъ гостей на видныя мѣста, около изголовьевъ кровати и у большого-барана; начинается бесѣда; разговоры о степныхъ происшествіяхъ перемѣшиваются съ попойкой и ужиномъ. Затѣмъ все ложатся спать; на слѣдующее утро гости, не дѣлая никакихъ объявленій, уѣзжаютъ.

Точно такой же визитъ возобновляется по истеченіи нѣкотораго времени, напримѣръ недѣли черезъ три, черезъ четыре, или черезъ шесть недѣль, послѣ предъидущаго перваго оффиціального визита. Тѣ же товарищи путешествія, тѣ же борьбѣ арзы, то же безмолвное подчиванье, тотъ же ужинъ съ маханомъ, тѣ же церемоніи, бражничанье и, наконецъ, успокоеніе.

Наутро, сбираясь въ дорогу, отецъ жениха проситъ своихъ товарищей припасти и осѣлать лошадей; самъ же, воспользовавшись ихъ удаленіемъ и оставшись въ кибиткѣ одинъ съ хозяиномъ и съ

хозяйкой, говоритъ имъ: «у васъ есть невеста; у меня сынъ молодецъ: жалагъ бы я быть въ родствѣ съ вами». Если отецъ имѣетъ другіе виды на дочь, а на предлагаемую партію несогласенъ, то онъ даетъ знать объ этомъ обинякомъ и самыми деликатными фразами, которыя, въ простомъ переводѣ, означаютъ рѣзительное «нѣтъ». Для этого онъ говоритъ: «она ужь сговорена у меня»; или «я подумаю о вашемъ предложеніи», или «я посоветуюсь объ этомъ съ близкими родственниками». Этими словами дальнѣйшее искательство навсегда прекращается. Если же родители невесты не имѣютъ ни надобности, ни повода отказывать жениху, то на предложеніе его отца не отвѣчаютъ рѣзительно ни слова.

Если случится, что какому-нибудь молодцу пригласится чужая дѣвушка и онъ въ нее влюбится, то объявить отцу объ этомъ сынъ не рѣшится; онъ чаще всего признается во всемъ матери и проситъ повести дѣло такъ, чтобъ отецъ самъ сталъ сватать ему именно эту дѣвушку.

Дѣвушка, влюбившаяся въ мужчину, ни за что не рѣшится «принять на себя такой стыдъ», чтобъ объявить родителямъ о своей любви: она съ покорностію ожидаетъ судьбы, которая на ее долю выпадетъ.

По прошествіи известнаго періода времени, отецъ жениха предпринимаетъ третій визитъ къ родителямъ невесты: эти три официальные посѣщенія носятъ у Калмыковъ названіе «юласть-доусхъ».

На этотъ разъ, онъ съзываетъ съ собою, кромѣ близкихъ родственниковъ, еще нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей, однакожь все женатыхъ; беретъ про запасъ съ десятокъ бурдючковъ вина, привозываетъ къ торокамъ зарезаннаго барана, цѣликомъ, вмѣстѣ съ овчиной, закладываетъ за пазуху цѣлую доску чая и прячетъ въ карманъ свертокъ бумаги, въ который положенъ сырмятный ремешокъ и доскутокъ рыбьяго клѣя. Повозъ трогается съ мѣста и весело ѣдетъ къ невестѣ, вынѣвъ порядочно уже дома, на дорогу.

Совершивъ этотъ путь и войдя въ кибитку къ невестѣ, жениховъ отецъ прежде всего вноситъ вино и подаетъ имъ присутствующимъ; потомъ тащитъ своего барана, съ котораго пріятель тотчасъ же сдираютъ овчину и тутъ же, въ общемъ присутствіи, кладутъ въ котелъ варить. Особый узелокъ, въ который пріятный дорогой гость успѣлъ завязать чай, клѣй и ремешъ, онъ самъ собственноручно передаетъ въ руки невестина отца.

Доска чаю идетъ на угощеніе; остальные предметы составляютъ знакъ скрѣпленія союза, тоже, что у насъ обручальныя кольца. Клей крѣпко соединяетъ, ремень прочно скрѣпляетъ будущую участь молодыхъ людей; пріемомъ этого подарка означается окончательное и неотступное согласіе на бракъ; слово, еще не сказанное, дано и нарушить его впоследствии невозможно.

Съ этого времени, принятый клей и ремень сохраняются передъ бурханомъ до самой свадьбы. Когда молодая идетъ въ домъ мужа, то получаетъ отъ нихъ эти знаки брачнаго союза и навсегда хранитъ ихъ у себя въ кибиткѣ.

Назавтра всѣ гости собираются домой и хозяинъ, при дочери и при всѣхъ постороннихъ, тутъ только объявляетъ отцу жениха, что онъ радъ и готовъ быть съ нимъ въ родствѣ.

При этомъ объявленіи начинается новое подчиванье и гости, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, развѣзжаются по хатонамъ.

У нойоновъ этихъ церемоній нѣтъ: у нихъ всѣ дѣла по щекотливому предмету сватовства ведутся посредствомъ переписки.

IX.

Сговоръ.

Когда дѣло такимъ образомъ между родителями обѣихъ сторонъ совершенно покончится и молва о предстоящей свадьбѣ разнесется по степи, отецъ жениха собираетъ къ себѣ всѣхъ однохотонниковъ и другихъ близкихъ пріятелей на пирушку. Калмыцкія блюда намъ извѣстны всѣ; угощеніе бываетъ соразмѣрно достатку хозяина, который не щадитъ ничего для того, чтобъ было какъ можно побольше арзы. Гости подпиваютъ и непременно съ пѣснями расходятся по кибиткамъ. Сынъ—постоянно въ табуны и ничего еще не знаетъ формально.

Въ скоромъ времени, жениховъ отецъ ѣдетъ въ городъ, или на ближайшую ярмарку, и закупаетъ тамъ самые необходимые для свадьбы предметы: русскую водку, колечки, сережки, шелковый носовой платокъ, пряники, персидскіе сухіе фрукты и разныя сласти. Улучивъ вечерокъ, онъ снова собираетъ къ себѣ однохотонниковъ и начинаетъ съ ними веселиться. Все это пьетъ, шумитъ, поетъ и тѣмъ изъясняетъ свою радость.

Къ ночи сынъ возвращается изъ табуна; онъ слышитъ шумъ, далеко еще не доѣзжая до своей кибитки, видитъ стреноженныхъ коней, входитъ въ многочисленное сборище, и смекнувъ, что это празднуютъ его праздникъ, забываетъ свою усталость и изнеможеніе послѣ дневныхъ трудовъ и принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ. Къ утру гости расходятся, отецъ отходитъ ко сну, все еще ничего не объявляя сыну; но мать теперь уже утерпѣть не можетъ: она подзываетъ къ себѣ удалаго табунщика, прижимаетъ его къ себѣ и, крѣпко его цалуя *, объявляетъ, что скоро его свадьба совершится.

Спустя недѣлю-другую времени, а иногда и больше, женихъ на-

* Есть мнѣніе, что Калмыки не цалуются, а только обнюхиваются; мнѣніе это неосновательно, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ волжскимъ Калмыкамъ: они очень исправно чмокаются въ губы и хорошо знаютъ всѣ оттѣнки поцалуевъ.

чиняетъ собираться въ дорогу и подговариваетъ съ собой человекъ двадцать или тридцать лучшей молодежи. Условившись въ день отправления, молодцы «выдерживаютъ мериньёвъ» то есть приготавливаютъ лошадей для скачки, подвешиваютъ къ недоузкамъ разные побрякушки, мѣдныя и стальные колечки, выбираютъ изъ стада двухъ-трехъ самыхъ лучшихъ барановъ, и запаслись русской водкой и калмыцкой арзёй вдоволь, навьючиваютъ своими запасами особаго верблюда. Прифранченные какъ слѣдуетъ, съ винтовками за плечами, съ укрюками у сѣделъ, они всѣ разомъ снимаются съ мѣста и на щегольскихъ коняхъ ѣдутъ въ невѣстинъ хотѣнъ; женихъ везетъ ей подарки.

Женихъ съ пріятелями норовятъ всегда такъ, чтобъ пріѣхать къ невѣстѣ къ вечеру. Подъѣхавъ къ хотѣну, кавалькада, по обыкновенію, прежде всего треножитъ лошадей и потомъ уже входитъ въ кибитку. Завидѣвъ ихъ, отецъ невѣсты оповѣщаетъ ближніе хотѣны, и вся гурьба назъжаго люда располагается въ большой кибиткѣ, то есть въ главной кибиткѣ родителей. Но всѣмъ тутъ не помѣститься; для женскаго пола разставляется другая кибитка и въ нее входятъ хозяйка съ дочерью-невѣстой и гости, родственницы и другія дѣвушки и молодыя женщины. Кибитка эта потому называется «кюкюотъ-бередынъ-нѣръ» то есть сборище дѣвушекъ и молодюшекъ. Между-тѣмъ какъ мужчины, въ большой кибиткѣ, попиваютъ вино, да распѣваютъ пѣсни, дѣвушки здѣсь поютъ и пляшутъ и угощаются сладостями.

Общее веселье сначала находится довольно въ инаткомъ положеніи: старикамъ молодежь мѣшаетъ быть «душа на распанку», молодежи старики помѣха съ одной стороны и дѣвичьи голоса невадалекъ отсюда; женщинамъ тоже безъ мужчинъ скучно. И вотъ, нѣсколько времени спустя, сама хозяйка входитъ въ мужское собранье, обращается къ молодежи и зоветъ ее къ дѣвушкамъ на веселье.

Женихъ и его пріятели недолго заставляютъ себя просить; они тотчасъ же отправляются въ отрадную для нихъ кибитку, и тамъ своимъ виномъ угощаютъ и себя и красавицъ. Вино, русское и арзъ, пьютъ только замужнія женщины: дѣвушки потягиваютъ одинъ кумызъ, но изъ маленькихъ чашечекъ, и то изрѣдка, только «по при-нужденью».

Вкусивъ порядочный запасъ бодрости и отваги, одичалый въ степи

женихъ-табунщикъ задумываетъ, какъ бы ему поближе присудить-ся къ невестѣ, для передачи ей подарковъ, по обычаю. Надобно сказать, что мужчины, въ обыкновенномъ собраніи, сидятъ около стѣны кибитки нальво отъ входа, женщины занимаютъ мѣста — отъ входа по правой сторонѣ, по направленію къ малому-барану. Самыя почетныя мѣста—въ соседствѣ большаго-барана: у изголовья постели мѣсто или владѣльца, или хозяина кибитки, почетнѣйшее мѣсто послѣ этого — подъ бурханами. Въ этомъ собраніи, первое мѣсто у большаго-барана занимаетъ старшій изъ родственниковъ жениха, другъ и ближній его пріятель; вторымъ послѣ него садится другой старшій родственникъ, помоложе перваго; третье мѣсто — женихово. Всѣ гости и невеста сидятъ по правой, отъ входа, сторонѣ кибитки.

Перейдти всю кибитку, начать рѣчь съ дѣвушкой, и еще съ невестой, при всей почтенной компаніи — это ужасный для степнаго Калмыка подвигъ; но ему, нечего дѣлать, нужно преодолѣть свою застенчивость. Онъ, заминаясь, встаетъ, неловко шагаетъ на другую сторону; подходитъ къ «милрой» и садится передъ нею въ почтительное положеніе: только въ этомъ положеніи можетъ онъ передать дѣвушкѣ свои подарки, которые бываютъ различной цѣнности, глядя по достатку дарящаго. Женихъ, передавая невестѣ подарки, вынимаетъ ихъ, одинъ за другимъ, изъ-за пазухи; невеста принимаетъ ихъ собственными руками, и сохраняя скромность, неподвижность, не мигнувъ даже глазомъ, говоритъ ему, едва слышно «благодарю».

Калмыцкое приличіе требуетъ непременно, чтобы, передавая какую-нибудь вещь старшему, напримѣръ племянникъ дядѣ, дочь почетному гостю или гостьѣ, молодой человекъ дѣвицѣ, не говоря уже про отца и мать, передающій опустилъ бы нѣсколько голову, держалъ предметъ подарка въ правой рукѣ, а локоть ея поддерживалъ бы лѣвой рукой.

Затѣмъ начинается пляска и пѣніе и, разумеется, женихъ поминутно танцуетъ съ невестой. Она, въ промежутокъ этихъ танцевъ, встаетъ сама съ своего мѣста, подходитъ къ жениху, садится противъ него и отдариваетъ его, за его подарки, кошелькомъ для денегъ, или кисетомъ для табаку; больше ничѣмъ. Этотъ обрядъ даренія называется Калмыками «кургучилкѣ».

По окончаніи этого обряда снова начинаются пѣсни, танцы и разныя игры. Между-тѣмъ дѣло идетъ къ разсвѣту; гостямъ скипятать чаю, и затѣмъ женихъ и всѣ мужчины отправляются домой, распѣвая пѣсни во всю степь.

Очень часто, тотчасъ по выѣздѣ, гости снова начинаютъ гулять и гуляютъ до того, что и на сѣдлѣ держаться не могутъ: это для Калмыка, который чѣмъ пьянѣе, тѣмъ крѣпче и развязнѣе гарцуетъ на конѣ, означаетъ уже высшую степень опьянѣнія, дальше которой оно не можетъ уже простираться.

Если молодой человѣкъ, что называется, шибко подгуляетъ, то въ этомъ видѣ онъ ни за что не рѣшится явиться предъ отцомъ и матерью; не то, чтобъ подобная опьянѣлость ставилась подгулявшему табунщику въ порокъ неисправимый, который онъ старается скрывать; но сыновнее повиновеніе, покорность самая рабская запрещаетъ сыну забывать отношенія свои къ отцу. Подгулявшая молодежь ночуетъ на голой степи, и отрезвившись на ночной прохладѣ, наутро обращается къ привычнымъ своимъ занятіямъ около табуна.

Первые обряды сватовства и сговора называются у Калмыковъ «шагата».

Х.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Женихъ, послѣ всѣхъ предшествовавшихъ обрядовъ, ждетъ свадьбы годъ, два и больше, однимъ-словомъ, до-тѣхъ-поръ, пока дѣвушка не минетъ лѣтъ шестнадцать, по-крайней-мѣрѣ, и пока родители не исправятся всѣмъ, что для свадьбы нужно. Невѣсту навѣщаютъ время отъ времени то женихъ, то отецъ съ матерью; такія свиданія случаются разъ пять-шесть въ году, и всегда сопровождаются какими-нибудь гостинцами, то пряниками, то виномъ, то привезутъ рваннаго барана.

Когда, наконецъ, приступитъ время сыграть свадьбу, то отецъ и мать жениха отправляются вдвоемъ въ хурулъ, выбираютъ изъ гелюнговъ одного ученаго астролога, «зурхачъ», объявляютъ ему о желаніи совершить бракъ своего сына, такъ какъ время уже пришло, и просятъ его назначить благоприятный день для объявленія родителямъ невесты о приближеніи срока совершенія брачныхъ обрядовъ.

Гелюнгъ открываетъ книгу, называемую «Зурханъ-Нонъ», и сообразясь съ ея сказаніями, объявляетъ просителямъ счастливый для предпріятія ихъ день. Получивъ такой отвѣтъ, Калмыкъ кладетъ передъ бурханами три земные поклона, даетъ гелюнгу нѣсколько денегъ, рубля два-три серебромъ, и отправляется съ женой домой.

Отецъ жениха готовится къ назначенному дню въ дорогу и заранее оповѣщаетъ невестину сторону объ этомъ срокѣ. Тѣмъ нечего болѣе дѣлать, какъ ждать; отъ нихъ никакихъ особенныхъ приготовленій не требуется. Но на обязанности жениха, или его отца, лежить припасти разные подарки. Для этого заготавливаютъ арзу, покупаютъ водку, разныя сласти и режутъ нѣсколько головъ скота: лошадь, корову и двухъ-трехъ барановъ. Навьючивъ запасы на верблюда, вся женихова семья—отецъ, мать, цѣлымъ домомъ и съ ближними родственниками—отправляется къ невестѣ. Тамъ ихъ всѣ ожидаютъ: невестина семья сама много про себя наварила и

наготовила. Съ первыхъ же минутъ свиданія начинается пирушка и многочисленные члены обѣихъ партій пьютъ и ѣдятъ безъ отдыха, веселясь по-своему въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ.

На слѣдующій день, родители жениха объявляютъ торжественно родителямъ невесты, что они хотятъ совершить брачные обряды, и заводя разговоръ издалика, стараются разузнать, обинякомъ отъ нихъ вывѣдать, какъ великъ долженъ быть расходъ съ ихъ жениховой стороны, и какіе именно предметы должны они принести въ даръ почетнымъ людямъ, на примѣръ владѣльцу и зайсангамъ, почетнымъ знакомымъ и ближайшимъ родственникамъ невесты? Отецъ невесты объявляетъ свой расчетъ, что такому-то надо подарить лошадь, такому-то халатъ, такому-то довольно и барана, и подводитъ всему итогъ. Отецъ жениха возражаетъ противъ нѣсколько-крупноватой для него цифры; начинаются споры, упрасниванья, уговариванья, взаимныя уступки и, наконецъ, дѣло порывается какъ именно дѣлу быть и кого и чѣмъ именно дарить. Это условіе у Калмыковъ называется «унулгъ» и «юмсюлгѣ». Послѣ этого Калмыки опять кушаютъ цѣлые сутки, и потомъ всѣ разъѣзжаются.

Послѣ этого, отецъ жениха опять ѣдетъ въ городъ, или на ближайшую ярмарку, закупить все, что для полнаго калмыцкаго дома нужно: самой дорогой матеріи на платье невесты, лучшей матеріи для пологовъ, ковровъ на постилку внутри кибитки, конскихъ шкуръ и ковриковъ для изголовьевъ постели, и разныхъ другихъ мелочей, для степнаго домообзаведенія необходимыхъ. Мать женихова сама везетъ, въ сопровожденіи работниковъ, всѣ эти закупки къ невестѣ и объявляетъ ей матери, что у жениха кибитка, для сожителства молодыхъ, уже готова. Надо, однакожъ, замѣтить, что все касающееся до постели, до кухни и до нарядовъ женскихъ, кромѣ поименованныхъ выше подарковъ, обязана заготовить невестина сторона.

За сямъ, отецъ жениховъ ѣдетъ въ хурулъ и приглашаетъ гелюнга-зурхачи пожаловать къ нему въ хотонъ. Въ-сопровожденіи гелюнга и манжика гелюнгъ отправляется къ отцу жениха на его лошадакъ, а не на хурульныхъ.

Гелюнга угощаютъ у жениха чаемъ и варенымъ бараномъ и, наконецъ, приглашаютъ въ особнякомъ-стоящую пустую кибитку, именно въ ту, которая приготовлена для сожителства будущихъ молодыхъ супруговъ. Гелюнгъ помѣщается на разставленномъ въ кибиткѣ столѣ

одного бурхана, поетъ священныя пѣсни, и опрыскиваетъ кибитку масломъ, смѣшаннымъ съ молокомъ.

Отецъ, мать и женихъ кладутъ передъ бурханомъ три земныя поклона, а гелюнга просятъ опять заглянуть въ «Зурханъ-Нонгъ» и выбрать изъ него самый счастливый для свадьбы день. Жрецъ исполняетъ ихъ желаніе, назначаетъ ближайшій день, и опредѣляетъ даже часъ. Слѣдуя степнымъ обыкновеніямъ, опредѣленіе это дѣлается по солнышку, и говорится просто «около сумерекъ», или «съ восходомъ солнца», или «когда появится тамъ-то такая-то звезда», и тому подобное.

Все женихово семейство готовится въ дорогу такимъ образомъ, чтобъ прѣхать къ невестѣ до опредѣленнаго срока, о которомъ ее предварительно оповѣщаютъ. Въ путь ѣдутъ все: отецъ, мать, женихъ съ близкими родственниками и съ своимъ гелюнгомъ; ихъ сопровождаютъ тѣмъ приглашенныхъ гостей, зайсанги, однородцы и все знакомыя, кому только представится возможность воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобъ весело погулять нѣсколько сутокъ. Весь этотъ народъ, все мужчины и все женщины, одѣваются въ лучшія свои наряды; дома остаются только однѣ пустыя кибитки, работники, да ребятишки лѣтъ до четырнадцати возраста.

Повозъ этотъ бываетъ огроменъ: лошадямъ и счету нѣтъ; однихъ верблюдовъ навьючивается больше десятка. На трехъ верблюдахъ, приготовленныхъ въ дорогу безъ всякихъ прикрасъ, навьючиваютъ кибитку, назначенную для молодыхъ супруговъ; остальныхъ нагружаютъ разными тяжестими, которыя везутся на праздникъ, для угощенія собравшихся пріятелей. Жениховъ отецъ беретъ съ собою рязанный скотъ, даже сваренное уже мясо, на которое потреблено дюжины полторы лучинныхъ барановъ, двѣ-три коровы и двѣ-три кобылицы. Запасъ вина тоже бываетъ почтененъ: несмѣтное множество бортогѣ и борбѣ арзы, боченка два-три, а иногда и пять и десять, простаго русскаго вина и нѣсколько боченковъ чихиря, на который Калмыки, особенно въ старыя времена, жестоко тратились. Караванъ ежеминутно принимаетъ болѣе и болѣе обширныя размѣры, увеличиваясь по дорогѣ постоянно примыкающими къ нему Калмыками.

Повозъ останавливается передъ большою-кибиткою, то-есть передъ кибиткою отца и матери невесты, вытягиваясь почти въ одну линію;

гости слезаютъ съ коней, треножатъ ихъ и разставляютъ молодую-кибитку, или кибитку, назначенную для будущаго сожителства молодыхъ; между обвыми этими кибитками они разставляютъ привезенные бурдюки и мѣшки съ мясомъ и виномъ, а сами садятся позади, длинными, растянутыми въ линію группами, старики особо, женщины особо, и молодежь особо. Гелюнгъ съ прислугой сидитъ въ пустой кибиткѣ молодыхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, отъ невесты является къ гостямъ посланный и проситъ почетнѣйшихъ изъ нихъ пожаловать въ большую кибитку; туда отправляются всѣ пожилые люди, мужчины и женщины, но не молодежь, которая остается пока здѣсь, на открытомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ женихомъ. Когда старики начнутъ пировать у невесты, то посылаютъ звать къ себѣ и жениха. Оставшаяся одна молодежь забирается въ два-три вновь раскинутые коша; начинается общій разгулъ, и продолжается до утра слѣдующаго дня: старики ѣдятъ, пьютъ, играютъ въ шахматы, ведутъ серьезныя бесѣды, а молодые люди затѣваютъ игры и танцы.

Наутро, женщины, родственницы и гости невесты, убираютъ кибитку молодыхъ, ставятъ постель, приводятъ въ порядокъ баранъ и прочее; а жениховы старики просятъ гелюнга назначить самую благоприятную минуту для совершенія брачнаго обряда, и получивъ на это отвѣтъ, готовятъ мѣсто, на которомъ обрядъ будетъ совершаться, а объ отъѣздѣ зурхачи оповѣщаютъ невестинныхъ стариковъ.

Мѣсто для обряда прибирается такимъ образомъ. Передъ входомъ въ кибитку молодыхъ, по землѣ разстилается коверъ, болѣе или менѣе богатый, смотря по достатку; поверхъ него раскладываютъ «ширдѣкъ», или, какъ уже сказано, бѣлый, чистый простеганный войлокъ, безъ украшеній; этотъ ширдѣкъ составляетъ для Калмыка, какъ предметъ его родной старины, самую драгоценную вещь. За ширдѣкомъ и за ковромъ ставится столикъ съ бурханами. Подлѣ него садится гелюнгъ. На жертвенную чашечку, поставленную передъ бурханами полагается, по обыкновенію, лучшій кусокъ, именно «шага-чимгенъ», баранья лопатка.

Въ это самое время, мать, теткі и молоденькія женщины снимаютъ съ невесты двичій нарядъ до послѣдней мелочи, и надѣваютъ новенькія, съ иголки, принадлежности полной женской одежды. Не-

вста принимается плакать, и когда туалетъ ея будетъ готовъ, начинается прощаться съ родительскимъ домомъ : долго молится передъ бурханами, полагая земные поклоны; горько плачетъ о дѣвчьемъ весельи и даетъ прощальные поцалуй отцу, матери, братьямъ и сестрамъ. Родная и женихова мать выводятъ ее отсюда подъ руки, въ сопровожденіи близкихъ родственницъ, вводятъ въ кибитку молодыхъ и сажаютъ у малаго-барана.

Послѣ того зовутъ жениха; онъ садится у изголовья постели. Нѣсколько минутъ спустя, являются въ эту кибитку оба отца, жениховъ и невестинъ, и приказываютъ дѣтямъ привѣтать. Въ это самое время сестра, а если ее нѣтъ, то ближайшая родственница, подаетъ жениху чистый бѣлый платокъ; тотъ накидываетъ его на лицо своей невесты, какъ объясняютъ Калмыки, для того, чтобы она не конфузилась, и взявъ лѣвой своей рукой ея правую руку, выходитъ съ ней изъ кибитки и становится на ширдыкъ передъ бурханымъ столикомъ: невестина сторона — лѣвая, а женихова — правая; отсюда нѣсколько вправо стоять гелюнгъ съ манжикомъ и гецюлемъ, а всюду кругомъ — народъ.

Всѣ снимаютъ шапки, и мужчины и женщины, начинается обрядъ.

Прочитавъ нѣсколько вступительныхъ молитвъ, гелюнгъ велитъ жениху съ невестой садиться, что тѣ и исполняютъ, все-еще держась за руки. Гелюнгъ снимаетъ съ невесты накиннутый ей на лицо, въ видѣ покрывала, платокъ; беретъ съ жертвенника «шага-чимгенъ», обвертываетъ его этимъ покрываломъ и передаетъ брачующимся; они держатъ кость за оба конца, женихъ лѣвой рукой, а невеста правой.

Прочитавъ новыя молитвы, гелюнгъ велитъ жениху и невестѣ встать и сдѣлать три земные поклона, не выпуская изъ рукъ «шага-чимгена». Калмыки молятся обыкновенно такимъ образомъ : снявъ шапку и положивъ ее наземъ, они творятъ поклоны, сложивъ руки ладонь съ ладонью, и приподнявъ ихъ къ лицу; потомъ они наклоняются и обѣими руками касаются до земли; земные же поклоны совершаются на коленяхъ. Жениху съ невестой, не выпуская шага-чимгена, нельзя такъ молиться: они дѣлаютъ земные поклоны, приподнявъ къ лицу одну только руку, женихъ правую, а невеста лѣвую. При этомъ и женихъ и невеста произносятъ оба вмѣстѣ, на

старинномъ богослужебномъ языкѣ, моленія и клятву, по переводу самихъ Калмыковъ, значащія по-русски слѣдующее :

1. «Поклоняюсь я первымъ поклономъ Господу-Богу, отцу-матери моему!»

2. «Поклоняюсь я вторымъ поклономъ свѣтилу моему дорогаго дня—солнцу моему, и свѣтилу моему дорогой ночи—лунѣ моей».

3. «Даемъ клятву любить другъ друга, почитать, уважать и вмѣстѣ дѣлать всѣ горести и радости жизни».

По произнесеніи этихъ словъ женихомъ и невестой, гелѣонгъ беретъ за середину «шага-чимгена», все-еще молодыми изъ рукъ не выпускаемаго. Они низко преклоняютъ голову, опираясь въ колено, женихъ правой рукой, а невеста лѣвой, и гелѣонгъ, взявъ со стола изображеніе бурхана-бакши, прикасается имъ сперва до головы жениха, а потомъ до головы невесты. Этимъ окончательно совершается обрядъ калмыцкой свадьбы.

Гелѣонгъ, поставивъ бурхана-бакши на мѣсто, вноситъ бурханный столикъ въ кибитку молодыхъ, убираетъ все какъ слѣдуетъ передъ большимъ-бараномъ, и возвратившись къ молодымъ, вводитъ ихъ въ ихъ кибитку, взявшись по-прежнему за середину шага-чимгена.

При входѣ въ кибитку, гелѣонгъ беретъ у нихъ изъ рукъ шага-чимгенъ, возлагаетъ попрежнему на дееджинъ-цѣкцѣ и ведетъ сдѣлать передъ большимъ-бараномъ три земные поклона.

Затѣмъ всѣ молятся, надѣваютъ инапки и входятъ въ кибитку. Молодые занимаютъ принадлежащія имъ мѣста : у него — въ изголовьи постели, у нея — въ ногахъ. Если въ числѣ гостей самъ владѣлецъ, то его мѣсто, на этотъ разъ, вправо отъ изголовья, между женихомъ и гелѣонгомъ, который садится подъ бурханами; по правой сторонѣ отъ входа садятся женщины, по лѣвой — мужчины. На постели, между женихомъ и невестой, мѣста нѣтъ ни для кого.

Когда всѣ разсядутся по мѣстамъ, гелѣонгъ беретъ съ жертвенной чашечки шага-чимгенъ, срѣзываетъ съ него все мясо и раздаетъ его жениху, невестѣ и ихъ родителямъ. Женихъ дѣлаетъ передъ бурханами новые три поклона, сѣдаетъ мясо, дѣлаетъ подарокъ гелѣонгу, обыкновенно даетъ деньгами, рублей пять серебромъ, принимаетъ отъ него поздравленіе и приличныя молитвы и отправляетъ его домой, къ хурулу, съ провожатыми Калмыками.

«Ширдыкъ», на которомъ совершался брачный обрядъ, вносится

въ кибитку и разстилается поверхъ постели, а «шага-чимгенъ» навсегда хоронится въ сундукъ, поставляемомъ подъ большимъ-бараномъ.

За симъ начинается брачное пированье, но женихъ ничего не пьетъ. Онъ выбираетъ изъ всѣхъ сортовъ мяса лучшіе куски и, вмѣстѣ съ нѣсколькими «бортогъ», бурдюками, арзы и кумыза, несетъ къ ной-ону, если кибитка его близко; въ противномъ случаѣ, и какъ бы владѣлецъ далеко отъ жениха ни жилъ, всѣ эти подарки илются къ нему немедленно, съ нарочными верховыми. Нойонъ одариваетъ молодыхъ и иногда самъ лично принимаетъ участіе въ томъ, чтобъ справить жениха разными надобностями.

Когда у молодыхъ кончится ужинъ, всѣ отъ нихъ расходятся въ другія кибитки, гдѣ общее веселье продолжается попрежнему.

При молодыхъ остаются только двѣ молодые женщины изъ самыхъ близкихъ родственницъ, но не мать и не тѣтка, а замужнія сестры, или кто-нибудь другой.

Молодой выходитъ, на короткое время, вонъ изъ кибитки; въ его отсутствіе женщины расплетаютъ молодой ея дѣвичью косу, заплетаютъ двѣ косы и надѣваютъ на нихъ бархатные чахлы.

Возвратившись назадъ, молодой моетъ руки, полощетъ ротъ, и начинаетъ молиться. Молодая въ это время ставитъ на мѣсто семейный ночникъ и зажигаетъ его; а пріятельницы ея, покончивъ свои занятія, прощаются, уходятъ изъ кибитки, припираютъ дверцы на колышекъ, идутъ туда, гдѣ пирушка и оставляютъ юную чету наединѣ другъ съ другомъ.

Узнавъ объ этомъ, родители молодой рѣжутъ, при ближайшихъ родственникахъ, барана и совершаютъ «галтеахъ» или жертвоприношеніе огню: объ этомъ жертвоприношеніи говорится въ своемъ мѣстѣ.

Утромъ, на зарѣ, молодой просыпается, одѣвается, самъ открываетъ кибитку, сѣдаетъ коня и ѣдетъ въ табунъ. Молодую навѣщаютъ двѣ ея родственницы, болѣе или менѣе усердно поздравляютъ ее и родителей молодыхъ съ законнымъ бракомъ. Ширдыкъ сохраняется вмѣстѣ съ шага-чимгеномъ.

Къ вечеру, молодой возвращается изъ табуна прямо въ кибитку къ женѣ и потомъ уходитъ на время пировать къ товарищамъ.

Пирушка, въ полномъ разгарѣ веселья, продолжается три дня сряду; молодой каждое утро на зарѣ увѣжаетъ въ табунъ и возвра-

щается только къ ночи; но молодая во все это время никому, кромѣ своихъ и мужниныхъ родителей, не показывается; даже занавѣсы и пологъ брачной постели во все это время не раздвигаются и бываютъ спущены на-глухо.

На слѣдующій день молодой остается дома; проснувшись послѣ вчерашняго празднованья, всѣ гости идутъ къ нему въ кибитку. Его отецъ и мать снимаютъ съ постели занавѣски, оставляютъ одинъ пологъ, подвязываютъ его фестонами и рекомендуютъ гостямъ мужа и жену. Начинается питье за здоровье — и новое веселье; наконецъ весь повоздъ собирается въ дорогу: везутъ молодую въ хотонъ мужа.

Если у новобрачнаго нѣтъ роднаго отца, то его мѣсто занимаетъ молодой парень изъ женатыхъ Калмыковъ, и тогда онъ, съ матерью жениха, снимаетъ у постели занавѣски. Съ этого времени чужой Калмыкъ, заступившій мѣсто отца при свадьбѣ, состоитъ въ семьѣ на счету самыхъ близкихъ родственниковъ.

Въ этотъ день молодая въ первый разъ является настоящею хозяйкой своей кибитки: она укладываетъ въ сундуки все имущество, наблюдаетъ за павьючиваньемъ верблюдовъ и своими руками надѣваетъ на нихъ разноцвѣтные недоуздки, только при свадебныхъ церемоніяхъ употребляющіеся Верблюдовъ съ приданнымъ выючятся шесть: три жениховыхъ и три невестиныхъ.

Въ сундуки кладутъ деньги въ качествѣ приданнаго, или вѣрнѣе родительскаго благословенія, потому-что собственно о приданномъ условій никогда не бываетъ: этимъ и рознится калмыцкая свадьба, какъ отъ нашего приданнаго со стороны невесты, такъ и отъ татарскаго калыма, вносимаго женихомъ. Составныя части кибитки молодыхъ также выючатся на верблюдовъ, которыхъ, поверхъ всѣхъ выюковъ, покрываютъ разноцвѣтными коврами.

Новобрачной подводятъ оседланнаго коня; она садится на него, принимаетъ чумбуръ передняго верблюда, и предшествуемая мужемъ, окруженная родными и сопровождаемая многочисленною толпою всѣхъ гостей, громко распѣвающихъ пѣсни, ѣдетъ въ хотонъ мужа.

Сзади повозда гонятъ барановъ, рогатый скотъ и лошадей, которыми родители молодой награждаютъ юную чету.

Но этимъ свадебные обряды еще не кончаются: есть много условій, которыя должны быть совершены молодыми при возвращеніи новобрачныхъ къ себѣ домой; именно обрядъ «ецыге-екѣнь-гыртю-би-

ре-мюртюкю», по-русски слово-въ-слово «поклоны невестки въ дому отца и матери».

Въ то время, когда повзды приблизится версты на двѣ къ мужику хотѣну, молодежь пускается впередъ, чтобъ повѣстить тамъ о приближеніи новобрачныхъ и помочь убрать отцовскую кибитку. Одинъ изъ молодыхъ людей отдѣляется отъ прочихъ и несется во весь опоръ, размахивая бѣлымъ платкомъ, полученнымъ отъ молодой : кто перегонитъ передоваго, тому этотъ платокъ дается въ награду.

Когда большая-кибитка приберется, то изъ нея выносятся чистый ширдыкъ и разстилаютъ его саженьяхъ въ пятнадцати или двадцати отъ кибитки, прямо противъ ея дверей.

Сопровождающая молодыхъ свита несется впередъ такимъ образомъ, чтобы и кибитку и разостланный ширдыкъ объѣхать непременно съ лѣвой стороны и встать на назначенное мѣсто вправо отъ отцовской кибитки, или съ лѣвой ея стороны, если смотреть изъ кибитки.

Тутъ разставляютъ кибитку новобрачныхъ и прибираютъ въ ней все по обычнымъ мѣстамъ. Въ ожиданіи этого, молодые садятся вдвоемъ на разостланный ширдыкъ. Когда нужныя приготовления будутъ приведены къ концу, отецъ входитъ въ свою кибитку, а мать новобрачнаго подходитъ къ молодой, беретъ невесту за руку и ведетъ ее къ отцу; самъ новобрачный тоже слѣдуетъ за ними, но позади ихъ.

Молодая входитъ туда одна и въ первый разъ : поэтому, какъ бы испрашивая благословенія новыхъ родителей, она, еще въ дверяхъ, кладетъ три земные поклона.

Послѣ этого обряда, родные входятъ въ отцовскую кибитку обыкновеннымъ порядкомъ, впереди мать, за нею сынъ, сзади его молодая невестка, за ними остальные гости.

Новобрачной указываютъ ея мѣсто — между ногами кровати и малымъ-бараномъ; отецъ садится въ изголовье своей постели, мать въ ногахъ, молодой вправо отъ него, за большимъ-бараномъ, между гостями. Если всѣ родные и знакомые, мужчины и женщины, старые и молодые, тутъ не помѣстятся, то садятся снаружи кибитки и у дверей. Въ это время, среди кибитки, въ котлѣ, варится уже лучший баранъ для совершенія, и со стороны новобрачнаго, жертвоприношенія огню, «галтеахъ». Въ ожиданіи пока мясо сварится, начинаются иг-

ры, участвующіе въ которыхъ раздѣляются на двѣ партіи, на партію молодого и на партію молодой.

По окончаніи жертвоприношенія гости ужинаютъ и расходятся на отдыхъ, а молодая, уложивъ спать мужниныхъ отца и мать, идетъ въ свою кибитку.

На слѣдующій день тѣ, которые, играя въ свадебныя игры, проиграли, угощаютъ выигравшихъ; день заключается общей попойкой и развозомъ гостей по хотонамъ. Съ слѣдующаго затымъ утра, все принимаетъ будничный видъ¹.

¹ Ср. у Палласа: Ueber die mongolischen Völkerschaften. Th. II, pag. 235 —241, о свадьбѣ, и тамъ же, стр. 224 и слѣд., объ астрологіи.

XI

Дополненіе къ свадебнымъ обычаямъ — и о разводѣ.

Съ соблюденіемъ всѣхъ разсказанныхъ обрядовъ совершаются браки чистыхъ степныхъ Калмыковъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ неизмѣнившихъ ни въ чемъ своей старинѣ, роднымъ обычаямъ и предписаніямъ своей религіи, повелѣвающей имъ только единоженство и запрещающей брачное сожителство гелюнгу, первую обязанностію котораго есть соблюденіе чистоты и цѣломудрія.

Но и здѣсь, какъ и во всемъ, есть исключенія. У Калмыковъ, живущихъ ближе къ Волгѣ и ближе къ проѣзжимъ дорогамъ, мы весьма часто можемъ найти, кромѣ законной жены, еще и паложницу; иногда у нихъ вовсе нѣтъ жены, соединенной съ ними при посредствѣ религіозныхъ молитвословій, а есть однѣ паложницы, нѣсколько, или одна только; онѣ пользуются всѣми правами жены, вслѣдствіе вошедшаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ обычай обряда похищенія, что у Калмыковъ и называется «булахъ».

Похищеніе это дѣлается съ согласія однакожь невесты, а часто и ея родителей; причина допущенія похищеній — желаніе сократить расходы, поддерживаемое нетвердостью въ вѣрѣ. Если у Калмыка, который женится такимъ образомъ, есть уже законная жена, то вторая жена будетъ считаться, въ глазахъ Калмыковъ, наложницей, не больше. Какіе бы знаки уваженія мужъ этой паложницѣ ни оказывалъ, посторонній Калмыкъ, изъ числа людей порядочныхъ, въ кибитку такого мужа не взойдетъ; если же кто и будетъ навѣщать наложницу, то первые знаки обычнаго почтенія окажетъ женѣ, соединенной съ Калмыкомъ религіозными обрядами.

Этихъ обрядовъ не соблюдается только со вдовами; всѣ церемоніи ихъ брака съ холостыми Калмыками ограничиваются пиршествами и торжественнымъ препровожденіемъ невесты въ хотонъ мужа.

Увозъ невесты вообще дѣлается такимъ образомъ.

Въ назначенный для свадьбы день, женихъ, съ родственниками и знакомыми, является къ невестѣ, родители или родственники которой

навьючиваютъ на верблюда приданое и кибитку; когда все къ отъѣзду будетъ готово, женихъ идетъ за невестой. Подруги ея обступаютъ входъ кибитки, и вооружившись чѣмъ ни-попало, не пускаютъ жениха. Переноса толчки и удары, онъ откупаетъ право входа разными лакомствами, которыя кидаетъ защитницамъ. Онъ входитъ въ кибитку, схватываетъ невесту, выноситъ ее вонъ, садится съ нею на лошадь, и перекинувъ черезъ сѣдло, мчится изъ хотона; въ томъ мѣстѣ, откуда кибитокъ уже невиденъ, невестъ подаютъ другую лошадь, заранее приготовленную, и затѣмъ молодые слѣдуютъ до своего хотона спокойно.

На томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть разбита кибитка новобрачныхъ, при приближеніи ихъ, раскладываютъ огонь и ставятъ таганъ, въ знаменіе домашняго довольства въ будущемъ. Когда новобрачные совсѣмъ сюда подъѣдутъ, тогда начинаютъ разставлять ихъ кибитку, вводятъ туда невесту, убираютъ постель, и въ то время, когда женихъ, къ вечеру, выйдетъ изъ своей кибитки къ отцу или къ родственникамъ, молодой заплетаютъ косы и укладываютъ въ постель.

Нойоны справляютъ свои свадьбы совершенно такъ, какъ описано въ предшествовавшей главѣ, и поддерживаютъ старинные обычаи во всемъ, касающемся собственно до свадебныхъ обрядовъ. Но иногда они дѣлаютъ нѣкоторые измѣненія, дополненія и лишнія украшенія.

Такъ одинъ изъ русскихъ очевидцевъ владѣльческой свадьбы рассказываетъ, что одинъ изъ нойоновъ, окончивъ письменные переговоры съ родственниками невесты, отправилъ за нею своего родственника; невеста отправилась съ нимъ къ жениху изъ своего дома на богато убранной верховой лошади, нарочно для того присланной женихомъ. Впереди ея везли растянутую на двухъ шестахъ широкую шелковую матерію, въ видѣ занавѣса, мѣшавшаго невестѣ видѣть лежащую ей дорогу: это изображало какъ-бы безвѣстность ея будущей участи.

Когда поездъ приблизился къ кочевью жениха, то онъ, будучи о томъ предварительно извѣщенъ, выѣхалъ къ ней навстрѣчу, къ мѣсту, у котораго уже былъ разложенъ огонь и разостланы два ковра; на одинъ сѣли женихъ съ невестой, на другой гелюнгъ. Гелюнгъ сталъ читать молитвы, а въ это время прислужники его возливали на огонь масло.

По окончаніи молитвословія, женихъ сѣлъ на лошадь и, въ сопровожденіи своей свиты, отиравился впередъ; за нимъ слѣдовала невеста съ своею свитою въ прежнемъ порядкѣ. Тамъ, гдѣ должна быть разставлена кибитка новобрачныхъ, сначала разложили новый огонь и поставили на него таганъ.

Не дожидая еще до этого мѣста, молодежь изъ свиты жениха зашла скачками («уралданъ» — опереживаніе) отъ невесты до будущей ея кибитки и обратно; платокъ, или другаго рода подарокъ невесты служилъ наградою первому наезднику, совершившему опереживаніе; затѣмъ слѣдовала вторичная скачка и новый призъ отъ невесты, и такъ продолжалось до тѣхъ-поръ, пока весь повозъ не подъѣхалъ къ жениховой ставкѣ.

Когда невеста достигнетъ до костра и поставленнаго на него тагана, она до-тѣхъ-поръ не слезаетъ съ коня и остается за попомомъ, пока все приданное не развѣючится и пока кибитка не будетъ разставлена и прибрана какъ слѣдуетъ. По окончаніи этого, завѣсу отнимаютъ, у невесты принимаютъ коня, и разсѣлавъ его, пускаютъ въ степь, на полную свободу, невесту вводятъ въ кибитку, сѣдо и весь верховый приборъ ея несутъ туда же. Молодежь пускается въ погоню за конемъ, который и достается тому, кто его поймаетъ. Лишеніе невесты коня служитъ выраженіемъ того, что со входомъ въ кибитку мужа, — ей нѣтъ уже оттуда возврата. — Затѣмъ начинаются обычные обряды и пированіе.

У Калмыковъ существуетъ и расторгненіе брака. Надо имѣть сильныя причины къ тому, чтобъ совершить разводъ мужа съ женой или жены съ мужемъ: оба они имѣютъ право этого требовать, съ тою разницею, что въ отношеніи къ мужчине, разводъ есть дѣло совѣсти и собственнаго произвола; требованія же женщины о разводѣ передаются суду родныхъ, и могутъ, по особеннымъ причинамъ, быть уважены въ такомъ только случаѣ, когда у супруговъ нѣтъ дѣтей.

Если жена небездѣтна, но или совершила противъ мужа проступокъ, или оказывается неисправимою въ пренебреженіи обязанностей доброй хозяйки, когда мужъ, въ продолженіе долгаго времени, убѣдится, наконецъ, что сожителство съ такою женою для него совершенно нестерпимо, то приглашаетъ гелюнговъ. Гелюнги своею властію не могутъ остановить развода, но они принимаютъ всѣ мѣры къ примиренію супруговъ; если же убѣжденія ихъ окажутся тщетными — присту-

пають къ исполненію обряда, для котораго призваны. Обряды эти сопровождаются жертвоприношеніемъ и небольшимъ угощеніемъ. Тѣмъ дѣло и кончается; дѣтей, смотря по уговору, или отдаютъ матери, или оставляютъ у отца.

Разведенную жену приличнымъ образомъ провожаютъ въ хотѣнъ ея родителей и возвращаютъ ей рѣшительно все, что принесла она съ собою въ качествѣ приданнаго.

Возвратившаяся отъ мужа къ родителямъ дочь принимаетъ названіе «харижда-врсынъ-кююкюнь» то-есть назадъ-пришедшая дѣвушка; ей предоставляется полное право вступить въ новый бракъ; но онъ совершается во второй разъ безъ соблюденія уже всѣхъ религіозныхъ обрядовъ.

Говорятъ, что въ стародавнія времена жену, проступившуюся передъ мужемъ въ нарушеніи брачныхъ своихъ обязанностей, возли въ хотѣнъ къ отцу-матери на паршивой кобылѣ съ обрзавнымъ хвостомъ. Нынче объ этомъ вовсе неслышно.

XII.

Родины.

Женщина, почувствовавшая, что она готовится сделаться матерью, объявляет о своей радости мужу: съ этой минуты супруги не разделяют ложа вмести.

При исходе беременности супруги, на всякий случай, приглашают къ себѣ бабку и медика-гелюнга: разумеется, эти мѣры предосторожности доступны могутъ быть только зажиточной семьѣ.

Въ минуту, когда настанутъ первые потуги, мужъ уѣзжаетъ въ табунъ, въ гости, или куда случится: во-время родинъ онъ дома не бываетъ.

Если роды очень трудны, то бабка и гелюнгъ призываютъ постороннихъ мужчинъ, соглашающихся подать родильницѣ помощь. Помощь эта состоитъ въ томъ, что когда мучающаяся родима женщина сидитъ на коврѣ, то сострадательные къ ея мѣкамъ люди, сильно обхватываютъ ее сзади вѣскольکو ниже пояса и стягиваютъ ее руками, сколько силъ хватитъ. У Калмыковъ, славящихся атлетическимъ сложеніемъ и тѣлесную силу считающихъ за особенный талантъ, ходитъ повѣрье, что помощь родильницѣ совершенно и навсегда истощаетъ силы мужчины и что Калмыкъ, какой бы онъ силенъ ни былъ, теряетъ эту способность навсегда. Вслѣдствіе такого предразсудка, Калмыки съ чрезвычайнымъ уваженіемъ смотрятъ на людей, вызывающихся помочь женщинѣ при родахъ и почитаютъ ихъ, какъ истинныхъ спасителей человѣческой жизни.

Отнятие пуповины у младенца совершается особо-приготовленнымъ для этого случая и весьма тщательно-наточеннымъ простымъ калмыцкимъ пояснымъ ножомъ; мать бережетъ послѣ этотъ ножъ въ заветномъ своемъ сундукѣ, какъ святыню. Для каждыхъ родовъ готовятъ особый ножикъ.

Ребенка сейчасъ же обмываютъ теплой водой и обертываютъ его, лѣтомъ—въ холстину, а зимой—въ саксакъ (слово, заимствованное съ тюркскаго), то-есть, въ молодую овчину съ вѣжною и длинною вол-

ной Ребенка, для того, чтобъ его можно было осторожно держать на рукахъ, кладутъ на лубокъ и, во ожиданіи появленія матерняго молока, даютъ ему полусваренный бараній курдюкъ, обточенный въ такомъ видѣ, чтобъ ребенку легко было его сосать.

Между-тѣмъ посылаютъ нарочнаго въ хурулъ и приглашаютъ гелюнга-зурхачи. По пріѣздѣ зурхачи, ему объявляютъ о времени появленія ребенка на свѣтъ. Зурхачи, получивъ такое свѣдѣніе, открываетъ книгу «Зурханъ-Нүмъ» или «Зурханъ-Нонъ» (это собственно астрологическая книга), и сообразивъ всѣ подробности, назначаетъ цвѣтъ матеріи изъ которой долженъ быть сшить, «бу», тельникъ, и объявляетъ какого именно «шутѣна» изображеніе должно быть въ тельникъ вложено. Изображеніе шутѣна зашиваютъ въ маленькій опредѣленный заранее цвѣта шелковый мѣшочекъ, испещренный избранными словами молитвы, и тельникъ этотъ, послѣ принесенія жертвы бурхану-бакши, надѣваютъ на ребенка на одинъ только день, предначиненный гелюнгомъ-зурхачи. Послѣ, тельникъ подвязывается къ зыбкѣ, въ которую современемъ переложатъ ребенка съ прежняго лубка; а когда ребенку минетъ года два-три, тельникъ этотъ надѣваютъ ему на спурочки или на шею, или черезъ плечо, и уже навсегда; съ тельникомъ Калмыкъ не разстается во всю жизнь.

Когда пуповина отпадетъ, а у матери появится первое молоко, она является къ мужу и подноситъ ему, изъ своихъ рукъ, чашку арзы: обычай этотъ называется «юсунъ-арза»; первое молоко, «уурүкъ», сначала обыкновенно пьскольно сгустившееся, мать тутъ же даетъ ребенку.

Ребенкомъ, какъ замѣчаютъ Калмыки, съ жадностію принимаетъ эту питательную пищу, и эта примѣта послужила къ тому, что известная брань, въ которой говорится объ материномъ молокѣ, считается у Калмыковъ самымъ обиднымъ ругательствомъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ известныя Калмыкамъ поносительныя брани считаются ни во что. Надо быть въ большихъ сердцахъ и видѣть въ непріятель кровнаго врага, чтобъ рѣшиться сказать ему: «уурүктанъ-элѣ-цадыксынъ ельмыръ», то-есть «ты жаденъ: не насытился даже грудью матери».

Имена даются иногда двойныя: одно священное имя, бакшой, другое, собственно прозвище—роднымъ отцомъ, особенно если онъ долгими опытами убѣдится, что дѣти его неживущи и что даже «мани»

не помогаетъ. Вторыя имена даются вельдствие предразсудка, или по первому встрячному, напримеръ «Яшка», «Купцѣ», «Майоръ», «Приставъ», или по мѣстности, гдѣ послѣдовало разрѣшеніе отъ бремени, напримеръ: «Ордынкъ», «Ясынъ», «Затонъ» и тому подобныя. Русскіе зовутъ Калмыковъ и по отчеству, но и здѣсь они, какъ и въ чествованіи мухаммеданъ, руководствуются одною фантазійей. Такъ, напримеръ, особу, которой имя Гайниль-Джамаль, зовутъ — Марья Васильевна, Мухибъ-Зямаль звали Варварой Петровной, Бѣкишъ прозывали Катериной, въ Астраханскомъ краѣ моего знакомаго именovali Затонъ-Антоновичемъ.

Когда изъ хурула получится письменное извѣстіе о нарѣченіи имени, то родильница несетъ своего ребенка въ большую кибитку, къ мужнинымъ отцу и матери. Это первый ея выходъ къ старшимъ роднымъ. Она должна принести съ собою три домбо калмыцкаго чаю, три тавыка (блюда) боорцукъ, то-есть хлѣбнаго-пряженаго, нѣсколько бортого арзы и цѣлаго барана, свареннаго совсѣмъ, съ головою, съ ногами и съ внутренностями. Прежде чѣмъ она подойдетъ къ кибиткѣ, прислуга должна уже разставить въ рядъ эти приношенія передъ большимъ-бараномъ.

Родильница, держа ребенка въ зыбкѣ, «юлгѣ», въ которую ребенка положили теперь въ первый разъ, останавливается передъ раскрытыми дверьми большой-кибитки: до-тѣхъ-поръ, пока старшіе не разрѣшатъ ей войти, она не двигается съ мѣста и не смѣетъ переступить порога. Наконецъ она входитъ.

Передъ большимъ-бараномъ, между жертвенной чашечкой, «део-джинъ-цѣнцѣ», и рядомъ принесенныхъ подарковъ, мать прислоняетъ зыбку къ шесту, на которомъ поставлена жертвенная чашечка и, установивъ зыбку въ отвѣсномъ положеніи, кладетъ передъ бурханами три земные поклона. Мать, или отецъ, родильница на мужа, тоже подходитъ къ этому мѣсту, и положивъ три земные поклона, наклоняется къ зыбкѣ и громко говоритъ ребенку: «по Божьей милости, съ этого дня ты именуешься такъ-то»; это воззваніе повторяется три раза сряду.

Потомъ старшій молящійся вынимаетъ изъ варенаго барана сердце, отрѣзываетъ отъ него первый кусокъ и возлагаетъ его на жертвенникъ, а кладетъ прямо въ ротъ ребенку, какъ грустное привѣтствіе до сей минуты еще невинному младенцу. Остальная часть

бараньего сердца отавится на жертвенникъ. Религія запрещаетъ Калмыку убивать все живущее жизнью, запрещаетъ губить душу; но тамъ-какъ баранъ зарезанъ исключительно для ребенка, то положеніемъ ему на уста перваго куска мяса для него убитаго животнаго и провозглашается первое невольное преступленіе младенца на землѣ: съ этой минуты новорожденный дѣлается грѣшнымъ человекомъ. Таково объясненіе самихъ Калмыковъ.

Послѣ этого обряда, родильница беретъ зыбку, переходитъ на женскую половину, къ малому-барану той же кибитки, и садится возлѣ матери. Родители ее поздравляютъ, даютъ деньги «на зубокъ» и дѣлаютъ различные подарки.

День, въ который ребенку даются имена, извѣстенъ родителямъ заранее; въ этотъ день торжествуютъ самый день рожденія, совершаютъ, въ присутствіи гелюнговъ, моленія, приносятъ жертвы, собираютъ къ себѣ родственниковъ и знакомыхъ, дѣлаютъ игрища и рѣжутъ, на угощеніе созванныхъ для пира гостей, обыкновенно трехъ барановъ и кобылицу. Все это варится въ большой кибиткѣ, то-есть у отца или у дяди молодыхъ родителей. Кромѣ арзы, покупаютъ еще ведра три русскаго вина. День этотъ называется «мелягудынъ-хюрюмъ». Если гости къ этому дню не съѣдутся, то пиръ откладывается, но все кушанья и угощеніе приготавливаются непременно въ назначенный для нарѣченія имени день.

Пиршество бываетъ болѣе или менѣе великолѣпно: семья старается не щадить ничего для такого праздника. У богатыхъ людей дѣлается угощеніе на весь міръ, учреждаются скачки, назначаются призы; все веселятся и пьютъ, пока есть что пить.

Если родильница принесетъ двойни, то первый явившійся на свѣтъ ребенокъ считается младшимъ, старшимъ же почитается второй ребенокъ.

Это правило не можетъ служить доказательствомъ, что Калмыки сознательно понимаютъ физиологическіе законы. Они объясняютъ дѣло по-своему, такимъ образомъ:

Въ кибиткѣ сидятъ двое, два брата, отецъ съ сыномъ, дядя съ племянникомъ, или старикъ съ молодымъ—все равно, только одинъ старшій, другой младшій. Обоимъ имъ нужно выйти изъ кибитки и ѣхать въ табунъ, заняться своимъ дѣломъ. Кто первый, по обычаю, выходитъ? Младшій: онъ долженъ раскрыть дверцы кибитки, перей-

ти черезъ порогъ, взять коня подъ устцы и подвести его къ инбиткѣ. Если коня венужно, все-таки младшій долженъ прежде выйти вонъ и выждать у порога старшаго. Такъ точно и здѣсь, при двойняхъ: кто вышелъ на свѣтъ Божій первымъ — тотъ и младшій ¹.

¹ Ср. у Палласа Ueber die mongolischen Völkerschaften, Th. I. S. 164 и Th. II. S. 242.

Уходъ за дѣтьми и ихъ воспитаніе.

Въ тотъ самый день, когда ребенку даютъ въ первый разъ груди, и онъ перестаетъ сосать курдючное сало, его изъ лубка, въ которомъ его первое время нянчили, перелагаютъ въ зыбку, «юлгѣ».

Лубокъ лѣтомъ обвертывается сафьяномъ, или простой кожей, зимой — овчиной или кошмой. Кормилицы, по здоровому сложенію калмыцкихъ жепщицъ, весьма рѣдко бываютъ; но если недостатокъ молока припудитъ мать прибѣгнуть къ посторонней помощи, то взятая ею кормилица считается уже родней.

Люльки у Калмыковъ не бываетъ, у нихъ только зыбка.

Зыбка калмыцкая весьма замѣчательна. Она невысока и неширока; дѣлается она изъ двухъ деревянныхъ рамокъ, скрѣпленныхъ между собою деревянными распорками, и съ выходящими концами въ нижнемъ основаніи, у ногъ: этими-то концами зыбка и упирается въ полъ, когда ее прислоняютъ къ стѣнкѣ. Рамки обтягиваются какой-нибудь матеріей, обыкновенно синей нанкой.

Въ дощечкѣ, вставленной въ ноги, дѣлаютъ круглое отверстіе и въ него вставляютъ деревянный приборъ, по наружному виду имѣющій нѣкоторое сходство съ туфлей безъ задковъ. Снарядъ этотъ называется «цорго».

«Цорго» состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: нижней дощечки, съ жолобками по краямъ, называемой «тавыкъ», и верхней, выпуклой, внутри пустой, деревянной коробки, съ одного конца раструбомъ, а съ другого суживающейся, и называющейся «цорго», въ тѣсномъ смыслѣ. Это последнее цорго вставляется въ тавыкъ и вмѣстѣ съ нижнею его половиною составляетъ неправильную трубку: родъ выдолбленнаго внутри, деревяннаго колодочнаго носка. Оставшаяся свободною верхняя часть тавыка представляетъ гладенькій четыре-угольникъ. Въ этомъ видѣ все цорго и вставляется въ зыбку, поверхъ маленькаго тюфяка, такимъ-образомъ, что болѣе широкая часть остается внутри зыбки, а узкій конецъ коробки, черезъ отверстіе въ ногахъ зыбки, выходитъ немного наружу.

На четыре-угольную дощечку тавыка накидываютъ конскихъ волосъ, изъ мягкихъ гривокъ молодыхъ жеребятъ. Ребенка, безъ

всякой одежды, кладутъ въ зыбку такимъ-образомъ, чтобъ онъ, опираясь головкой въ миниатюрную подушку, лежалъ на тюфячкѣ только спинкой, и сейчасъ же подъ нимъ начинается дощечка съ конскими волосами, а затѣмъ и жолобъ коробки. Такимъ-образомъ зыбка всегда чиста, гривки подкладываютъ новенькія и ребенка не безпокоить ничего, ни даже сырость, которая, сквозь трубу коробки, вса стекаетъ прочь.

Коробка эта приходится совершенно между ногъ ребенка: онъ обнимаютъ цорго, почти скрещаются на немъ и, отъ неправильнаго положенія, постоянного прижатія къ широкой сторонѣ дерева и крѣпкаго пеленанія, постоянно все болѣе и болѣе выгибаются. Вотъ причина, почему Калмыки всегда кривоноги и почему они такъ крѣпко сидятъ въ сѣдлѣ, совершенно безсознательно держась въ немъ голеними. Когда Калмыкъ пьянъ, такъ-что ничего не помнитъ, ноги его, по естественному побужденію, вслѣдствіе привычки, укорененной съ первыхъ минутъ жизни, сами невольно стискиваютъ бедра лошади; всадникъ нисколько не тратитъ на это силъ, не напрягаетъ мускуловъ.

Въ головахъ зыбки придѣлывается небольшой зонтикъ; ободъ его, то есть полуобручъ, приходится прямо надъ лицомъ ребенка. Съ внутренней стороны къ обручу привѣшены: тѣльничъ, который на младенца только однажды надѣвали и, въ видѣ игрушки, раковинки, тоненькія бараньи косточки и лоскутокъ мѣху. Цѣль этихъ привѣсокъ та, чтобъ забавлять ребенка и изощрять его зрѣніе.

Зыбка виситъ обыкновенно на унѣнахъ, въ изголовьи супружескаго ложа, близъ большаго-барана, и, на привѣскѣ, качается изъ стороны въ сторону. Мать беретъ зыбку на колѣни и укачиваетъ въ ней ребенка, на рукахъ. Во-время перекочевки, зыбку, въ корзинѣ, вѣшаютъ на верблюда, отличающагося неравномѣрностью движеній; отъ этихъ движеній дѣтскія игрушки болтаются во все стороны; ребенокъ слѣдитъ за ними, зорко на нихъ смотритъ и, дѣйствительно, изощряетъ зрѣніе, но вмѣстѣ съ мѣткостью взора, онъ приобретаетъ и косоватость и узковатость глазъ. Само-собою разумѣется, что сильная, неиспорченная натура степнаго Калмыка, въ самомъ зародышѣ ребенка наложить уже на него печать своей собственной личности, во всѣхъ оттенкахъ чисто-калмыцкаго типа, но, кажется,

не может подлежать сомнѣнію и то, что косоватость глазъ и кривизна ногъ у Калмыка находятся въ зависимости и отъ тѣхъ причинъ, на которыя здѣсь указано.

Съ праваго боку зыбки придѣлываются холстинныя петли, а съ лѣваго — холстинныя тесьмы; ихъ бываетъ по три со стороны: этими тесьмами и пеленаютъ ребенка, или вѣрнѣе сказать, укрѣпляютъ его положеніе, завязываютъ его въ зыбкѣ, у груди, у живота и у ногъ.

Кромѣ одыяльца, которымъ укрываютъ ребенка въ зыбкѣ, къ зонтику ея пришивается, у обруча, кусокъ бумажной матеріи: онъ служитъ занавѣской, когда дитя спитъ.

Возлѣ этой занавѣски пришивается длинный ремешокъ, онурокъ, или шелковая лента; на нихъ отмѣчаются, посредствомъ узелковъ, недѣли, прожитыя ребенкомъ въ зыбкѣ.

Ребенка отнимаютъ отъ груди когда ему минетъ годъ; тогда же снимаютъ и зыбку и берегутъ ее для другаго ребенка, но не порожнею, а непременно или съ простымъ калмыцкимъ ножомъ, или съ книжаломъ, будетъ ли дитя мальчикъ или дѣвочка — все-равно.

Ребенокъ растетъ, питается грубой отцовской пищей, дышетъ постоянно чистымъ воздухомъ, по-временамъ знакомится съ непогодой и съ холодомъ, въ-тепло бѣгаетъ нагиномъ, въ стужу забивается въ овчины и войлоки, приучается помаленьку къ линеніямъ, усваиваетъ себѣ по-немногу обычаи и всѣ элементы калмыцкой жизни, и лѣтъ до восьми съ нимъ ничего не случается такого, что бы нужно намъ было отмѣтить, какъ особенность.

Когда ребенку, мальчику или дѣвочкѣ, минетъ лѣтъ пять, ему начинаютъ подстригать волосы, не трогая однакожь вовсе висковъ: здѣсь они не обрѣзываются до юношескаго возраста, и называются у Калмыковъ «первородными».

Лѣтъ восьми ребенка отдають знакомому гелюнгъу на-выучку, преимущественно калмыцкой грамотѣ, читать и писать. Прежде грамотъ учились только тѣ дѣти, которыхъ съ юныхъ лѣтъ предназначали въ гелюнгъ; но нынче отцы, желающіе сдѣлать дѣтей мірянами, тоже признають грамотность необходимою. Это нововведеніе у нашихъ степняковъ представляетъ явленіе тѣмъ болѣе отрадное, что у нихъ изстари ведется поговорка, показывающая калмыцкую точку зрѣнія на этотъ предметъ. Поговорка эта гласитъ, что «какъ-только

появился на свѣтъ чорный чертежъ, то у всѣхъ людей души почернѣли».

Простой Калмыкъ ведетъ сына къ гелюнгъ и несетъ вмѣстѣ съ тѣмъ домбó чаю, куртъ, масло, чигенъ (кумызъ), арьянъ, боорцукъ и рубля три серебромъ денегъ, если въ-силахъ. Гелюнгъ держитъ мальчика года два-три, ходитъ за нимъ, поитъ его и кормитъ, учитъ грамотъ и оспопрививанію, которымъ всѣ гелюнги занимаются съ рѣдкимъ усердіемъ. По-временамъ онъ заставляетъ ребенка прислужить въ кибиткѣ, упастъ барановъ, пзловить коня, объездить нѣука, то есть небывалую подъ сѣдломъ лошадь, и такимъ-образомъ готовить семью грамотнаго и смышленаго работника. Отецъ, только одинъ разъ сдѣлавъ гелюнгъ приношеніе, заботится остальное время о томъ, чтобъ ребенокъ былъ одѣтъ какъ слѣдуетъ; внести денежную плату онъ ужъ необязанъ и только по возвращеніи сына въ хотѣнъ, снова благодаритъ учителя, сколько позволяетъ достатокъ.

У простыхъ Калмыковъ дѣвочки грамотъ не учатся: это и у богатей лишняя роскошь. Только у нойоновъ можно встрѣтить барышень, прекрасно знающихъ калмыцкую и русскую грамоту, понимающихъ музыку, то есть бренчащихъ на гитаръ, но вовсе неприученныхъ къ красотамъ и очарованію французскихъ романовъ. Въ этомъ послѣднемъ надо отдать преимущество только вашимъ соотечественницамъ: онѣ далеко опередили Калмычекъ. Въ то время, когда калмыцкая дѣвица бѣется только изъ того, чтобъ быть хорошею хозяйкой, богомольною женщиной и мастерской руководящей — европейская барышня откидываетъ прочь эти ничтожныя заботы и ищетъ отрады въ особенныхъ утѣхахъ, существующихъ въ цивилизованныхъ обществахъ. Отъ такого различія, дочь калмыцкаго нойона совершенная дикарка въ сравненіи съ столичною мѣщанкой, она ни стать, ни сѣсть, ни привѣтливо пококетничать съ мужчинами не съумѣетъ. Но это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ Калмычки вовсе не знали кокетства: женщина вездѣ женщина, только манера нравиться, прельщать и любить у нихъ своя собственная, калмыцкая.

Сыновья богатыхъ людей у Калмыковъ получаютъ образованіе, сообразное состоянію и обертости отцовъ между оевропеившимися Русскими. Для одного класса Калмыковъ есть «калмыцкое училище» въ Астрахани, для другихъ — гимназій; есть Калмыки, бывавшіе даже въ университетъ. А что монгольскій черепъ недурно устроенъ для

воспринятія таинствъ европейской науки — этому блестящимъ примѣромъ и живымъ доказательствомъ служить извѣстный своею обширною ученостію Бурятъ, Дорджи Банзаровъ.

Мы здѣсь говоримъ только про европейскую науку: у Калмыковъ есть своя наука, хотя и устарѣлая и остановившаяся въ дальнѣйшемъ развитіи, но все же наука, какъ напримѣръ медицина, астрономія, перемѣшанная съ астрологіей, и богословіе. Представителей, тружениковъ этихъ отраслей знанія можно насчитать довольно, между достопочтенными калмыцкими гелюнами.

Простой калмыченокъ, учась грамотъ, знаетъ только калмыцкую книжку и калмыцкую чернильницу: и то и другое устроено совершенно не по нашему.

Калмыцкая чернильница, «бирь», есть продолговатый ящикъ, имѣющій форму усѣченного равнобедреннаго треугольника, со всѣхъ сторонъ закругленнаго. Крышка его накладывается отдельно и укрепляется на ящикъ мѣднымъ кольцомъ. Внутри ящика выдабливаются съ верхняго конца двѣ ямки для неразведенной туши, служащей вмѣсто чернилъ; въ серединѣ ящика дѣлаютъ четыре-угольное помѣщеніе для кости, на которой растираютъ тушь, и для храненія кисти, а съ боковъ выдабливаютъ два или больше продольные желобка для камышевыхъ перьевъ. Пишутъ и лебедиными перьями, но рѣдко. Кисть бываетъ толстая; она вбираетъ въ себя большое количество разведенной туши; ее держатъ въ лѣвой рукѣ; она собственно служить для Калмыка чернильницей, а камышное перо держать двумя пальцами правой руки. Калмыки пишутъ держа бумагу на козляхъ.

Старинный форматъ бумаги, на которой писались прежде книги, есть четыре-угольникъ, котораго высота разъ въ пять меньше длины. Манера калмыцкаго писанья отличается отъ китайской манеры тѣмъ, что Китайцы пишутъ сверху внизъ, начиная съ правой стороны листа, а Калмыки пишутъ тоже сверху внизъ, но начинаютъ отъ лѣвой стороны къ правой. У Китайцевъ нѣтъ буквъ, а есть знаки, изображенія понятій; у Калмыковъ существуетъ азбука; калмыцкое письмо имѣетъ большое сходство съ письмомъ стенографическимъ.

Старинная калмыцкая книга собирается такимъ-образомъ, что листы не складываются на части и не сшиваются вмѣстѣ, а налагаются

одинъ на другой просто, по цифрамъ страницъ. Переплетомъ служатъ двѣ тоненькія дощечки, образованныя по формѣ листа; онѣ налагаются на собраніе листовъ съ двухъ ихъ сторонъ, именно съ тѣхъ же, съ которыхъ и у насъ налагается на книгу переплетъ. Въ такомъ видѣ калмыцкая книга обвязывается вдоль и поперекъ тесьмами и, въ-заключеніе, для сбереженія отъ пыли, покрывается шелковою матеріей.

Когда мальчику минетъ лѣтъ десять, ему начинаютъ подбривать волосы кругомъ головы и выбриваютъ часть лба. Съ этого времени ребенокъ начинаетъ уже грезить о табунѣ и употребляетъ все хитрости, чтобъ кстати или некстати залзть верхомъ на лошада. Бараны начинаютъ ему наскучать и все самолюбіе его вертится около одного предмета — подрости скорѣй и сдѣлаться табунщикомъ, «адучъ». Онъ начинаетъ помогать отцу въ его занятіяхъ, подчищаетъ съ нимъ колоды, поитъ скотъ, сгребаетъ сѣно лѣтомъ и синветъ отъ холода, пересчитывая зимой барановъ. Но все его огорченія, ограничиваемыя одними физическими страданіями, забываются быстро, лишь бы позволили ему надѣть шапку-хошоутку, схватить винтовку и выстрѣлить въ цѣль, да велѣли бы, безъ сѣдла, безъ узда, укротить буйнаго пѣука. После этихъ заманчивыхъ плановъ, у мальчишки одно на умѣ — съѣсть лишній кусокъ «махана», выпить лишнюю чашку арьяна, поиграть въ альячки съ товарищами, да запрятать пальцы подалѣе въ коротенькіе рукава овчиннаго тулупа. Но грудь у него, и на морозъ и на вѣтру, постоянно остается открытою.

Участь дѣвочки безотраднѣе. Едва прикрытая овчинами зимой и лишенная всякаго рубища лѣтомъ, она, то подъ порывистыми буранами, то подъ жгучими лучами лѣтняго степнаго солнышка, сначала рзвится и бѣгаетъ, загоня въ хотѣнъ барановъ; но послѣ, подростая, все по-маленьку начинаетъ пріучаться къ трудамъ домашняго хозяйства. Она помогаетъ матери доить овецъ и кобылъ, нося взадъ и впередъ кожаныя кринки съ молокомъ, подбираетъ вѣшнюю шерсть съ барановъ, надъ стриждкою которыхъ трудятся родители, вмѣстѣ съ матерью приготовляетъ ковриги кизяка, разводитъ ими огонь, моетъ котлы, ухаживаетъ за братьями и за сестрами, которые еще меньше ея, носитъ за матерью повергаемые въ жертву хуруламъ припасы, убираетъ въ кибиткѣ соръ, собираетъ по степи корни, коситъ сѣно, участвуетъ въ стряпиз и, въ свободныя промежутки времени, зави-

нается нитьемъ, плетениемъ тесемокъ и позументовъ и учится вышиванью шолкомъ или золотомъ

Когда дѣвочкѣ исполнится лѣтъ тринадцать или четырнадцать, а мальчику лѣтъ пятнадцать, родители шлютъ гонцовъ за ближайшими родственниками и приглашаютъ къ себѣ гелѣнговъ. Совершивъ краткое молитвословіе передъ бурханами, вводятъ сына или дочь въ кибитку старшихъ родственниковъ съ матерней стороны и подвергаютъ тамъ обряду отсѣченія висковъ : такъ называемые первородные волосы, которыхъ никогда еще не касались ножницы, обрѣзываются и, вслѣдствіе этого, дѣвочка становится дѣвицей, мальчикъ юношей.

Она ту же и ту же стягиваетъ свой корсетикъ, рядится въ бешметъ, по временамъ кокетничаетъ въ хошоуткѣ, разставляетъ свой орундукъ между большимъ-бараномъ и отцовскимъ ложемъ и заманиваетъ въ свои сѣти молодежь. На нее теперь обращено всеобщее вниманіе : она теперь невѣста.

Мальчикъ, такъ быстро ставшій въ ряды молодежи, бросаетъ хворостину, съ которою онъ воевалъ противъ барановъ. Онъ съ гордостью хватается въ руку ногойку, закидываетъ за плечи винтовку, заламываетъ шапку набекрень, садится на коня и съ визгомъ кружить по степи, или загоняя табунъ, или накидывая арканъ на нѣука, брыкливо ускользающаго отъ накидываемой на него петли. Винтовка и укрюкъ, храбрость и ловкость — вотъ девизы лихаго наездника ; онъ бросается всюду, гдѣ нужна отвага, сила и проворство ; онъ составляетъ себѣ имя и старается доказать, что не даромъ носить почетное титуло табунщика.

Пристроить дочь и женить сына — большая забота для родителей. Но проходятъ годы — и дочь и сынъ сами уже дѣтей имѣютъ.

XIV.

Похороны.

Калмыкъ, чувствуя приближеніе смерти, посылаетъ за гелюнгомъ и созываетъ всю семью. Онъ молится бурханамъ, приноситъ имъ жертвы, напоминаетъ всѣ свои дурные поступки, даетъ наставленія жене и дѣтямъ; чувствуя, что наступаютъ послѣднія минуты жизни, отецъ семейства благословляетъ дѣтей тѣльниками съ изображеніями шутѣновъ¹ и передаетъ имъ послѣдніе свои поцалуи.

Лишь-только старикъ испуститъ послѣднее дыханіе, всѣ его родные оставляютъ его кибитку и переходятъ въ другую.

При трупѣ остаются одни гелюнги; они обмываютъ его водой, тотчасъ послѣ того обвертываютъ полотномъ и кладутъ или на коверъ у постели, или прямо на постель и покрываютъ бѣлымъ покрываломъ.

Въ такомъ положеніи тѣло лежитъ двое сутокъ. На третій день въ кибитку входятъ, въ первый разъ, всѣ родственники. Они кладутъ передъ покойникомъ по три земные поклона; затѣмъ родные дѣти и внуки по прямой линіи подходятъ къ трупу и касаются лбомъ до ногъ тѣла.

Если покойникъ былъ младшій родственникъ, жена, сестра или не родная мать, тогда этой торжественности при прощаньи не наблюдается.

Похороны бываютъ не для всѣхъ однѣ и тѣ же, и земныя стихіи не всякое тѣло поглощаютъ одинаково.

Нойоновъ мужескаго пола, старшихъ гелюнговъ и простыхъ Калмыковъ, чествуемыхъ въ народѣ прозваніемъ «задычъ», то-есть признаваемыхъ за людей, обладающихъ непостижимой силой возрождать или уничтожать дождь, громъ и молнію — у Калмыковъ сжигаютъ.

Сожиганіе происходитъ на четвертый день послѣ смерти; но время

¹ Готовясь къ смерти, а также и въ цвѣтѣ жизни разставаясь иногда съ дѣтьми, отецъ благословляетъ ихъ иногда маленькими литыми бурханами, которые носятъ тоже на груди, кромѣ немногихъ исключеній.

или пору дня, въ которую обрядъ долженъ быть совершенъ, предварительно назначаетъ зурхачи.

Покойника одѣваютъ въ полную его одежду, но безъ оружія, даютъ ему положеніе чловѣка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами и въ этомъ видѣ ставятъ его на широкій холстъ, или на коверъ.

Передъ тѣмъ какъ тѣло нужно будетъ выносить, къ кибиткѣ подводятъ любимаго покойникова коня, осѣдланнаго почти совсѣмъ, но безъ подушки и безъ чапрака. Конюхъ покойнаго держитъ лѣвой рукой коня подъ устцы, а правой — завѣтную ногойку умершаго.

Покойника выносятъ четыре чловѣка на рукахъ, на холстъ, или на коверъ; потомъ ногойку вносятъ въ кибитку, а коня ведутъ за трупомъ; отцовская ногойка достается всегда старшему сыну.

Тѣло сопровождаютъ всѣ родственники и близкіе люди; молодыхъ духовныхъ на похороны не приглашаютъ; тутъ бываютъ только пожилые гелюнги, а у богатыхъ людей и самъ бакши.

Не доходя до мѣста, гдѣ должно совершиться сожженіе, конюхъ останавливается, и выждавъ окончаніе церемоній, ведетъ коня въ хурулъ, какъ жертву бурхану. У Калмыковъ есть повѣрье, что на этомъ конѣ покойникъ будетъ ѣздить на томъ свѣтѣ.

На определенномъ мѣстѣ выкапываютъ пять ямъ, одну посрединѣ, а четыре около нея, и во всѣ накладываютъ дровъ, въ среднюю поменьше, а въ остальные большіе костры. Въ среднюю яму ставятъ, на дрова, большой котелъ: въ этомъ-то котелѣ и сажаютъ покойника.

Гелюнги начинаютъ погребальное пѣніе, безъ всякихъ инструментовъ; костры зажигаютъ; котелъ раскаляется дѣ-красна; кожа на трупѣ трескается и онъ весь расплывается; постороннія частицы испаряются и улетучиваются, и въ то время, когда черный дымъ перестанетъ клубиться, когда погаснутъ и истлѣютъ послѣднія головни, когда котелъ охладится — въ немъ не останется уже ничего, кромѣ горсти пепла.

Пепелъ такъ въ котлѣ и остается; надъ нимъ воздвигается памятникъ, называемый «цацѣ» или «бумбѣ». — Случается, что покойниковъ сожигаютъ безъ котла, прямо на дровахъ; въ такомъ случаѣ пепелъ сметается въ одну кучку, не въ сосудъ, а просто на песокъ, на землю, на которой поставятъ цацѣ.

Калмыцкіе памятники строятся такимъ-образомъ:

Къ востоку отъ котла съ пепломъ ставятъ столикъ съ бурханами и съ жертвенными куреніями и все это обводятъ круглой кирпичавой стѣной. Потолокъ дѣлается внутри сводомъ, а снаружи — разными выступами, съ украшеніями въ китайскомъ родѣ. Вершина цацы вѣнчается очиромъ. Съ восточной стороны зданія дѣлается проходъ и на него навѣшиваютъ двери, запираемые замкомъ.

Религіозные обряды плача продолжаются трои сутки. Когда цаца выстроится, то въ ней совершаются молитвословія и принесеніе жертвъ. Поминки по умершемъ дѣлаются разъ въ недѣлю, во все время траура, продолжающагося семь недѣль.

Близкіе къ покойнику родные, втеченіе этихъ сорока-девяти дней, должны отказывать себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, безирестанно молиться Богу, никому изъ постороннихъ не показываться, не принимать къ себѣ гостей, все это время не вѣсть мяса, а питаться одними молочными блюдами и беречься, чтобъ какъ-нибудь не убить даже мухи или комара : этотъ грѣхъ можетъ лечь на душу покойника. Въ пятидесятый день совершается седьмое и послѣднее моленіе по усопшемъ, и дни плача прекращаются.

Одинъ разъ въ году, въ день памяти покойнику, все родственники собираются въ цацу ; хуруль со всеми гелюнгами располагается подъ большой палаткой ; передъ бурханами зажигаются куренія, внутренность цацы украшается шелковыми «лаврѣ», пологамъ.

Послѣ моленій, одаренные разными подарками гелюнги увѣзжаютъ ; все прочіе остаются ; совершается тризна, состоящая изъ пиршества и скачки.

Женщинъ, родственницъ нойона, зайсанговъ, простыхъ Калмыковъ и младшихъ гелюнговъ, гецюлей, манжйковъ хоронятъ гораздо проще. Для нихъ выкапываютъ яму, и тѣло покойника, обвернутое полотномъ, зарываютъ въ ней. Но и здѣсь дѣло безъ зурхачи обойтись не можетъ : онъ, смотря въ книгу, опредѣляетъ : гдѣ быть головамъ ? на востокъ, на западъ, на сѣверъ, или на югъ ?

Все что касается до чествованія праха покойнаго—все это совершается и у простыхъ степняковъ, у бѣдныхъ людей точно также, какъ и у богатыхъ : не бываетъ только сожженія и построенія цацы

Что касается до Калмыковъ отставшихъ, въ патріархальности и въ строгости соблюденія обычаевъ старины отъ степняковъ, то несо-

всѣмъ еще отрывавшихся отъ всего, съ чѣмъ сроднилась калмыцкая душа, то у нихъ мы встречаемъ смѣсь вѣры съ безвѣріемъ, смѣсь привязанности съ отвращеніемъ, смѣсь любви къ старинѣ съ ненавистью къ ней. У людей этого разряда трудно подмѣтить что-нибудь общее, какую-нибудь рѣзкую черту, придающую цѣлому характеръ особенности. У нихъ покойниковъ хоронятъ и по старинѣ, а случается, что и просто кидаютъ по степи, безъ молитвы: и гелюнга звать дорого стоить, и могилу копать времени нѣтъ ²!

² Халласъ, «Ueber die mongolischen Völkerschaften» Th. II, pag. 249 и 210.

XV.

КАЛМЫЦКОЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

Общее мнѣніе о Калмыкахъ, равно какъ и о всѣхъ кочевыхъ народахъ, то, что Калмыкъ лѣнивъ, недѣятеленъ и время проводитъ въ постоянной праздности и что вся его забота состоитъ въ томъ, чтобъ порыскать по степи, попасть свой скотъ и воротиться домой на все готовое, попить, поѣсть и поспать.

Все это дѣйствительно такъ бываетъ; но несмотря на то, что здѣсь много въ словахъ правды условной, общая идея ложна, потому-что она не даетъ вѣрнаго понятія о сущности дѣла; въ основаніи ея лежитъ мысль, или недосказанная по незнанію, или скрытая преднамѣренно.

Все зависитъ отъ того, какъ мы согласимся понимать слово трудъ и въ чемъ мы должны находить лѣнь и беззаботность. При тѣхъ понятіяхъ, которыя намъ присущи, вслѣдствіе нами принятыхъ обычаевъ, уходъ за табуномъ и рысканіе по степи, естественно, должны казаться самымъ ничтожнымъ, самымъ пустымъ, даже низкимъ занятіемъ, не требующимъ особенныхъ усилій умственной дѣятельности и незаслуживающимъ названія труда, какъ и всякій трудъ, почтеннаго.

Точно такъ же и для Калмыка, при его точкѣ воззрѣнія на предметы, обусловливающіе его образъ жизни, нашъ образъ жизни кажется болѣе чѣмъ страннымъ.

Самое тяжелое для Калмыковъ время, по огромности заботъ, лишеній и трудовъ — зима и лѣто для мужчины и круглый годъ для женщины.

При наступленіи весны, какъ-только появится первая травка на степи, Калмыки, отпраздновавъ торжество цаганъ-сарá, «благаго», перваго мѣсяца года, начинаютъ собираться на лѣтнюю перекочевку,

которая у Хошоутовъ находится, какъ намъ уже известно, на луговой, заволжской степи.

Въ это время, каждый женатый Калмыкъ, гдѣ бы онъ ни находился, хотя бы на самыхъ дальнихъ урочищахъ зимняго кочевья, является въ главную ставку своего владѣльца и дѣлаетъ ему первый привѣтъ, «дееджъ», первое весеннее приношеніе. Калмыкъ объявляетъ нойфону, что зиму окончилъ онъ благополучно и, въ ознаменованіе радости наступленія весны, повергаетъ передъ нимъ первые весеннія произведенія, полученные отъ скотоводства, первое молоко, перегнанное въ арзѹ, и цѣликомъ-сваренаго барана; вино приносить онъ въ борбѣ, а барана въ особомъ корытѣ, «тепшѣ». Владѣлецъ тутъ же вынимаетъ кость «шага-чимгенъ» и возлагаетъ ее передъ бурханами, а всю грудину отъ барана, «епцѣнъ», непременно отдаетъ своему «мѣрчѣ», первому, главному конюху.

Перекочевка съ зимней улусной земли на лѣтнюю, то есть съ нагорной стороны Волги на луговую, представляетъ чрезвычайно любопытное зрѣлище. Она начинается въ то время, когда вода въ Волгѣ пойдетъ на прибыль. Иные Калмыки готовятъ для этого собственные дощаники, а у кого ихъ нѣтъ, тѣ нанимаютъ ихъ у казаковъ и у крестьянъ береговыхъ селеній. На дощаники вводятъ верблюдовъ, коровъ, овецъ и маленькихъ жеребятъ и переправляютъ на противоположный берегъ; что же касается до конныхъ табунѣвъ, то ихъ косяки, вмѣстѣ съ подростшими уже жеребятами, двухгодовалыми и третьяками, пускаютъ черезъ рѣку вплавь. Способа рѣчной переправы на плотахъ, сдѣланныхъ изъ связокъ камыша и прикрѣпленныхъ къ надутымъ воздухомъ цѣльнымъ инкурамъ овечьимъ или коровьимъ, у Хошоутовъ не бываетъ. Дѣти и жены перебираются по рѣкѣ на дощаникахъ или на лодкахъ, которыя перетаскиваютъ послѣ изъ одной рѣки въ другую — волокомъ, по «гривкамъ», незалитымъ водою.

Во-время передвиженія съ одного берега на другой по рѣкамъ Волгѣ, обвѣмъ Ахтубамъ и по Ашулуку, воды и сочныхъ травъ вездѣ достаточно; погода обыкновенно стоитъ тихая, незнойная; буранѣвъ не случается: и тутъ труды Калмыка бываютъ очень необременительны. Это время для кочеваго народа — время отдыха, и тутъ Калмыки, дѣйствительно, праздную радостную для нихъ перекочевку, буквально большую часть сутокъ проводятъ въ праздности.

Совершенно иное бываетъ, когда калмыцкій хотонъ углубится въ степь за Ордлигнъ-цекѣ и придвинется къ колодцамъ, снабжающимъ его невкусной водой, вдали отъ проточной рѣки.

Скотоводы встаютъ до восхожденія солнца. Не успѣвъ Калмыкъ протереть глаза, какъ уже торопится бѣжать къ худуку; тутъ онъ долженъ отлить старую, застоявшуюся и, слѣдовательно, испортившуюся воду, поправить колодезь и укрѣпить его стѣнки, чтобъ бочка не обвалилась. Колодезь не одинъ—одного недостаточно для всего скота, пасомага въ окрестности—ихъ много и очищеніе ихъ занимаетъ у хозяина два-три часа времени. Возобновлять воду, то-есть очищать колодцы и отливать изъ нихъ старую воду нужно непременно чрезъ двое сутокъ въ трети.

Потомъ онъ отправляется домой, въ кибитку и тутъ только умывается, молится бурханамъ, пьетъ чай, который долженъ быть уже готовъ къ его приходу, а при бѣдности довольствуется и однимъ арьяномъ. Загвмъ Калмыкъ сѣдлаетъ коня и, въ сопровожденіи сына или брата, ѣдетъ въ табунъ, запасшись арканомъ и «ургѣ», то есть укрюкомъ, жердью, которою онъ закидываетъ арканъ. Табунъ, во-время ночи разбредшійся врознь, онъ собираетъ въ одну кучку, разсматриваетъ, озираетъ его наружный видъ, повѣряетъ счетъ головъ въ косякъ, и замѣтивъ, что одного коня нѣтъ, что онъ не можетъ его досчитать, кидается въ степь отыскивать пропажу по слѣдамъ. При неблагополучіи, онъ посылаетъ товарища изловить забѣжавшаго въ даль коня и во всякомъ случаѣ самъ гонитъ свой табунъ на водопой. Онъ не полагается на работниковъ и за табуномъ своимъ зорко присматриваетъ собственными глазами.

Лошадь не можетъ сама достать воды изъ колодца; пойло для нея должно быть налито въ особое длинное и глубокое корыто, колоду; скота много и чтобъ всѣмъ воды достало, такихъ корытъ бываетъ много: у десяти смежныхъ колодцевъ непременно до полусотни колодъ для водопоя.

Вода добывается изъ глубины колодца посредствомъ длиннаго нѣста, къ концу котораго привѣшивается «утхуцъ», мѣшокъ изъ кобыльей кожи, каждый мѣрой около полуведра; обыкновенно въ водопойную колоду вливается двѣ-сорока утхуцъ и чѣмъ болѣе у хозяина скота, тѣмъ болѣе онъ долженъ заготовить для него колодъ съ припасенной уже въ нихъ для стадъ и для табуновъ водой. Уже изъ

одного этого можно видеть, каких утомительных заботъ стоить Калмыку его скотоводство. Одному человеку невозможно справиться съ такой работой, и потому надъ колодцами трудятся все мужчины, необязанные какимъ-либо другимъ занятіемъ. Надобно прибавить еще и то, что колодцы бываютъ аршина четыре или и пять глубиною: доставать воду тяжело, а выливать ее въ колоду безъ помощи товарища трудно — того и гляди прольешь мимо. На водопой, при невыносимой степной жарѣ, особенно при тощихъ колодцахъ, надо употребить хозяину отъ шести до восьми часовъ времени, подливая безпрестанно воду въ колоды, слѣдя за всеми движеніями табуна и внимательно наблюдая за каждою лошадыю.

Вслѣдъ за лошадыми, приходятъ съ пастбищъ сперва бараны, потомъ рогатая скотина, и послѣ уже всехъ верблюды. Ихъ тоже надо напоить, за ними тоже нужно присматривать. Кто отошьетъ свою порцію, тотъ идетъ въ сторону, травку щипать, между-тѣмъ другіе ждутъ своей очереди.

Нажарившись, почти совершенно испекшись на солнцѣ, мужчины распускаютъ и направляютъ скотъ на старыя мѣста, а сами возвращаются домой обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, и отдохнуть послѣ трудовъ. Предоставивъ все хозяйственныя заботы о мелочахъ женщинѣ, хозяинъ вѣритъ, что ему, послѣ исполненія важнѣйшихъ своихъ обязанностей, можно теперь спать беззаботно, чтобъ собраться съ новыми силами.

Къ вечеру онъ снова ѣдетъ въ табунъ и опять пригоняетъ его къ худуку; но на этотъ разъ ему ненужно уже расчищать колодца и снова наполнять все колоды. Утромъ ихъ безпрестанно доливали свѣжею водой и отъ утренняго водопоя они остались еще неосушенными. Вечеромъ скотъ пьетъ немного, и Калмыкъ, пересмотрѣвъ свое хозяйство, направляетъ табунъ на ночь въ степь, на подножный кормъ, а барановъ и рогатый скотъ загоняетъ въ хотонъ.

Затѣмъ хозяинъ садится ужинать, выпиваетъ чашку арзы, плотно закусываетъ чѣмъ случится, и тотчасъ же ложится спать, вплоть до утра — и завтра идетъ у него опять такъ же, какъ сегодня.

Каждый членъ семьи, какъ бы онъ прилежно, въ продолженіе цѣлаго дня, ни трудился, непременно долженъ, въ свою очередь, одну ночь прободрствовать въ хотонъ, карауля мелкій скотъ, а другую ночь провести въ степи, вдали отъ хотона, и ни на шагъ не

удаляться отъ табуна: ни дождь, ни гроза, ни бураны, ничто не избавляетъ Калмыка отъ этой обязанности.

Но въ буранъ зги Божьей невидно; мятелица крутитъ; вихремъ разбиваетъ косяки матокъ и гонитъ испуганныхъ животныхъ по вѣтру дотоль, пока или погода стихнетъ, или табунъ припретъ къ мѣсту, съ котораго ему дальше некуда уже сдвинуться. Калмыкъ-караульщикъ здѣсь лицо бесполезное: ему не удержать быстро мчащихся и оробѣвшихъ коней. Они несутся вихремъ, кидаются въ стороны, опять сворачиваютъ на прежній путь, и съ каждымъ новымъ порывомъ урагана, съ каждымъ новымъ измѣненіемъ его направленія, снова уклоняются въ тотъ или другой край необозримой степи.

Калмыкъ не успѣетъ еще кинуться за ними въ погоню, какъ отецъ или старшій братъ, при первой вѣсти о инурганъ, является къ нему на помощь изъ хотона. Иногда брата нѣтъ, или отецъ боленъ и за «исканіемъ шляховъ» является дѣвушка-Калмычка. Она подберетъ косы подъ тулупъ, и надвинувши на брови малахай, летитъ стрѣлой на подмогу караульщику.

Табуна нѣтъ тамъ, гдѣ его оставили къ вечеру; онъ убѣжалъ; его шляхи, слѣды, замечены снѣгомъ. Надо однакожъ узнать, въ какую сторону табунъ бросился: и богатырь-табунщикъ кидается на-земь, разгребаетъ руками тулупа снѣгъ, ощупываетъ голыми руками въ разныхъ мѣстахъ слѣды отъ конскихъ копытъ, иногда бѣется за этимъ по нѣскольکو часовъ, нападаетъ на слѣдъ, пускается впередъ по этому направленію дальше, снова его теряетъ, снова разыскиваетъ шляхи и часто безъ отдыха, безъ хлѣба, почти безъ сна, скитается долго, иногда нѣсколько сутокъ, отыскивая свое единственное достояніе. Во-время бурановъ, нерѣдко вихрь угоняетъ табуны на огромныя пространства, напримѣръ изъ Кнотаевского Уззда въ мочаги¹.

¹ Уходъ за скотомъ доведенъ до совершенства въ Англіи; знакомые съ заграничнымъ скотоводствомъ путешественники предлагаютъ завести въ нашихъ степяхъ хорошія конюшни и удобныя хлѣвы на англійскій манеръ. Люди съ умѣренными требованіями хлопочутъ только о томъ, чтобъ у нашихъ кочевниковъ зимовки были порядочныя и скотъ хотя бы на зиму не подвергался бѣдствіямъ. Третью, наконецъ, успѣвшіе приглядѣться къ скотоводству и въ Малороссіи, и въ Новороссійскомъ-краѣ, и въ закавказскихъ губерніяхъ, и въ заволжскихъ, и въ зауральскихъ степяхъ, и на равнинахъ дальней Сибири, убѣждаются въ необходимости statu quo:

Если попадется на дорогѣ чужой хотонъ, Калмыкъ зайдетъ въ кибику, и воспользовавшись гостепріимствомъ, поестъ чужаго хлѣба. А иногда нужда доводитъ до того, что хозяинъ, отыскавъ табунъ, рѣжетъ, съ-голоду, перваго попавшагося подъ руку жеребенка, или жирную кобылицу, отрываетъ ей голову, и срубивъ часть шеи толщиною пальца въ три, сосетъ жиръ съ этого куска; онъ этимъ только и питается, а все прочее кидаетъ — везти некуда : съ отысканнымъ табуномъ нужно скорѣе возвратиться домой, да и съ собой нѣтъ ничего, на чемъ можно бы часть убитаго животного сварить или испечь.

Калмыку уходъ за его табуномъ тягостенъ. Лѣтомъ его безпрестанно мучитъ жажда, мучатъ жары и зной, мучитъ тяжелый трудъ очищенія колодцевъ и водоной скота; мучатъ его и комары, изобиліе которыхъ сдѣлало нѣкоторыя мѣстности, какъ напримѣръ устья рѣки Кумы, вовсе необитаемыми; въ мочагахъ лѣтомъ тоже отъ комара почти житья нѣтъ. Зимой его ожидаютъ новыя лишенія : стужа, морозъ, безкормица, гололедица, или совершенное отсутствіе снѣгу, при которомъ онъ снова долженъ очищать колодцы. Всѣ свои работы онъ производитъ голыми, ничѣмъ несогрѣваемыми, руками: хорошій табунщикъ, гордящійся своимъ званіемъ, до страсти любящій свое занятіе, не допуститъ себѣ мысли, чтобъ можно было рышиться надѣть рукавицы и при посредствѣ ихъ закинуть арканъ на неукъ. Въ кибиткѣ у Калмыка тоже нѣтъ тепла; двойные кошомные пологи спасаютъ его только отъ порывистыхъ вѣтровъ, но обогрѣться степняку ничѣмъ. Огонь горитъ подѣ котломъ только два раза въ сутки, когда готовить куманье; потомъ его тушатъ; дровъ нѣтъ, кизяку жалъ: надо сберечь его на всю зиму; морозъ знобитъ члены; и старые и малые кутаются въ овчины, прячутся подѣ кошмы и мѣха.

Женщинъ въ калмыцкой семьѣ тоже хлопотъ много. Она встаетъ въ одно время съ мужемъ. Пока мужъ справляется съ колодцемъ, жена варитъ для него чай, доитъ коровъ, овецъ и готовитъ арь-

при огромности нашего степнаго скотоводства, при безлѣсіи страны, при дешевизнѣ цѣнъ на скотъ, при дороговизнѣ, существующей на многіе необходимые предметы потребленія, и при моральномъ и матеріальномъ состояніи нашихъ скотоводовъ, ничего дѣльнаго нельзя придумать безъ строгаго, безупречнаго и практическаго изученія дѣла на самыхъ пастбищахъ.

ягъ. Когда мужъ отправится въ табунъ, чтобы постигнуть его на водоемъ, она выгнускаетъ изъ хюмена, толка на водоемъ, телятъ и дойныхъ коровъ, за которыми сама надсматриваетъ, не доверяясь меньшему сыну или дочери. Потомъ принимается она за домашнія работы, прядетъ шерсть, сшиваетъ арканы, вальуетъ ковши, чинитъ кибитку, готовитъ кизякъ для туалета. Если есть въ домъ обиліе и можно мужу приготовить вареного мяса, она хлопотаетъ принести для него сытный обѣдъ; а если недостатка не позволяютъ такого роскошества, то обѣдъ семьи ограничивается помпюшнмъ, шибирныкомъ, ма-слоуъ и арзыномъ.

Главную заботу хозяйки, продолженіе лѣта, составляетъ доеніе овецъ и коровъ по два раза въ сутки, а кобылицъ и еще чаще, разъ восемь въ сутки и больше: не пройдетъ часу, чтобы кобылицъ не доили. Это называется «саахъ», частое повтореніе которой даже служитъ у Калмыковъ условнымъ терминомъ для опредѣленія времени: говорятъ, напримеръ, «это было недавно, не дальше какъ за двѣ саахъ». Эта часть домашнего хозяйства требуетъ весьма продолжительнаго времени, и главной хозяйкѣ семья помогаетъ всѣ женщины, меньшія снохи и дочери. Иногда у семьи бываетъ до полусотни дойныхъ кобылицъ, столько же коровъ и около двухъ сотъ овецъ: весьма естественно, что уходъ за ними требуетъ много рукъ и безпокойства.

Коровъ доятъ Калмыки такъ же, какъ доятъ ихъ и вездѣ: молоко сцеживаютъ въ ведро, сытное, какъ и вся калмыцкая посуда, изъ конской кожи.

Дойная кобылица гуляетъ всегда съ своимъ жеребенкомъ. Когда приступить саахъ, жеребенка подводятъ къ маткѣ, чтобы удобнѣе начать процессъ доенія; потомъ вынаютъ ему на шею, на небольшомъ арканѣ, длинный шестъ, который, раздѣляя его отъ матери, служитъ для него преградою, еслибъ онъ захотѣлъ помѣшать доенію.

Овецъ для этой цѣли собираютъ не въ кучку, а разставляютъ въ двѣ линіи, по обѣ стороны длиннаго аркана, такимъ образомъ, что голова одной овцы приходится между двухъ головъ противъ нея стоящихъ овецъ. Овцы, при всемъ своемъ смиреніи и незлобivosti, очень упрямы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень просты; доброй волей овца не встанетъ въ шеренгу; но стоитъ положить начало и привязать первыхъ овецъ къ крайнимъ пунктамъ шереногъ, какъ обѣ линіи укомплектуются совершенно. Одна хозяйка начинаетъ доить ихъ съ одного

конца передней лини, другая съ противоположнаго конца задней лини. Когда операція совершится, недостаточно отвязать крайних овецъ, надо оттащить ихъ отъ аркана, иначе остальные не разойдутся и долго впростоятъ на одномъ мѣстѣ, будто прикованныя.

Кромѣ этихъ ежедневныхъ заботъ, на женщинъ же лежатъ рѣшительно всѣ хлопоты по домохозяйству. Она должна во-время гнать арзъ, во-время заготовить «шитво», то есть и одежду, и обувь, и посуду, и всѣ мелочи, изготовляемыя при помощи швейнаго искусства; кухня, освѣщеніе, отопленіе, призоръ за дѣтьми, надсмотръ за мелкой скотиной, ухаживанье и прислуга за мужемъ и сыновьями столько отнимаютъ у хозяйки времени, что нельзя не подивиться, какъ бѣдныя Калмычки успеваютъ еще управиться съ хозяйствомъ. Одно доеаніе животныхъ, изготовленіе пищи, кумыза, арьяна, вина, и мелкія заботы о домашней расправѣ, судъ надъ перессорившимися ребятишками, распределение занятій между младшими взрослыми членами семьи, такъ много требуютъ безпрестанной дѣятельности, что старшей хозяйкѣ рѣшительно трудно улучшить минуту, ветолюк чтобъ прибрать большую кибитку и освободить ее отъ накопившейся грязи: ей нѣкогда почти замести себѣ косы.

Калмыки-рыболовы — круглый годъ въ тяжелой работѣ. Возвратившись, въ перемежныя недѣли, въ хотоны, они, если можно только, улучшаютъ помаленечку небольшое свое хозяйство; жены ихъ однѣ исправляютъ всѣ домашнія работы и, по бѣдности въ стадахъ, болѣе занимаются изысканіемъ способовъ продержатъ свои семьи не въ крайности, въ ожиданіи того вождельнаго дня, когда Калмыки, мужья ихъ, воротятся съ ватагъ², съ заработками.

Лучше всѣхъ живутъ мастеровые изъ кѣтѣчинеровъ владѣльческаго ѳргѣ. Выточить онъ трубку и придѣлаетъ къ ней коротенькій чу-

² Ватага и промыселъ, обозначая рыбопромышленное заведеніе, какъ бы сказать, родъ фабрики, гдѣ «раздѣлывается» рыба и приготавлиются всѣ виды рыбнаго товара, разнятся одно отъ другаго тѣмъ, что *ватага* есть заведеніе на рѣкѣ, а *промыселъ* — заведеніе на морѣ. Промыселъ имѣетъ еще иное значеніе, именно — извѣстный участокъ рыболовныхъ водъ, входящійся въ полномъ правѣ собственности, или только на правѣ временнаго пользованія у капиталиста, именующагося промышленникомъ. Извѣстѣйшіе изъ послѣднихъ суть графъ Безбородко, князь Юсуповъ, Всеволодскіе, Сапожниковы, Голиковъ, Термиковъ и другіе.

букъ — онъ продасть свою работу за четвертачокъ дальнему скоту-воду; за выдолбленную чашку непременно возьметъ полбарана; за изделия болѣе значительныя, за желѣзныя и стальныя подѣлки съ серебряными насѣчками — богатый Калмыкъ не пожалеетъ и коня отдать. И потому у заботливаго и работающаго кѣтѣчника есть и косячокъ лошадей, и стадо рогатаго скота, и маленькій наличный капиталецъ; вода у него подѣ бокомъ, рыть колодезь не нужно; заботы по небольшому хозяйству невелики, и такой семьѣ можно не только прищегольнуть чистотой внутренняго убранства кибитки, можно заняться даже постороннимъ дѣломъ, и можно ближе свыкнуться съ обычаями горожанъ, съ которыми имъ приходится, по мелкимъ торгамъ, вступать въ сдѣлки.

Такимъ-образомъ и здѣсь мы находимъ новое подтвержденіе весьма старой истины, что чѣмъ непосредственнѣе, первобытнѣе и, следовательно, грубѣе народъ, чѣмъ менѣе доступно ему благотворное раздѣленіе занятій, тѣмъ болѣе переноситъ онъ трудовъ и лишеній, и тѣмъ менѣе испытываетъ удобствъ въ образѣ жизни.

XVI

Особенности быта.

Въ этомъ отдѣлѣ мы обратимъ вниманіе на тѣ особенности общественнаго быта, которыя замѣчаемъ у Калмыковъ въ отношеніи раздѣла имѣнія, наказаній за провинности, присяги и обхожденія съ женщинами. Мы не упоминаемъ здѣсь про родовыя сборища, «отыгынъ-хурѣнъ», которыя нынче замѣнены *мірскими* аймачными *сходками*, на общемъ основаніи.

Что касается до раздѣла имѣнія, то «юсунъ», обычай, ведущійся издревле, преподаетъ на этотъ предметъ слѣдующія правила:

1) Родители при жизни своей имѣютъ полное право дѣлать съ своимъ имуществомъ что имъ угодно и раздѣлить его между сыновьями по собственному произволу.

2) По смерти родителей, умершихъ безъ завѣщанія, девять-десять частей оставшагося послѣ нихъ имущества раздѣляются поровну между всеми сыновьями; а старшему изъ нихъ, независимо отъ доли, полученной имъ по этому разчету, достается и остальная десятая часть всего наслѣдства, выделяемая послѣ смерти отца немедленно. Такимъ-образомъ, если наслѣдство заключается въ табунъ изъ двухъ-сотъ пятидесяти лошадей и въ стадъ въ тысячу барановъ, то изъ тронхъ сыновей-наслѣдниковъ, старшій братъ получаетъ на свою долю сто лошадей и четыреста барановъ, а двумъ остальнымъ приходится по семидесяти пяти лошадей и по триста барановъ.

3) Наслѣдники должны удѣлить отъ себя часть наслѣдства хурулу, по общему согласію.

4) Дочерямъ безъ братьевъ отцовское имѣніе дѣлится всемъ поровну, на одинаковыя части.

5) Сестры, при братьяхъ — не наслѣдницы.

6) При выдачѣ сестеръ въ замужство, братья, хотя бы они и врозь жили, обязаны, сообразно своимъ средствамъ, общими силами свадбить сестру приличнымъ имуществомъ и отпраздновать ея свадьбу.

7) Если у сестры родится сынъ, то дядя обязанъ выделить пле-

мяннику, общими силами, часть, равную, въ общей сложности, части наслѣдства каждаго изъ нихъ.

8) Невыдѣленный или ненагражденный дядями племянникъ, точно такъ же какъ и внукъ по женской линіи, имѣетъ право приступить къ насильственному выдѣлу, называющемуся у Калмыковъ «зе-бярдыкъ-юсунъ».

Это право очень любопытно, во-первыхъ потому, что оно совершенно не въ нашихъ нравахъ, а во-вторыхъ потому, что въ прежніе годы служило началомъ непрерывныхъ отгоновъ скота. Отгонъ скота, или такъ-называемая баранта, совершенно не такой предметъ, съ идеею котораго соединяется понятіе о грабежѣ и насильствѣ: основаніе его самое легальное и дѣйствіе его вовсе непреступно въ понятіяхъ Киргизовъ или Калмыковъ; у первыхъ баранта есть слѣдствіе неокупленнаго «куна», какъ называютъ Киргизы цѣну за кровь убитаго родственника¹; у послѣднихъ она есть слѣдствіе законнаго права на наслѣдство. Весьма понятно, что собственно хищничество и кража чужой собственности вездѣ, и у Киргизовъ, и у Калмыковъ, считается преступленіемъ, но баранта подѣ эту категорію вовсе не подходитъ.

«Зе-бярдыкъ-юсунъ» совершается обиженнымъ племянникомъ или внукомъ съ такими условіями: онъ долженъ явиться въ хотонъ того родственника, съ которымъ хочетъ разсчитаться; тайно отъ всѣхъ изъяснить о своемъ намѣреніи хотонному старшинѣ, или лучшему въ хотонѣ человеку, обязанному секретъ его никому не выдавать, и насильственный выдѣлъ произвести непосредственно самъ, или и съ товарищами, но подѣ личнымъ этого старшины распоряженіемъ. Выдѣлъ этотъ состоитъ въ простомъ отгонѣ части табуна или стада; это дѣйствіе производится совершенно безнаказанно и можетъ повторяться до трехъ разъ, какъ законное пользованіе своимъ правомъ; пострадавшій отъ убытка дядя, или дѣдъ, не имѣетъ права приносить жалобы и остается въ обыкновенно-дружескихъ, съ разсчитливымъ родственникомъ, отношеніяхъ. Почтительный къ старшимъ, отгонщикъ не злоупотребляетъ своимъ правомъ; если онъ въ первый

¹ Киргизы это слово выговариваютъ «куна»; корень его, какъ мы объясняли, есть турецко-татарское слово *хунъ*, означающее кровь. — Вотъ новая задача изслѣдователямъ древнихъ нашихъ лѣтописей, въ которыхъ куны играютъ столь важную и доселѣ неразъясненную роль.

разъ мало отогналъ скота и скоро его прожилъ, онъ повторяетъ *операцію* въ другой и въ третій разъ, но общая численность приобретеннаго имъ такимъ образомъ достоянія никогда не превышаетъ одной шестой части имущества, изъ котораго онъ дѣлаетъ выдѣлъ. Впрочемъ, на этотъ предметъ нѣтъ никакого общаго правила — это дѣло произвола и обстоятельствъ. Обыкновенно къ такому подвигу прибѣгаютъ только совершенные бѣдняки, истинно нуждающіеся въ пособіи; изъ небольшого косяка лошадей они уводятъ двѣ-три головы, а изъ стада — изъ ста штукъ головъ десять.

Что касается до наслѣдованія зайсанговъ цѣлымъ аймакомъ, то оно принадлежитъ старшему сыну: никогда не было примѣра, чтобъ аймакомъ владѣли женщины, тогда-какъ насчитываютъ до четырехъ случаевъ, что женщины управляли улусами.

Наказанія провинившимся въ проступкахъ или преступленіяхъ производятся отъ имени нойона, рода или хотона, смотря по степени важности содѣяннаго проступка; они изложены въ калмыцкой «Судебной-Книгѣ», «Цааджинъ-бичикъ».

Въ прежнія времена наказаніями были: физическая боль, для того, чтобъ впредь не повадно было тоже дѣлать, денежные пени и осрамленіе виноватаго предъ цѣлымъ хотономъ и даже родомъ. Число девять, однажды, или девять разъ, или девятью девять разъ взятое, во всѣхъ взысканіяхъ играло важную роль; тоже самое мы находимъ и у Киргизовъ.

Виноватыхъ въ неповиновеніи родителямъ, грубости и дерзости родственникамъ и старшимъ, по лѣтамъ и званію, людямъ, наказывали ногойками, и вымаравъ лицо сажей, водили, съ таганомъ на шеѣ, по хотону, кругомъ каждой кибитки. Это наказаніе носило названіе «тавынъ-ямъ-татхъ», «осрамленіе посредствомъ патырни», потому-что наказывающій бралъ на руку сажу изъ-подъ котла и цѣлой пригоршней размазывалъ ею по лицу виноватаго.

За кражу наказанія тоже были посрамительныя: верховой наездникъ накидывалъ на преступника арканъ и водилъ его въ такомъ видѣ по хотону; всѣ зрители стегали виноватаго прутьями по обнаженному тѣлу, а нѣкоторые стрѣляли въ него, для смѣха, холостыми зарядами.

За соблазнъ чужой жены или за неблагоприличное обхожденіе съ дѣвицей, на виноватаго налагали пеню и брали съ него йесынъ-йе-

сынъ (девятью девять) головъ скота и, кромѣ-того, раздѣвъ его въ собраніи мужчинъ до-гола, наказывали тѣлесно.

Нынче эти старинныя наказанія, какъ и всякій анахронизмъ, выводятся, и Калмыковъ судить русское начальство по общимъ для всѣхъ Русскихъ законамъ.

Въ прежнія времена, у Калмыковъ въ хотонъ, въ аймакъ и въ родъ, судъ представлялъ семейный разборъ взаимныхъ обидъ и неудовольствій. Формальный судъ, «зарго», являлся въ улусъ; онъ составлялся изъ зайсанговъ, подъ предсѣдательствомъ владѣльца; въ него избиралось столько членовъ, сколько въ улусъ было родовъ, и судъ этотъ носилъ названіе «нутугинъ-зарго», улуснаго суда; члены суда носили титулъ «заргачи» или судей, между которыми различія въ старшинствѣ не было.

Высній судъ составлялся изъ нойоновъ-владѣльцевъ, и въ немъ предсѣдательствовалъ сначала ханъ, а потомъ намѣстникъ. Судъ этотъ назывался «найманъ-зарго», «восьмичленнымъ», по числу судей.

Въ немъ рывались, безъ различія гражданскихъ отъ уголовныхъ, все вообще дѣла и по всемъ родамъ преступленій. Но такъ-какъ въ немъ произволъ судей былъ почти ничѣмъ неограниченъ, а письменные законы замѣнялись, по волѣ самихъ судей, многозначительнымъ юсуномъ, или обычнымъ правомъ, подвергавшимся, по разнымъ случаямъ, произвольнымъ толкованіямъ и примѣненіямъ, то съ 1825 года права найманъ-зарго были сначала ограничены тѣмъ, что ему предоставлено было, подъ наблюденіемъ русскаго чиновника, рѣшеніе дѣлъ по отгонамъ скота и кражамъ до четырехъ сотъ рублей ассигнаціями; потомъ составъ суда зарго былъ измѣненъ—его присутствіе состояло изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и ассессора отъ короны и двухъ засѣдателей отъ калмыцкаго народа; засѣдатели эти, вслѣдствіе степной системы воспитанія, ни законовъ русскихъ не понимали, ни языка русскаго порядочно не знали; наконецъ и самое названіе этого суда уничтожено: Калмыки подчинены общему для всѣхъ обитателей Имперіи источнику правосудія — «Своду Законовъ».

Высшимъ преступленіемъ у Калмыковъ, по правиламъ собственнаго калмыцкаго вѣроисповѣданія, почитается смертоубійство; преступленіе это называется у нихъ грѣхомъ «забсыръ угъ нююль»², то есть

² Вслѣдствіе этого-то нююль, или нюль, и все старанія наши добыть

безпроемжучнымъ, безотраднымъ, непростимымъ или, по нашимъ убъжденіямъ, тяжкимъ, смертнымъ грѣхомъ. Калмыцкое законоположеніе определяло ему рода наказанія, гражданское и религіозное.

За смертоубійство, въ первый разъ совершенное, на преступника налагалась большая пеня, въ видѣ вознагражденія и обезпеченія родственниковъ и дѣтей, оставшихся послѣ убитаго и, кромѣ-того, виновный обязанъ былъ отречься, на определенное время, отъ всѣхъ удовольствій міра, носить «оркомжі», красную перевязь черезъ плечо, и выжить извѣстный срокъ при хурулѣ постникомъ, «убуши». За повторенное смертоубійство наказаніе усиливалось, какъ въ отношеніи вещественнаго вознагражденія, такъ и относительно времени заключенія при хурулѣ и, сверхъ-того, на лицѣ виновнаго выжигалось клеймо. За третье убійство преступнику выжигалось другое клеймо и онъ навсегда изгонялся изъ среды своего народа. Такіе изгнанники назывались у Калмыковъ «андынами».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный былъ не въ состояніи выполнить положенную на него пеню, онъ не только самъ, но цѣлой семьей отдавался въ кабалу тому, кому принадлежало возмездіе: истецъ вправѣ былъ употребить кабальныхъ людей въ работу по произволу, продать постороннему лицу или вымѣнять своего должника на стадо барановъ.

Очень понятно, что такія юридическія начала не могли быть терпимы въ образованномъ государствѣ; коренное измѣненіе ихъ было необходимо.

Во всѣхъ дѣлахъ, даже въ дѣлахъ по смертоубійству, тѣ случаи, въ которыхъ не было признанія и ясныхъ уликъ для составленія полнаго доказательства виновности подозреваемаго, судъ оканчивался очистительною присягою.

Важнѣйшимъ видомъ такой присяги былъ «шаханъ», который нынче давно уже вывелся изъ употребленія.

Для исполненія шахана, обвиняемый избиралъ изъ числа однородцевъ своего противника, лицо, пользующееся репутаціею самаго честнаго человека, въ совѣстливости котораго никто не сомнѣвается; и этотъ избранный долженъ былъ выполнить обрядъ, состоявшій въ слѣдующемъ:

по парѣ череповъ чистыхъ Дзюнгарцевъ, Хошоутовъ, Хонтовъ и Торгоутовъ остались совершенно безплодными.

Въ особой кибиткѣ, на нарочно устроенномъ возвышеніи ставится бурханъ, передъ которымъ, на уступѣ, воскуряется благовонная свѣча, «кюдже». По сторонамъ бурхана развѣшиваются религіозныя изображенія высшихъ карательныхъ существъ; мѣста подъ ними занимаются гелюнгами, собравшимися сюда вмѣстѣ съ инструментами, при звукахъ которыхъ они обыкновенно совершаютъ свои торжественныя молитвословія. На полу кибитки разстилается снятая съ убитой, на счетъ обиженнаго, черной, совершенно безъ отмытинъ, коровы кожа, облитая кровью этого животнаго. Кожу подсовываютъ подъ двери кибитки и растягиваютъ ее на землѣ колышками такимъ образомъ, чтобы одна половина ея приходилась внутри, а другая внѣ кибитки.

Внутри кибитки, сверху надъ дверьми, немного вправо, прикрепляется голова зарѣзанной для шахана коровы; глаза у нея раскрыты, языкъ вытянутъ и завернутъ на сторону, кожа съ черепа содрана и вся голова вымазана кровью. Рядомъ съ скотской головой, но по другую сторону дверей, привѣшивается человѣческій черепъ. Внизу разставляется на сошкахъ заряженное ружье съ взведеннымъ куркомъ.

Внѣ кибитки, влѣво и вправо отъ дверей, становятся посредники и при нихъ съ одной стороны обвиняемый, съ другой истецъ.

Избранное къ исполненію шахана лицо, прежде всего предлагаетъ обѣимъ сторонамъ не доводить его до предстоящаго ему великаго дѣла и поспѣшить хотя теперь покончить его миромъ. Если враждующія партіи не рѣшаются покончить дѣло дружелюбно, обрядъ шахана долженъ совершиться.

Присягающій снимаетъ съ себя все платье и, оставаясь только въ одной рубахѣ и исподнемъ бѣльѣ, босыми ногами становится передъ дверьми на растянутую кожу, дѣлаетъ три земные поклона и переступаетъ черезъ порогъ. Въ эту минуту, гелюнги начинаютъ трубить въ трубы, звонить въ колокольчики, дуть въ раковину, бить въ тарелки и производить торжественные, но оглушительные аккорды.

Лишь-только присягающій приблизится къ бурхану, шумъ инструментовъ стихаетъ и начинается тихое чтеніе молитвъ, въ которыхъ могильные звуки басовъ торжественно разносятся по кибиткѣ и снова поражаютъ воображеніе присягающаго невѣдомымъ трепетомъ.

Вошедшій, подойдя къ бурхану, долженъ затушить горящую пе-

редъ нимъ кюдже, нагнуться къ стоящему съ ней рядомъ блюду, на которомъ лежитъ вырванное изъ зарезанной коровы сердце, взять сердце это ртомъ, обернуться къ дверямъ кибитки, и встрѣтивъ омертвѣлые, бездушные взгляды повышенныхъ тутъ окровавленной головы и человѣческаго черепа, вынести обличительную ношу вонъ изъ кибитки.

Здѣсь одинъ изъ гелюнговъ принимаетъ отъ него коровье сердце и предъявляетъ его, для обзора, посредникамъ: если на оболочкахъ сыраго мяса не сдѣлано никакихъ поврежденій, обрядъ считается выполненнымъ и обвиняемый оправдывается.

Въ этомъ случаѣ истецъ обязывается уплатить отвѣтчику безчестье, или пеню, мѣра которой выговаривается заранее взаимнымъ условіемъ. Но если лицо, принявшее на себя выполнение шахана, откажется отъ него, или повредитъ оболочку сердца, правильность иска считается несомнѣнною.

Обстановка шахана всеми атрибутами этого обряда имѣетъ, по понятіямъ Калмыковъ, слѣдующее значеніе:

Черная корова есть аллегорическое представленіе смерти; необходимость пройти по ея шкурѣ напоминаетъ присягающему, что онъ принялъ на себя великую обязанность, противосовѣстливымъ выполненіемъ которой онъ принимаетъ на себя отвѣтъ въ тяжкомъ, смертномъ грѣхѣ. Винтовка съ взведеннымъ куркомъ и человѣскій черепъ означаютъ внезапную кару небесъ лишеніемъ жизни лжесвидѣтеля. Обезображенная голова коровы страшитъ его, что душа его лишится общенія съ людьми и вселена будетъ въ существа безобразныя, наносящія чловѣку страхъ и трепеть. Изображенія бурхана и шутѣновъ говорятъ ему о присутствіи при его клятвѣ судіи всевидящаго; зажженная свѣча означаетъ свѣтъ, Творцомъ проливаемый, а благовоніе ея — милости Божіи, отъ которыхъ онъ, потушеніемъ свѣчи, добровольно отрекается, въ свидѣтельство истинности своей присяги. Сердце убитой коровы прообразуетъ простосердечіе присягающаго и чистоту его намѣреній, безъ которыхъ его ожидаютъ карательныя существа, «ассури», злые духи, чудовища ада.

Въ наши времена, у Калмыковъ присяга исполняется въ двухъ видахъ, одна, по дѣламъ мѣньшей важности, словесная, произносимая предъ бурханами по «Книгѣ-Клятвѣ», «Андагаръ»; другая въ дѣлахъ особенной важности: въ ней менѣе обрядности чѣмъ въ старинномъ шаханѣ

нѣ, но все-таки рѣдкій Калмыкъ рѣшится принять на душу грѣхъ лжесвидѣтельства. Присяга эта состоитъ въ томъ, что обвиняемый подходитъ къ бурханному столику, дѣлаетъ три земные поклона, и произнесъ громогласно «я невиноватъ», задуваетъ зажженную свѣчу, во свидѣтельство отреченія отъ милостей Создателя, въ случаѣ неправды. Присяга эта дается только обвиняемому.

Калмыки оказываютъ такіе знаки почтенія своему духовенству и владѣльцамъ, которые съ перваго взгляда могутъ почестъся рабочими, но въ существѣ своемъ показываютъ только строгую субординацію, вылившуюся у этого воинственнаго племени въ такіе, а не иные опредѣленныхъ формахъ.

При условныхъ знакахъ почтительнаго сидѣнія передъ старинными, Калмыки, подходя къ гелюнгамъ, должны сложить руки крестомъ на груди, въ знакъ особеннаго къ сану ихъ благоговѣнія и, исключительно предъ всеми другими почетными лицами, не садятся передъ ними съ поджатыми ногами, а присѣдаютъ на корточки.

Нойбѣнъ почитается и уважается не только своими подвластными, но и посторонними улусниками. Въ кибитку его нельзя войти иначе, какъ приложившись сначала ладонью правой руки къ веревъ дверей, а потомъ прикоснувшись рукой ко лбу. Выходя изъ кибитки, нужно пятиться изъ нея задомъ, обратившись лицомъ къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ владѣлецъ. Чтобы доказать всю степень своей преданности къ его особѣ, знакомый со всеми церемоніями Калмыкъ не войдетъ въ его кибитку съ лѣвой стороны, если даже идетъ онъ по направленію слѣва: онъ обойдетъ кибитку кругомъ, какъ это предписано и въ отношеніи къ хурулу, и войдетъ внутрь кибитки, подойдя къ ней съ правой стороны.

Если владѣлецъ дозволитъ въ своемъ присутствіи подвластному сѣсть, тотъ не иначе воспользуется его позволеніемъ, какъ приложившись рукой ко лбу, ставъ на колѣни, положивъ на нихъ руки и усявшись на пятки.

Владѣльцамъ не подобаетъ ѣздить на пѣгихъ лошадяхъ, «алыкъ», то есть на такихъ, у которыхъ къ основной масти шерсти примѣшивается бѣлый цвѣтъ, на бедрахъ или на туловищѣ; ѣзда же на пестрыхъ «хуль» лошадяхъ достоинства владѣльцевъ не умаляетъ.

Должно дѣлать безпрестанныя владѣльцу приношенія: начнется ли весна, кончится ли лѣто, совершится ли свадьба, наступятъ ли по-

минки по старомъ владѣльцѣ, празднуется ли новый годъ, родится ли у ной на ребенокъ, Калмыкъ долженъ нести ему свое дееджи чаемъ, арзой, варенымъ бараномъ, живымъ скотомъ и даже наличными деньгами. Неисполненіе этого обычая, общаго, какъ видно, всѣмъ монгольскимъ племенамъ, одинаково лежитъ на совѣсти и у Калмыковъ, какъ и у Киргизовъ: приношенія эти въ нравахъ этихъ племенъ; тутъ нѣтъ ничего, что напоминало бы о вымогательствѣ — это именно то, что у насъ называется поклономъ въ фразѣ: «снести на поклонъ полотенце, или поклониться трехрублевымъ, или курицей».

Владѣльцу принадлежить первое мѣсто въ кибиткѣ подвластнаго.

Калмыки тѣмъ разнятся отъ племенъ, исповѣдующихъ исламъ, что у нихъ женщина имѣетъ человѣческое, а не рабское значеніе. У многихъ мухаммеданъ, хотя и не у всѣхъ и не въ одинаковой степени, она исключена изъ общенія съ мужскимъ поломъ, не только въ забавахъ, но даже и въ моленіяхъ. У Калмыковъ права женщины уравновѣшены и въ томъ и въ другомъ случаѣ съ правами мужчины. Калмычка не скрываетъ своего лица отъ постороннихъ взглядовъ; она молится въ хурулѣ вмѣстѣ съ мужемъ и сыновьями; она затѣваетъ игры съ чужими мужчинами.

Женщина у Калмыковъ имѣетъ свои особенныя преимущества, хотя произволъ ея и первенство надъ мужчиной и имѣетъ свои ограниченія. Вотъ, напримѣръ, отличительныя черты ея значенія.

Женщина есть полная хозяйка дома.

Все, что выходитъ изъ круга домашнихъ заботъ и домашняго обихода, долженъ для женщины приготовить мужчина.

Женщина не сѣдлаетъ коня: это дѣло мужчины; онъ долженъ коня и изготвить и подвести къ женщинѣ.

Никто, ни даже владѣлецъ, не имѣетъ права передать даже простой женщинѣ своего коня съ тѣмъ, чтобъ она его подержала за поводъ.

Мужчина, хотя бы это былъ самъ владѣлецъ, замѣтивъ, что встрѣтившаяся ему женщина хочетъ сойти съ своего коня, долженъ самъ спѣшиться и помочь ей соскочить съ сѣдла.

Женщина, жена или дочь, сама угощаетъ почетныхъ гостей.

Отъ подчиванья женщины нельзя отказаться.

Если женщина предложитъ гостю чашку теплой арзы, только-что

выгнанной ея собственными трудами, то отказъ считается тяжкою обидою дому.

Мужчина, приглашая женщину къ танцамъ, долженъ стать предъ нею на колѣни, приложить руку ко лбу и потомъ слегка коснуться колѣна своей дамы; женщина же, приглашая къ танцамъ мужчину, только нагибается передъ нимъ и касается рукой до его плеча.

Замужняя женщина благодаритъ мужчину, проводя правой рукой по чехлу, въ который запрятана ея правая коса; дѣвушка благодаритъ его безмолвно, только глазами; мужчина же, въ отвѣтъ женщинѣ, долженъ отдать ей честь, сложивъ большой палецъ правой руки съ указательнымъ и приложившись ими ко лбу.

Женщину нельзя бить ни рукой, ни палкой, ни ногойкой, ни передъ бурханами.

При перекочевкахъ, при чищеніи колодезѣ, старшій въ семьѣ мужчина долженъ для своей жены, дочерей и снохъ, отыскать старый «таталь» и подчистить его, или вырыть новый. Таталь есть маленькій колодезь, предназначаемый для омовенія женщинъ и хранящійся въ секретѣ не только отъ не-Калмыка, но даже и отъ постороннихъ, хотя бы однохотонниковъ.

Правила эти, какъ всякое общее правило, имѣютъ свои исключенія, во-первыхъ потому, что Калмыки наблюдаютъ учтивость и церемонность только при народныхъ собраніяхъ, а въ частности только съ посторонними и притомъ съ богатыми соплеменниками, отлагая всякія церемоніи въ родной семьѣ; а во-вторыхъ потому, что обузданіе нѣкоторыхъ замашекъ не всегда бываетъ въ характерѣ дикаго и, подѣ-часъ, быснаго Калмыка, строго держащаго всю семью въ слѣпомъ повиновеніи и почтительности.

Поэтому очень часто случается, что Калмыкъ бьетъ жену и за то, что чай въ-время не готовъ, что арзы мало, что кушанье невкусно, что безпорядки велики, что мелкій скотъ запущенъ, что ночника въ кибиткѣ нѣтъ, когда женѣ заранѣе объявлено, что мужъ къ тому-то времени вернется изъ табуна.

Женщина недолжна осмѣлиться перешагнуть черезъ мужскія ноги, черезъ ногойку, укрюкъ, винтовку, или подоломъ задѣть ихъ, или блюда съ яствами и чапки съ питьемъ.

Женщина не смѣетъ самовольно сѣсть при старшихъ родственникахъ.

Она не должна дозволить себѣ начать разговоръ безъ ихъ къ тому званія.

Она никогда и ни передъ кѣмъ не должна сидѣть въ фамиллярномъ положеніи, подвернувъ обѣ ноги подъ себя калачикомъ.

Женщина не имѣетъ погайки — у нея только плеть.

XVIII.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Самый торжественный праздник у Калмыковъ называется «Цаганъ-Сарà», то есть бѣлый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ года; онъ совершается въ мартъ и приходится около весенняго равноденствія. Передаемъ буквально все слышанное нами о празднествахъ отъ самихъ Калмыковъ, не дозволяя себѣ никакихъ прибавокъ.

Торжество Цаганъ-Сарà происходитъ въ первое число мѣсяца, носящаго это названіе.

Въ послѣднюю ночь предшествующаго мѣсяца «Юкуръ-Сарà», начинаются въ хурулъ торжественныя молитвословія. Народъ, въ ожиданіи вождѣвннвой минуты, толпится около мѣста, занятаго жрецами; лишь-только займется заря, какъ все съ трепетомъ обращаетъ взоры къ востоку, все готовится радостно привѣтствовать появленіе дневнаго свѣтила¹. Въ то самое мгновеніе, какъ солнце появится на горизонтѣ, гелюнги выносятъ изъ хурула, на чистую степь, изображеніе окуръ-тенгри, развѣшенное на высокомъ шестѣ, и сопровождая его звуками трубъ и другихъ инструментовъ, употребляемыхъ при торжественномъ богослуженіи, обходятъ съ нимъ вокругъ кибитокъ. Народъ падаетъ ницъ и приноситъ моленія.

Празднество продолжается сряду двѣ недѣли; ни борьбы, ни скачекъ при этомъ не бываетъ, но каждый, въ своей семьѣ, веселится по-своему.

Во все продолженіе празднованія Цаганъ-Сарà, Калмыки обязываютъ знакомыхъ и поздравляютъ съ праздникомъ.

Поздравленіе между родными и близкими совершается въ первый день праздника. Обычаи требуютъ, чтобъ привѣтствіе дѣлали младшіе старшимъ, и въ этомъ случаѣ Цаганъ-Сарà имѣетъ свою особенность.

Младшій подходитъ къ старшему, напримѣръ сынъ къ отцу, не снимая шапки; онъ становится на правое колено, прикладываетъ

¹ Иллмась, «Nachrichten über die mong. Völkerschaften», B. II, S. 191.

пальцы ко лбу, и проговоривъ привѣтствіе, придвигаетъ отцу правое плечо; отецъ прикасается къ этому плечу рукой и въ-заключеніе цалуется съ сыномъ.

У степныхъ Калмыковъ, незнакомыхъ между собою, нѣтъ кореннаго обыкновенія пожимать другъ-другу руки; но во-время Цаганъ-Сара принято уже, чтобы встрѣтившіеся вмѣстѣ, хотя бы и незнакомые, отдали другъ-другу честь: приложившись пальцами ко лбу, взялись бы за руки, на татарскій манеръ, обыми руками, и привѣтствовали бы одинъ другаго фразой «мендѣ», то есть, будь здоровъ.

Второе годовое празднество есть «Зулá», отправляемое всегда 24 числа мѣсяца «Баръ-саръ» и приходящееся около конца нашего ноября². Въ это торжество Калмыки празднуютъ начало зимы и день ихъ новаго-года.

Зулá тѣмъ особенно для насъ замѣчательно, что въ этотъ именно день всѣ Калмыки вспоминаютъ день своего рожденія: если у Калмыка родился сынъ за недѣлю до Зулá, то съ дня Зулá ему считается уже второй годъ отъ рожденія, въ будущую Зулá ему будетъ считаться два года третій, и такъ далѣе.

Религіозное чествованіе Зулá начинается съ вечера, на открытой степи, на которой, близъ хурула, разставляется огромный столъ. Каждый Калмыкъ является сюда изъ своей кибитки, приносить съ собою приготовленную изъ тѣста чашечку съ топленнымъ коровьимъ масломъ и съ фитилемъ и ставитъ ее на столъ.

Въ хурулѣ между-тѣмъ происходитъ богослуженіе; когда гелюнги выйдутъ оттуда, и нося бурхановъ, станутъ обходить кибитки съ пѣніемъ, при громогласныхъ звукахъ музыки, народъ преклоняется передъ бурханами, каждый зажигаетъ свою чашечку и снова начинаетъ молиться.

Для этого вечера устраивается торжественная иллюминація; всѣ хурулы отъ верху до низу, изнутри и снаружи, горятъ въ огнѣ: бѣдные Калмыки просовываютъ черезъ цагрыкъ длинные шесты и привѣшиваютъ на нихъ нарочно для того приготовленные изъ тѣста чашки, въ которыхъ горитъ топленое коровье масло. У богатыхъ всѣ кибитки точно облиты потоками свѣта.

По окончаніи богослуженія, народъ расходится по знакомымъ и всѣ поздравляютъ другъ-друга съ новымъ-годомъ.

Въ этотъ день у Калмыковъ происходятъ выборы изъ гелюнговъ

² Палласъ, *ibid.* II, 203.

нового «гебкё»: сангъ, весьма уважаемый народомъ. Послѣ выборовъ слѣдуютъ особыя религіозныя церемоніи, и празднество заключается общимъ весельемъ, при которомъ ни скачки, ни борьба не приняты обычаемъ.

Третье празднество, совершаемое девятнадцатаго числа мѣсяца «Юрюсь-Сара» и бывающее около первыхъ чиселъ іюня, носитъ названіе «Юрюсь»³; здѣсь народъ празднуетъ благополучное окончаніе зимы и счастливый переходъ на лѣтнее кочевье; это празднество болѣе народное, чѣмъ религіозное.

Намъ случилось лично быть на этомъ празднествѣ, и потому передаемъ то, что сами видѣли.

На обширной мѣстности Ордингинъ-декё разбито было ёргё, или главная ставка хошоутовскаго улуса.

Среди ставки разставлены были семь большихъ хурульныхъ кибитокъ, покрытыхъ бѣлыми какъ снѣгъ кошмами; всѣ онѣ были убраны «лаври», подъ навѣсомъ которыхъ разставлены были бурханы и развѣшаны изображенія шутёновъ, но средняя кибитка была огромнѣе и украшена великолѣпнѣе прочихъ. Двери хурульныхъ кибитокъ обращены были къ востоку. Невдалекѣ былъ разбитъ огромный шатеръ, или палатка, сдѣланная изъ «канифасу», какъ въ Низовомъ-краѣ называютъ обыкновенно парусное полотно. Въ предшествовавшее празднеству дни молящіеся гелюнгы находили въ ней защиту отъ знойныхъ лучей солнца, но въ этотъ день она была переставлена на степь позади хурульныхъ кибитокъ и предназначена для сборища лучшихъ людей изъ народа.

Передъ кибитками, въ которыхъ размѣщался хурулъ, разбито было нѣсколько рядовъ другихъ кибитокъ, полукругомъ и лицомъ къ хуруламъ. Въ первомъ ряду, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ хуруловъ, разставлены были кибитки гелюнговъ, во второмъ гецюлей и манжиковъ; за ними, еще глубже въ степь, стояли кибитки зайсанговъ, а позади ихъ нѣсколько рядовъ кибитокъ простонародья.

Съ противоположной стороны ряда хурульныхъ кибитокъ, противъ главнаго хурула, стояла пустая кибитка покойнаго владѣльца, лицомъ къ хурулу, а позади ея, и нѣсколько восторону — кибитка его супруги, матери нынѣшняго владѣльца. Почти рядомъ съ нею, съ одной стороны разбита кибитка самого владѣльца, которую мож-

³ Палласъ, *ibid.* II, 198.

но было признать по водруженному въ песокъ у дверей ея копыю, а по другую сторону — кибитка его дяди.

Мнѣ объяснили необходимость этого числа почетныхъ кибитокъ тѣмъ, что настоящій владѣлецъ, служившій нѣсколько лѣтъ въ гвардіи и уже давно не юношескихъ лѣтъ мужчина, не управляетъ улусомъ непосредственно самъ, потому-что ему не успѣли еще передать улусъ, находившійся прежде, за малолѣтствомъ его, подъ опекою дяди.

Кибитку дяди, нынѣшняго «правителя» улуса, нельзя было выдвигнуть впередъ, потому-что онъ хотъ и нойонъ, но не «владѣлецъ», а такъ-какъ улусъ находился въ непосредственной его зависимости, то нельзя было отдать предпочтенія и кибиткѣ настоящаго владѣльца. Впередѣ всѣхъ кибитокъ поставили кибитку прежняго владѣльца, въ увѣренности, что душа его, разставшаяся съ тѣломъ, приметъ участіе въ общемъ веселіи и радости. Но такъ-какъ въ семьѣ хонгутовскихъ нойоновъ право старшинства принадлежитъ супругѣ покойника, донинѣ еще здравствующей, хотя при празднествѣ и неприсутствовавшей, то народъ, воспользовавшись этимъ предлогомъ, чтобъ согласить свои выгоды въ отношеніи дяди и племянника, не оскорбить «владѣльца» и не возбудить противъ себя «правителя», приготовилъ все нужное для празднованія въ кибиткѣ старой княгини.

Позади этихъ четырехъ почетныхъ кибитокъ стояли кибитки для гостей-посѣтителей, далѣе за ними помѣщались кѣтѣчинеры, а у самаго берега Ашулука раскинуты были кибитки подкочевавшихъ къ празднику простыхъ Калмыковъ.

Кибитка отсутствовавшей княгини была убрана точно такъ, какъ обыкновенно убираются большія-кибитки каждой калмыцкой семьи, только всѣ принадлежности ея были сдѣланы красивѣе, роскошнѣе и съ особеннымъ изяществомъ. Кромѣ-того, вблизи большаго-барана утверждено было зеленѣющее дерево, эмблема отраднаго лѣта; дерево было обвернуто по вѣтвямъ чистой бѣлой овчиной, въ знакъ общаго желанія объ умноженіи улуснаго скотоводства для благополучія народа, и заплетено разноцвѣтными лентами и тесьмами, во изъясненіе общей радости. Дерево это, послѣ праздника, даже когда народъ покинетъ мѣсто стоянки, нигде не выкидываютъ; когда снимутъ кибитку, оно остается въ стѣнѣ на прежнемъ мѣстѣ.

Утромъ 7 іюня 1851 года, на самомъ разсвѣтѣ, по стѣнѣ раздал-

ся заунывный звукъ священной раковины и началось моленіе гелюнговъ въ хурулъ о томъ, чтобы бурханъ-бакши излилъ свои милости на улусное скотоводство. Въ это время къ хурулу подогнали огромный табунъ въ нѣсколько тысячъ лошадей; гелюнги вышли изъ хурула на степь, приблизились къ животнымъ, и одинъ изъ очередныхъ гелюнговъ сталъ ихъ опрыскивать смѣсью топленнаго масла и молока. По окончаніи этого обряда, продолжавшагося неочень долго, гелюнги, безъ пѣнія и безъ торжественныхъ одеждъ, обошли вокругъ хурульныхъ кибитокъ и разошлись по домамъ; лошадей послѣ того погнали на пастбища.

Между-тѣмъ народъ, въ праздничныхъ одеждахъ, двинулся къ владѣтельской кибиткѣ. Одинъ изъ кѣтѣчинеровъ, княжескихъ табунщиковъ, стоитъ внѣ кибитки и держитъ родъ таза съ жидкостью изъ масла и молока; другой табунщикъ стоитъ внутри кибитки у самаго порога, черпаетъ у него эту жидкость маленькой чашкой, и высунувъ руку изъ кибитки, старается такъ выплеснуть изъ чашки къ верху, чтобы брызги, понавъ въ верхнее отверстіе кибитки, въ цагрыкъ, оросили бы всю внутренность шатра и водруженное въ ней дерево. Эта операція повторяется нѣсколько разъ сряду.

Этимъ обрядъ и кончился; но самое празднество только что начиналось. Прежде всего появились передъ особой владѣльца семейные Калмыки; они принесли ему свои посильныя приношенія, состоявшія въ небольшихъ бурдюкахъ или арзы, или кумыза, и въ сосудахъ съ варенымъ кирпичнымъ чаемъ; изъяснивъ ему пожеланія, чтобы Богъ далъ ему въ радости другой разъ дождаться такого же праздника, они ставили свое дееджі передъ кибиткою, а сами уходили къ сторонкѣ; послѣ чего имъ роздано было отъ владѣльца по чашкѣ арзы и, въ видѣ закуски, по куску мяса. Къ пяти часамъ утра все это кончилось.

Послѣ того, владѣлецъ послалъ кѣтѣчинера къ гелюнгамъ съ приглашеніемъ къ себѣ въ гости; они собрались къ нему въ шесть часовъ утра, и въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ были у него угощаемы завтракомъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домбо кирпичнаго чаю и безчисленнаго множества блюдъ съ боорцукъ-цельвикомъ, мошкоморами и съ медовыми леденцами.

Около полуденъ было угощеніе для цѣлаго народа: Калмыки, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, разсѣлись на открытой степи

далеко растянутыми линиями; каждый изъ нихъ разстилалъ передъ собою носовой платокъ и раскладывалъ на немъ куски разносимаго кѣтчинерами разварнаго мяса и боорцука; въ отдельной кибиткѣ заданъ былъ для гелюнговъ роскошный, въ калмыцкомъ родѣ, обѣдъ. Гости выпили нѣсколько бочекъ вина, нѣсколько десятковъ бортого арзы и цѣлое море кирпичнаго чаю, кумызу и арьяну.

Лучшими эпизодами этого дня была скачка, ловъ нѣуковъ и, особенно, единоборство, о которыхъ мы распространимся далѣе.

Въ статьѣ о свадебныхъ обрядахъ, мы упомянули о «галтеахó».

«Галтеахó», или жертвоприношеніе солнцу, совершается вечеромъ 11 числа мѣсяца «Хулгуна», что по нашему календарю приходится въ концѣ сентября, или въ началѣ октября мѣсяца, въ то время, когда Калмыки совершенно уже переключаются на зимовки; самое празднество называется «Галтейлыгынъ». Вотъ что рассказываютъ сами Калмыки объ этомъ обрядѣ.

Калмыки почитаютъ небо, солнце и луну за особенные дары милосердія къ людямъ Бурхана-бакшй, Творца міра. Солнце оплодотворяетъ и живетъ землею; оно источникъ всего, что для благоденствія чловѣка нужно: быть къ нему неблагодарнымъ невозможно — и потому нужно придумать что-нибудь для выраженія ему чувствъ всегашней къ нему признательности. Но само солнышко отъ насъ далеко; видимый знакъ его, могущій быть въ распоряженіи чловѣка — это огонь; и огню, какъ эмблемѣ солнца, Калмыкъ приносить жертву отъ своихъ недостатковъ.

Для этого, въ каждой семьѣ рѣжутъ лучшаго барана и, при собравшіхъ ближайшихъ родственникахъ, варятъ его, въ кибиткѣ главы семейства, въ большомъ котлѣ. Когда мясо поспѣетъ, то домохозяцы, помолившись, раздѣляютъ его на части; потомъ обращаются лицомъ къ бурханамъ и одну часть барана сжигаютъ, совершенно безъ остатка, на томъ же кострѣ, на которомъ варили мясо. Остальныя части раздаются членамъ семьи, изъ которыхъ каждый первый свой кусъ приносить въ жертву бурханамъ и возлагаетъ на дееджинъ-цѣкцó.

Остатки жертвеннаго мяса съдаются только родственниками и однохотонниками: съ постороннимъ чловѣкомъ, хотя бы и Калмыкомъ, имъ не дѣлятся.

Каждая частица жертвы, поверженной на дееджинъ-цѣкцó, къ ве-

черу, по обыкновению, снимается, крошится на маленькіе кусочки и съдается въ семьѣ.

При празднованіи «галтейлгыгъ» совершаются особеннаго рода обряды, о которыхъ мы ничего сообщить не можемъ.

Галтеахó, какъ мы уже имѣли случай прежде замѣтить, кромѣ праздника въ мѣсяцъ Хулгуна, совершается еще при свадьбахъ: сначала въ хотонѣ невесты, ея родителями, а потомъ въ хотонѣ молодого, старшими въ его семьѣ.

Бываетъ еще одинаковой торжественности празднество, совершаемое по поводу жертвоприношенія вода. Калмыки его называютъ «Усу-такху». Оно производится въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ селѣцѣ Тимѣневкѣ, на островѣ, образуемомъ ѣриками и западною своею стороною примыкающемъ къ Волгѣ.

За нѣсколько недѣль до праздника «Усу-такху», именно въ послѣднихъ числахъ августа, при рѣкѣ происходитъ торжественное религиозное служеніе, называемое «Усунъ-Аршанъ»⁴, послѣ котораго каждый добрый Калмыкъ приходитъ на берегъ, дѣлаетъ три земные поклона, зачерпываетъ пригоршней изъ рѣки воду и вкушаетъ ее.

Подъ тотъ же разрядъ торжественныхъ богослуженій надо отнести и молитвословіе, совершаемое для умилостивленія высшаго существа при какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ, напримѣръ особенно-губительныхъ болѣзняхъ, моровыхъ язвахъ или другихъ тяжелыхъ народныхъ бѣдствій (скотскій падежъ сюда не относится). Это Калмыки называютъ «Йемергюлькѣ». Совершая при этихъ случаяхъ служенія, гелюнгы выносятъ изъ хурула бурхановъ и съ пѣніемъ и музыкой обносятъ ихъ кругомъ ставки.

Всѣ поименованныя выше моленія совершаются безъ ущерба кармакамъ моельщиковъ, безъ особенной платы гелюнгамъ; но еслибъ частный человѣкъ пожелалъ отпраздновать праздникъ у себя въ хотонѣ, онъ можетъ пригласить къ себѣ гелюнговъ по своему усмотрѣнію, даже перевезти въ хотонъ, на время моленія, цѣлый хурулъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ и всѣ издержки принять на себя и сдѣлать каждому жрецу приличное вознагражденіе.

Если войти внутрь хурула, или выстроеннаго особымъ зданіемъ, или помѣщеннаго въ кибиткѣ, то убранство его представляется въ слѣдующемъ видѣ.

⁴ Палласъ, «Nachrichten üb. d. mong. Völk.» B. II, S. 203.

Прямо противъ входа стоитъ столикъ съ лѣтними изображеніями бурхановъ, а предъ ними, на столикъ, серебряныя чашечки съ жертвенными куреніями и жертвоприношеніями; въ разныхъ мѣстахъ, на столикъ же, помѣщены живые или высушенные цвѣты и павлинныя перья⁴.

Около бурхановъ развѣшаны живописныя изображенія изъ буддйской мифологіи. Сверху надъ бурханами опущенъ небольшой роскошно-убранный пологъ и развѣшаны разноцвѣтныя матеріи въ видѣ занавѣсовъ. Разумѣется, въ хуральныхъ кибиткахъ убранство хотя и роскошно, однакожь далеко уступаетъ возможному въ степи великолѣвію не походнаго, а однажды навсегда выстроеннаго капища, какковы, напримѣръ, на Калмыцкомъ-Базарѣ, или въ о. Тюменовкѣ.

У входа въ кибитку, съ правой стороны у дверей, мѣсто гебкѣ, наблюдающаго за порядкомъ, подающаго знакъ къ моленіямъ и начинающаго каждое пѣніе, за которымъ слѣдуютъ уже остальные гелюнгы.

Вдоль кибитки, отъ дверей до бурханнаго столика, разстилаются двѣ узкія полосы ковровъ, служащихъ для возсѣданія гелюнговъ, передъ которыми стоятъ длинныя, но низкіе и узкіе столы, для возложенія на нихъ музыкальныхъ инструментовъ и книгъ.

Гелюнгы садятся на свои мѣста двумя продольными линіями и моленіе свое совершаютъ или однимъ пѣніемъ, или пѣніемъ, сопровождающимся цѣлымъ оркестромъ разнородныхъ инструментовъ.

Гелюнгы одѣваются въ желтыя или красныя полукафтаны, сверху которыхъ накидываютъ красныя мантии. На выбритыхъ до-гола головахъ они обыкновенно носятъ низенькія шапки, въ родѣ токовъ съ коротенькими полями; верхъ у шапки желтый, подбой полей—красный. Въ хурулахъ шапки эти непременно снимаются. Кроме длиннаго, почти до пятъ, полукафтаны, гелюнгы никакого нижняго платья не носятъ.

При торжественномъ богослуженіи, гелюнгы надѣваютъ высокіе желтые и надвинутые напередъ шерстяные калпаки, по формѣ имѣющіе нѣкоторое сходство съ башлыками нашихъ горцевъ и бедуиновъ, только безъ нижнихъ лопастей; задъ у шапки, по шву, оторачивается во всю длину краснымъ шерстянымъ гребнемъ. Въ такой шапкѣ всегда бываетъ гебкѣ, надѣвающій, кромѣ-того, на себя длинную красную мантию, поверхъ которой, съ праваго плеча, спускается длинная узкая лента, черезъ всю спину, до самаго пола.

Гелюнгы, иногда, вмѣсто гребневыхъ шапокъ, надѣваютъ на себя

⁴ Палласъ, *ibid.*, II, 152.

особаго вида богато-украшенные повязки, нѣсколько схожія съ кошинниками, но складные на пять частей. Къ повязкамъ этимъ, обхватывающимъ голову отъ самаго лба до затылка, съ внутренней стороны прикрѣпляется особый парикъ, сдѣланный изъ конскихъ волосъ, которые спускаются на спину гелюнга, заплетенные косою

Жрецы сидятъ въ хурулѣ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, которое сохраняетъ и каждый изъ молящихся.

Въ хурулѣ никто не можетъ войти съ лѣвой стороны, но долженъ обойти всѣ хурульные кибитки кругомъ, отъ лѣвой стороны къ правой, и достигнувъ дверей главной кибитки съ правой стороны, снять шапку, сдѣлать земной поклонъ, воздвѣ руки къ небу и прикоснувшись ими до земли, потомъ дотронуться до верхней перекладины у двери и тогда уже, съ непокровенной головой, переступить порогъ. Калмыки молятся въ хурулѣ стоя и дѣлая по временамъ земные поклоны. Изъ хурула выходятъ обратившись лицомъ къ бурханному столу, а отнюдь не тыломъ. Калмыки съ радушіемъ и весьма охотно дозволяютъ постороннимъ удовлетворять любопытство, касательно осмотра ихъ кумиренъ и присутствованія при богослуженіи.

Въ жертву бурханамъ дозволяется приносить все, кромѣ конины и вина; но всѣ поступающіе бурханамъ припасы, чай, масло, молоко, обыкновенное и въ родѣ сметаны, вареное мясо, шюйрмыкъ и прочее, простоявъ передъ бурханами определенное время, поступаютъ въ дѣлежку жрецамъ, которые ихъ и пожираютъ.

ХVIII.

Музыка, пѣніе, танцы, пѣсни, сказки.

Музыка у Калмыковъ двоякая — духовная и домашняя.

Инструменты, употребляемые въ хурулахъ, при богослуженіи, суть: 1) раковина, изъ которой гелюнгъ выдуваетъ только одну ноту; 2) колокольчики, 3) мѣдные тарелки, 4) небольшого размѣра духовые инструменты, мѣдные трубы и рога, 5) огромныя длинныя мѣдныя трубы и 6) ручныя литавры, которыя прикрѣпляютъ къ небольшому упирающемуся въ землю шесту и въ которыя колотятъ закрѣпленною барабанною палкою, имѣющею форму вопросительнаго знака.

Этотъ оркестръ довольно оглушительнъ, когда гелюнги, сопровождая своему пѣнію, не соблюдая постепеннаго crescendo, вдругъ перейдутъ въ fortissimo; но вообще говоря, онъ нелишенъ нѣкоторой пріятности, хотя на первый разъ дѣйствительно и поразителенъ, по дикости звуковъ.

Гелюнги не всегда однако жъ поютъ вмѣстѣ съ оркестромъ; есть много случаевъ, когда ни трубы, ни литавры вовсе не употребляются. Гелюнги поютъ унисонныя партіи довольно согласно, и обладающіе надъ цѣлымъ хоромъ басы придаютъ пѣнію ихъ особенную торжественность.

Гелюнги учатся пѣть по нотамъ, которыя пишутся у нихъ особыми условными знаками, въ родъ старинныхъ нашихъ настоящихъ крюковыхъ нотъ. Въ пѣніи ихъ многое оскорбительно для уха, привыкшаго къ европейской музыкѣ, и оскорбительно именно въ отношеніи инструментовки; что жъ касается до самой мелодіи, то есть вещи совершенно безцвѣтныя, но зато есть и такія пѣсы, которыя исполнены замѣчательныхъ красотъ и проникнуты торжественною простотою. Нечего и говорить, что обработанныхъ голосовъ и того искусства, какое существуетъ у насъ, мы напрасно стали бы искать у калмыцкихъ хористовъ: понятіе объ изящномъ у нихъ свое, особенное.

Инструменты, употребляемые Калмыками въ домашнемъ быту, суть: 1) обыкновенная двухструнная балалайка, «думбуръ»; 2) инструментъ, нѣсколько схожій съ нашею скрипкою, и называемый «хуръ»,

на которомъ играютъ посредствомъ смычка же, 3) «Ятга», гусли съ металлическими струнами, расположенными каждая на особой подставкѣ; у этого инструмента нѣтъ ни ладовъ, ни колковъ для натягиванія струнъ, которые музыкантъ перебираетъ пальцами, вооружаемыми особенными стальными зацѣпками.

Пѣніе народныхъ пѣсень у Калмыковъ чрезвычайно непріятно, во-первыхъ потому, что мелодія и своеобразный темпъ ихъ напѣвовъ не такого рода, чтобы могли нравиться не-Калмыку, а во-вторыхъ и потому, что Калмыки поютъ безъ всякаго склада, всѣ врозь: пѣть пѣсни они большіе охотники, но къ доброгласію и гармоніи не имѣютъ рѣшительно никакого уваженія. Но все-таки нельзя не сказать, что намъ доводилось слышать пѣсенки съ очень миленькимъ мотивомъ. Не будучи спеціальными знатоками этого дѣла, мы считаемъ себя неправъ много распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ.

Въ калмыцкой пляскѣ принимаютъ участіе и мужчины и женщины; пляшутъ поочередно, или одинъ мужчина, или одна женщина, или оба вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ они за руки не берутся, а каждый занимается своимъ дѣломъ самъ по себѣ.

Позы и движенія танцующихъ одинаковы, какъ у мужчины, такъ и у женщины, съ тою разницею, что женщина танцуетъ медленнѣе, чѣмъ мужчина. Пляска ея состоитъ изъ легкихъ, плавныхъ движеній и разныхъ жестовъ, выражающихъ обращеніе къ степи, восхищеніе красотою природы, и выжиданіе дорогаго гостя. Мужчины танцуютъ удалѣе, движенія ихъ быстры; легкое подергиваніе плечами, размахиваніе руками и едва замѣтное нереступаніе съ одного мѣста на другое прерывается быстрымъ поворотомъ въ противоположную сторону, подбочиваньемъ и горделивымъ озираніемъ присутствующихъ. Отличіе калмыцкой пляски отъ плясокъ другихъ кочевыхъ племенъ заключается въ томъ, что у Калмыковъ допускается родъ виртуозовъ, или быстрыхъ повертываній, чего ни у Татаръ, ни у Киргизовъ не бываетъ, что участіе женщины придаетъ всѣмъ движеніямъ танцующихъ особенную граціозность, и что вообще въ этой пляскѣ есть доступное для пониманія постороннимъ значеніе, тогда какъ при наблюденіи за скачками Башкирцевъ и Киргизовъ нельзя добиться толку, изъ-за чего человекъ хлопочетъ, стараясь разными кривляньями стряхнуть съ себя невоворотливость и неуклюжесть. Эту

особенность некоторые Калмыки успели частью усвоить и себя, от близкаго соседства съ мухаммеданами.

Пѣсни у Калмыковъ вертятся около одного предмета — обширной степи, статнаго коня и милаго юноши. Иногда въ пѣсняхъ вовсе не говорится о человѣкѣ прямо, но воспѣвается одинъ конь, съ прибавкою, что онъ былъ съ такимъ-то тавромъ; это уже служитъ намекомъ и на члвкъ, и на родъ, а иногда и на самое лицо героя пѣсни. Калмыки мастера импровизировать, и поэтому вѣчно поютъ пѣсни собственнаго сочиненія, неслишкомъ заботясь ни о формѣ, ни о содержаніи, а довольствуясь только тѣмъ, что есть что промурлыкать отъ скуки.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ давнихъ калмыцкихъ пѣсень; буквальный переводъ ея сдѣланъ однимъ астраханскимъ старикомъ мѣщаниномъ, совершенно окалмычившимся, вслѣдствіе постоянного жительства въ улусъ.

«Бѣдутъ степью парень съ дѣвкой, оба стрѣлой мчатся на уда-
«лыхъ коняхъ. Дѣвка хвалитъ коня, проситъ: конь ты мой гнѣдой,
«дорогой мой, милый! вытянись въ рукавъ, прибавь бѣгу, мчись
«быстрѣй, донеси меня къ хотону до заката солнца.»

«Молодецъ коня ласкаетъ, гладитъ его, хвалитъ: рѣзвый конь
«мой, бѣлый конь мой, не пряди ушами, ничего не бойся; полети
«стрѣлой летучей, догони дѣвицу; загони ее для шутки къ дрему-
«чему лѣсу на рѣкъ Иргизъ.»

У Калмыковъ есть еще цѣлая поэма, называемая «джангеръ», слагаемая изъ нѣсколькихъ большихъ пѣсень, изъ которыхъ каждая представляетъ отдельное цѣлое. Онѣ бываютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что на пересказъ ихъ надо употребить нѣсколько сутокъ. Джангеры сохраняются не на письмѣ, а передаются пѣвцами изъ рода въ родъ, въ потомство, изустно. Ихъ или распѣваютъ, сопровождая слова аккомпанементомъ балалайки или гуслей, или рассказываютъ просто, какъ исторію. Въ первомъ случаѣ пѣвцы называются «джангерчи», а простые рассказчики именуются «туульчи». И джангерчи и туульчи суть странствующие поэты, пожилые люди, скитающіеся изъ улуса въ-улусъ и передающіе свои сказанія богатымъ людямъ, по вечерамъ, и зимой и лѣтомъ.

Въ бытность мою у Калмыковъ, мнѣ не удалось удовлетворить необходимости записать эти джангеры, потому-что въ это время не

было въ томъ мѣстѣ, гдѣ я жилъ, ни одного странствующаго поэта, а незнаніе языка и безъ того лишило меня возможности хорошо усвоить себѣ калмыцкія поэмы, тѣмъ болѣе, что приглашенный мною переводчикъ не вполне соответствовалъ условіямъ, необходимымъ при занятіяхъ такого рода. Известно впрочемъ, что лучшіе знатоки всего касающагося до быта Калмыковъ, профессора казанскаго университета, г. г. Ковалевскій и Поповъ, имѣютъ уже у себя писанные джангеры. Въ одномъ изъ джангеровъ передаются сказанія о томъ, какъ Хо-Урлюкъ посылалъ соглядатаевъ и передовыхъ для рекогносцировки мѣстностей по рѣкамъ Эмбѣ, Яику Волгѣ, и какъ Калмыки изъ-за Алтая сюда перекочевывали ¹.

Къ произведеніямъ калмыцкаго воображенія надо отнести, кромѣ джангеровъ, и сказки негероическаго содержанія.

¹ Эти соглядаты вѣдѣлись не у однихъ Калмыковъ, но были и у Киргизовъ; при перекочевкахъ сихъ послѣднихъ донынѣ употребляются передовые дозорщики. И наши крестьяне, когда задумаютъ переселиться въ многоземельныя губерніи, тоже предварительно посылаютъ отъ себя агентовъ, для осмотра мѣстностей и всѣхъ угодій.

ХІХ.

Игры.

У Калмыковъ игры бываютъ или такія, которыми забавляются круглый годъ, или такія, которыя присвоены опредѣленному времени года, напримѣръ веснѣ, лѣту, или, наконецъ, такія, въ которыя играютъ при извѣстныхъ только случаяхъ, каковы напримѣръ свадебныя.

Собственно весеннихъ игоръ только двѣ:

1) «Саахѣ-кюрюгюкѣ» или «игра дойными овцами». Въ эту игру играютъ въ то время, какъ только сойдетъ снѣгъ, станетъ пробиваться первая зелень, Калмыки начнутъ трогаться съ зимняго кочевья, и настанетъ время донить овецъ.

Когда Калмыкъ одного хотѣна прослышитъ, что сосѣдъ его изъ другаго, ближняго хотѣна началъ донить овецъ, то прѣзжаетъ къ нему въ гости и, въ извѣстныхъ фразахъ, поздравляетъ его съ благополучнымъ увеличеніемъ его скотоводнаго хозяйства. Эта форменность, по народнымъ обычаямъ, должна служить извѣщеніемъ, что поздравитель съ этого же дня самъ начнетъ донить овецъ и что онъ вызываетъ своего пріятеля сыграть съ нимъ въ «саахѣ-кюрюгюкѣ».

Игра состоитъ въ томъ, чтобъ перемѣнять своихъ овецъ съ чужими, то-есть загнать своихъ дойныхъ овецъ въ чужое стадо дойныхъ же овецъ, или, другими словами, одурачить пріятеля, доказавъ на дѣлѣ его недалекость и нехозяйственность.

Чтобъ понять все остроуміе этой игры и трудность главной задачи, надобно замѣтить, что завладѣть чужими овцами на степи, при колодцахъ, во-время пастбища, нѣтъ никакой возможности: каждый пастухъ зорко караулитъ свое стадо, а предоувѣдомленный о шуткѣ хозяинъ и еще того больше блюдетъ за каждымъ шагомъ овецъ, следовательно, скрыть свои маневры противъ него—играющему нельзя.

Всѣ овцы, какъ мы еще сначала замѣтили, на ночь загоняются въ хотѣнъ и тамъ запираются, а дойныя, требующія за собою больше дѣятельнаго ухода и призора, помѣщаются въ особомъ отдѣленіи общаго хотѣна. Следовательно, и тутъ очень трудно хозяйничать въ чужомъ дому и дѣлать съ овцами что нужно, тѣмъ болѣе, что все это должно произойти почти подъ самымъ ухомъ Калмыка—

сосѣда, поелику загонѣ, если читатель припомнить, огибаѣтъ кибитку особой рѣшоткой, которая, начинаясь отъ дверей ея, доходитъ до того мѣста, гдѣ, внутри кибитки, стоитъ калмыцкая кровать.

Смѣщеніе своихъ овецъ съ чужими игрокъ производитъ глухою ночью, въ надеждѣ на собственное искусство и на сонливость противника. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ снять «шитымъ», то есть рѣшотку, у того мѣста общей изгороди хотѣна, гдѣ помѣщены у сосѣда дойныя овцы, не выпустить ихъ вонъ, и вогнать къ нимъ нѣсколько головъ своихъ дойныхъ овецъ.

Если хозяинъ не спитъ, то схватываетъ непріятеля и наказываетъ тѣмъ, что, посадивъ его на лошадь, лицомъ къ хвосту, везетъ его съ безчестіемъ восвояси, а на слѣдующій день беретъ съ него, къ магарычи, маленькое угощеніе.

Если же хозяинъ проспитъ, то успѣвшій сыграть съ нимъ шутку, задѣлываетъ рѣшотку попрежнему, скрывается, и назавтра, явившись къ нему днемъ, указываетъ ему на своихъ овецъ, которыхъ тотъ, при спѣшности дѣла и по случаю водопойныхъ трудовъ для табуна, не успѣлъ запримѣтить, доказываетъ этимъ свой выигрышъ, и затѣмъ весь дойный скотъ, и свой и своего противника, угоняетъ къ себѣ.

Проигравшій хозяинъ идетъ къ нему съ повинной головой и выкупаетъ свое добро разными подарками и пріятельскимъ угощеніемъ.

Эта игра самая любимая въ народѣ и совершенно выражаетъ собою его изклонности; въ ней принимаютъ участіе не молодежь, но Калмыки, достигшіе уже солидныхъ лѣтъ.

2) «Цаганъ-наадынъ» или «Цаганъ-мѣдунъ», «бѣлая игра».

Весной, когда скотъ линяетъ, собирается народъ, молодые мужчины, дѣвушки и молодыя женщины, и раздѣляются на двѣ партіи, каждая подъ предводительствомъ особаго старшаго. Предводители эти навертываютъ вылезшую изъ коровъ, и вепремѣнно бѣлую, шерсть на камышекъ и дѣлаютъ мячъ; потомъ алычками, бабками, бросаютъ жеребій, кому первому бросать мячикъ?

Въ эту игру играютъ въ лунныя ночи, и партіи раздѣляются поровну: напримѣръ, въ одной шесть мужчинъ и шесть женщинъ, столько же того и другаго пола набирается и для другой партіи.

Мячъ, въ виду всѣхъ, закидываютъ въ степь, и противная партія

кидается его отыскивать. Если кто-нибудь одинъ найдетъ мячъ, то онъ составляетъ выигрышъ цѣлой партіи, которая съ торжествомъ возвращается на мѣсто; но прежде-чѣмъ она дойдетъ до известной черты, составляющей границу полного пользованія правами выигрыша, противная партія кидается на первую, и не зная, у кого мячикъ въ рукахъ, старается отыскать и отнять его. Мужчины бросаются на женщинъ, женщины на мужчинъ, другъ-друга ошариваютъ, другъ у друга отнимаютъ ожидаемую находку — хохотъ и веселые крики не унимаются ни на минуту. Чтобы которая-нибудь партія осталась полною побѣдительницею, нужно, чтобы она шесть разъ сряду отыскала мячъ и удержала его въ своемъ владѣніи.

Выигрышные призы назначаются заранее и состоятъ или изъ рѣзанной кобылы, или изъ десятка барановъ, или полубоченка вина: проигрышъ строго взыскивается и весело дѣлится за общей трапезой побѣдителей.

Игра эта продолжается цѣлую ночь; иногда въ ней участвуетъ чуть не цѣлый улусъ; на угощеніе съѣзжаются гости верстъ за пятьдесятъ; охотниковъ поиграть въ эту старинную національную калмыцкую игру стекается множество, какъ по-повѣду веселой пирюшки, которою игра заканчивается, такъ и потому особенно, что тутъ молодымъ людямъ предоставляется полное удобство разыграть, можетъ-быть, давно начатый романъ какою-нибудь развязкою. Въ то время, когда мячъ закинуть, партія разбивается и за мячикомъ бросаются все врознь.

Объ весеннихъ играхъ, здѣсь поименованныхъ, имѣютъ у Калмыковъ значеніе благодарственного веселія за благополучно-протекшую часть года.

Въ «Цаганъ-модунъ» играютъ иногда и осенью; тогда за недостаткомъ мягкой бѣлой шерсти, вмѣсто мячика, употребляютъ небольшой обрубокъ дерева, добыта очищеннаго отъ коры и грязи. Лунныя ночи избираются потому, что въ безлунныя — играть темно, а днемъ некогда: народу — не до игры.

Чисте-свадебныхъ игоръ только три: онѣ совершаются именно въ то время, когда, при возвращеніи новобрачныхъ въ хотѣнъ мужа, въ котлѣ варится баранъ, для совершенія «галтеахо», жертвоприношенія огню.

Первая игра состоитъ въ томъ, что овчину съ того барана,

который варится, слегка надрызываютъ съ одного края, просовываютъ подъ дверьми и тянутъ: молодые люди съ жениховой стороны въ одну сторону, а приглашенные невестой—въ другую; одна партія помъщается внутри кибитки, другая внѣ ея. Та сторона, которая надорветъ овчину, и отъ усилія при перетягиваніи попадаетъ на-земь — признается проигравшею и обязуется на слѣдующій день заплатить долгъ радуннымъ угощеніемъ выигравшей стороны.

Другая игра заключается въ томъ, что гости новобрачныхъ, раздѣлившись на двѣ партіи, партію молодого и партію молодой, выбираютъ себѣ въ представители ловкихъ молодцовъ, которые, бросивъ алычниками жеребій, кому начать, приступаютъ къ игрѣ. Берутъ баранью голову и норовятъ такъ ее вскинуть кверху, чтобъ голова эта, проскочивъ черезъ «цагрыкъ», вылетѣла вонъ изъ кибитки и упала бы у самыхъ дверей. Сначала бросаетъ одинъ выборный представитель, потомъ другой, и чередуются между-собой до-тѣхъ-поръ, пока удачный бросокъ котораго-нибудь изъ нихъ, не подкинетъ баранью голову черезъ верхнее отверстіе кибитки къ порогу дверей.

Третья игра такого же рода: въ ней нужно съ одного взмаха вырубить огнемъ огонь и зажечь трутъ. Кажется—и пустая штука: но или отъ торопливости, или отъ излишней заботливости и приравниванья оговъ не дается; хохоту и шуткамъ конца не бываетъ; всѣмъ весело — стало-быть, цѣль игры достигнута.

Обыкновенныя игры, которыми молодые люди забавляются летомъ — многочисленны; но такъ-какъ въ національныхъ играхъ выражаются самыя тонкія черты народнаго быта, то мы, вѣроятно, не злоупотребимъ вниманіе читателя, если ознакомимъ его съ тѣмъ, съ чѣмъ сами ознакомились.

1) «Кюпцѣкъ-хайха», «подушку бросать». — Эта игра состоитъ въ томъ, что собирается молодежь, и мужчины, и женщины, иногда человекъ сорокъ, садятся въ кружокъ, на открытой степи, другъ отъ друга на сажень — и перекидываютъ отъ одного къ другому съдѣльную кожаную подушку. Одинъ изъ участниковъ въ игрѣ, обходя цѣлый кругъ, долженъ ее поймать. Если онъ отниметъ ее у кого-нибудь изъ сидящихъ, то неумѣвшій крѣпко держать и выпустившій подушку изъ рукъ, долженъ занять его мѣсто и въ свою очередь ловить подушку. Стало-быть, это вѣчно въ родъ нашей «игры въ жгуты».

2) «Юргѣ-занхѣ», «рожу кривить». При этой игрѣ молодые люди садятся въ кружокъ, и соблюдая тишину, безмолвіе и серьезное выраженіе лица, должны по-очереди дѣлать подмаргиванье и разные гримасы. Тотъ, къ кому гримаса и подмаргиванье относятся, долженъ повторить на своемъ лицѣ ту же самую птукку, и обратившись къ третьему, подморгнуть ему глазомъ и скривить лицо: такъ игра отъ одного къ другому и передается. Кто разсмѣется — съ того берутъ фантъ, и фантъ этотъ, за каждое отдѣльное лицо, выкупается цѣлой партіей, на которыя всегда играющіе Калмыки дѣлятся. Выкупъ дѣлается не поцалуями, а питьемъ или яствами, или какой-нибудь забавной продѣлкой. Имена тѣхъ, кто проигрываетъ фантъ, записываются особо, для полного счета всѣхъ проигравшихъ и отдѣльных ихъ между-собой расчетовъ.

3) «Бисе-орхѣ» «кушакъ класть». Играющіе садятся въ пестрый кружокъ и прячутъ дѣвичій нанковый кушакъ: кто кушакъ отыщеть, тотъ заставляетъ виноватаго проговорить скороговоркой сказанныя имъ, тоже скороговоркой, слова. Несъумѣвшій три раза сряду повторить заданную фразу проигрываетъ фантъ, и кромѣ-того, лично подвергается наказанію: его крѣпко колотятъ скрученнымъ въ жгутъ кушакомъ, и общій хохотъ осмѣетъ того вдвое, кто скажетъ, что ему больно. Разумется, что во все продолженіе игры, смѣхъ и хохотъ не перестаютъ ни на минуту. Калмыцкія скороговорки сочиняются иногда нарочно досужими шалунами, и будучи, по большей части, букетомъ галиматіи и ахинѣн, имѣютъ претензію на остроуміе и ловкое двусмысліе, въ родъ каламбура.

4) «Бултыджѣ-наадхѣ», «прятки». Молодежь раздѣляется на двѣ смѣшанныя, но равныя партіи: одна прячется въ разсыпную, куда ни попадо, и около худуковъ, и въ ложбинки, и въ ямины, скрывается между песчаными буграми, либо въ густую траву; другая партія, тоже разбившись врознь, ищетъ ее, и въ свою очередь сама послѣ прячется.

5) «Орѣсъ-теке», «козелъ». Собирается молодежь въ степи, подальше отъ стариковъ, потому-что старики неблагопріятно на эту игру смотрятъ. Одинъ изъ участвующихъ беретъ въ руки балалайку и подъ звуки ея танцуетъ. Для «козла» сочинена особенная плясовая музыка, а самый танецъ представляетъ смѣсь смѣшныхъ скачковъ, забавныхъ тѣлодвиженій и уморительнаго гримасничанья.

Игра состоитъ въ томъ, что танцующій бодается, то-есть, колотитъ головой присутствующихъ и въ грудь, и въ спину, и куда пожелаетъ, чтобъ избавиться отъ его ударовъ, откупаются, отдавая плесуну шапку. Когда онъ шапки ото всѣхъ поотберетъ, то ставитъ ихъ передъ одною изъ участвующихъ въ игрѣ дѣвицъ и потомъ, вмѣстѣ съ нею, выбираетъ изъ фантовъ двѣ шапки, мужскую и женскую: чьи вынуты — тѣ должны три раза поцаловаться при всѣхъ въ губы. Нужно чмокнуться звонче — иначе поцалуй не поцалуй.

6) «Инеельдыкѣ», «смыннй», также, какъ и «орось-тѣкѣ», играется не при старикахъ, потому-что цель игры — тоже поцалуй. Цаловаться публично, при народѣ, у Калмыковъ считается за величайшій стыдъ, и если родители увидятъ подобное вѣжничанье, они, какъ говорится технически, «запорютъ плетью» и красавицу и юношу. Эти двѣ игры новѣйшаго изобретенія. Для игры «инеельдыкѣ», молодые люди собираются въ особую кибитку; мужчина, подъ музыку, отыскиваетъ кольцо, спрятанное женщиной, или наоборотъ; кто спрячетъ, тотъ и играетъ на балалайкѣ. Отыскавшій кольцо три раза цалуетъ прятальщика. Игра эта перенята отъ Русскихъ.

7) «Бильцыкъ-бултулхъ», «перстень прятать». Обѣ эти игры почти то же, что и наше «колечко» или «веревочка»; разница въ томъ, что у Калмыковъ кольцо прячутъ, не употребляя свурка, и что у нихъ, при этой игрѣ, нельзя ни разговаривать, ни гримасничать, ни улыбаться.

8) «Паганъ-теменъ» — игра ребятишекъ. Они становятся гуськомъ, держа другъ-друга за полы. На нихъ нападаетъ играющій и старается кого-нибудь поймать. Изловленный замѣняетъ того, кто его поймалъ. Передній въ общей линіи защищаетъ цѣлый рядъ отъ нападеній довольно-забавными маневрами.

9) Есть еще игра безъ названія, состоящая въ томъ, что вбиваютъ въ землю небольшой колышекъ и приглашаютъ около него кого-нибудь кружиться въ лѣвую сторону такимъ-образомъ, что держась за колышекъ правой рукой и, стало-быть, наклонившись къ нему, выважшійся долженъ лѣвой рукой схватить себя, изъ-подъ правой руки, за правое ухо. Если непривычный человекъ сдѣлаетъ только два поворота и потомъ, выпрямившись, захочетъ пройти прямо, то приливъ крови къ головѣ бываетъ такъ силенъ, что въ ушахъ звонитъ

отрашно, новичка танъ и начастъ изъ стороны въ сторону и онъ на третьемъ, много на четвертомъ шагу непременно свалится съ ногъ; а изъ Калмыковъ выдаются такіе мастера, что для нихъ и пять-шесть поворотовъ не закружатъ головы.

10) «Чагырдá», или наша чехардá есть старинная національная калмыцкая игра. Въ ней играющіе, одни взрослые мужчины, раздѣляются на двѣ стороны и играютъ на большіе выигрыши.

Калмыки научились играть и въ карты, и начало этой наукъ положено было первоначально въ мочагахъ, въ кочевьяхъ бѣднѣйшихъ калмыцкихъ семей; учителями явились ловцы, рыбаки, рыболовы «подрядные», то есть, работники нанятые на промысла и на ватаги, и «эмбенцы», то есть люди, для самихъ себя ловящіе рыбу въ тѣхъ частяхъ Каспійскаго-моря, которыя не составляютъ права собственности частныхъ людей.

Калмыки переняли отъ насъ слѣдующія игры.

1) «Горькѣ», или «гойрѣкѣ» — «горевать», есть русская «горка»: они играютъ ее въ четыре карты; перенявъ «хлюсть» и прочія тонкости этой игры, они, вѣроятно, не справились съ нѣкоторыми другими мудростями, и потому не знаютъ ни «бардадыма», ни «фальки».

2) «Харá алі цагáнтъ?» «чорная или бѣлая» — это нашъ «банкъ».

3) «Гурбунъ-цаасынъ», «три бумажки» — наши «три листа».

4) «Говдыкъ», «жадность», играется семью картами. Вся эти игры безкозырныя; изъ коммерческихъ игоръ Калмыкъ знаетъ только

5) «Марья» — старинный, забытый уже «марьяжъ».

Лучшею забавою и самою любимою игрой для всѣхъ Калмыковъ считается шахматная игра, называемая «шатыръ». Разница калмыцкаго шахмата отъ общепринятаго въ Европѣ состоитъ въ томъ, что кликомъ «шахъ!» остерегаютъ только хана; другимъ шапкамъ не говорятъ ничего. Слово «матъ» у Калмыковъ осталось неизмѣннымъ, а вмѣсто «шахъ!» они кричатъ «чит-ша!» Названія шапекъ слѣдующія: «ханъ»; «берьсынъ» — визирь; «темѣнъ», «верблюдъ» — то что у насъ слонъ; «тергінъ», по русски «обозъ» — наша лодка; «кюбюнъ», «мальчикъ», у насъ пѣшка. Въ отличіе отъ нашей игры, у Калмыковъ случается такъ, что если у одной стороны истребится вся сила и останется одинъ ханъ на полѣ — то игра все-таки продолжается. Если противникъ, преслѣдуя его, не захочетъ

сдвзлатъ прямаго «шахъ и матъ!» или, не сѣумѣвъ сдвзлатъ дѣла, съ горяча, не дастъ хану дороги и запретъ ему ходъ, то такая игра считается «игрой въ ничью» и называется «джитъ.»

«Наръ» есть игра въ которую играютъ мужчины двумя простыми деревянными кубиками на разлинованной доскѣ; она вовсе непохожа на наши шашки и имѣетъ свои особенности.

Въ одинаковой степени съ шахматомъ, Калмыки пристрастны и къ игрѣ въ кости, «шага», что Татары зовутъ «ашикъ», а Русскіе «альчики» или «лодыжки».

«Шага», «альчикъ» есть та кость, бабка, которая находится у барана въ сгибѣ задней ноги. Лодыжка лѣвой заднѣй ноги, удобная для тѣхъ игроковъ, у которыхъ лѣвая рука вѣрнѣе бросаетъ, чѣмъ правая, называется по-русски «лѣвшійкъ», а по калмыцки «альцы-барма»; въ противоположность ей «правійкъ» называется «та-барма»; объ безразлично именуются они «сахъ», «битка», а то, что у насъ называется «конъ» — по калмыцки «юрюкъ».

Въ альчики играютъ нѣсколькими бабками, и смотря потому, на которую изъ четырехъ своихъ сторонъ лодыжка упадетъ — пересчитываютъ очки. Если альчикъ упадетъ не на бокъ, то онъ ляжетъ кверху или горбинкой I, или яминкой II; горбинка имѣетъ преимущество предъ яминкой; если альчикъ на боку, то гладкая сторона III цѣнится дороже, чѣмъ сторона съ выемкой IV.

У КАЛМЫКОВЪ. У ТАТАРЪ. У РУССКИХЪ.

	<i>Въ присолжн.</i>	<i>Въ Астрах.</i>	<i>Въ другихъ</i>	<i>Въ игрѣ</i>
		<i>Губ.</i>	<i>мѣс.</i>	<i>бабками.</i>
I.	буркѣ	бюкъ	букъ	гора
II.	похѣ	шикъ	жикъ	яма
III.	та	таханъ	таганъ	быкъ
IV.	альца	альчѣ	альчикъ	сакъ
				} плошка

Альчики выбрасываются въ конъ поштучно, двумя пальцами, но съ такою силою, что они на полѣтъ быстро кружатся, разбиваютъ правильность кона и сшибаютъ съ него другіе альчики. Перебрасываніе альчиками разнообразно; Калмыки играютъ въ нихъ на парѣ, на чай, на калачъ, на водку и на чистыя деньги.

Самыя азардныя альчиками игры, въ которыя играютъ только мужчины и въ которыя они проматываютъ иногда все свое состояніе,

называются первая — «шагыл-дзаха», вторая «джимикъ-цекю» и третья «дюрбюнь-шага» (татарское «дюрт-ашикъ».)

Игры, въ которыя играютъ альчиками одни мужчины, для простой забавы, суть «бюкю-цоху-олулуцху» и «горубу-булаалдыху».

Женщины играютъ въ альчики или однѣ, или вмѣстѣ съ мужчинами; эти игры, носятъ названіе «олкцха», «зу-нейрмху», «багы-хаха» и «хаанцху».

Въ послѣднюю игру играютъ трое, или однѣ женщины, или одни мужчины, но чаще въ перемежку, мужчины съ женщиной. Всѣ они мечутъ альчиками, и у кого, послѣ нѣсколькихъ перекидокъ, выпадетъ буркѣ или первый нумеръ, тотъ называется ханомъ. Двое оставшихся снова перекидываются, и тотъ у кого выпадетъ старшій альчикъ то есть больше очковъ, называется «эльчи», а у кого младшій — тотъ дѣлается «кютытъ»: стараются такъ, чтобъ кютытомъ сдѣлать женщину.

Эти три лица, ханъ, эльчи и кютытъ, начинаютъ послѣ этого разыгрывать маленькую сцену, въ которой главныя дѣйствующія лица — ханъ, его визирь (или эльчи, то есть посланникъ) и бѣдный факиръ — кютытъ.

— Эльчи, эльчи, поди сюда! кричитъ ханъ.

— Что вы, мой ханъ, прикажете?

— Несчастье случилось: у меня бирючкѣ (годовалаго бычка) украли. Поди, сыщи мнѣ пропажу и открой вора, непременно.

Эльчи уходитъ и встрѣчается съ кютытомъ. Онъ дѣвушку, разыгрывающую роль кютыта, схватываетъ и, смотря по степени собственного умѣнья передразнивать знакомое лицо, болѣе или менѣе продолжительно, болѣе или менѣе занимательно и забавно, производить ей допросъ: какъ ее зовутъ? гдѣ была? куда ходила? и зачѣмъ бирючкѣ украли?

Дѣвушка, на всѣ его вопросы, отвѣчаетъ разными изворотливыми фразами, которыхъ вся сущность заключается въ томъ, что она знать ничего не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ, эльчи ловитъ ее на словъ, сбиваетъ ее въ показанія и, запутывая все болѣе и болѣе, доводитъ до сознанія въ кражѣ.

— Ты добрый, эльчи, человекъ: ты меня пожалѣешь! говоритъ дѣвушка.

— Вотъ еще, стану я тебя даромъ жалеть!

— Да вѣдь не даромъ: я отъ ханскаго бирючкѣ и тебѣ припасла гостиницу.

— Правда? ну, пойдѣмъ къ хану: я какъ-нибудь уже скажу невыгоднѣе о твоёмъ дѣлѣ! А что ты мнѣ отъ бычка припасла?

— Самый лучшій кусочекъ — и сердце и почки!

— Ну, такъ пойдѣмъ же.

Эльчи ведетъ кютыта къ хану, и рассказываетъ ему, какъ у него въ улусѣ всѣ счастливы, и какъ, по какому-то, совершенно неожиданному случаю, явился между счастливыми одинъ бѣдный человѣкъ, которому совсѣмъ кушать нечего. Бѣдный человѣкъ бросался и туда и сюда — и все никакъ не могъ достать себѣ ѣды. Вдругъ, печально попался ему бирючокъ и, ни слова не сказавши, что онъ ханскій, самъ напросился бѣднягъ въ котелъ. Кютытъ соблазнился, зарѣзалъ бычка и съѣлъ, а теперь и самъ кается, что дурное сдѣлалъ.

Разжалобленный ханъ готовъ простить кютыта; но вдругъ пришло ему на мысль, что не можетъ же человѣкъ разомъ съѣсть бычка. Онъ и спрашиваетъ у эльчи

— Съ кѣмъ же кютытъ подѣлился бычкомъ?

— Онъ самъ, ханъ, все съѣлъ; кой-что осталось, такъ онъ мнѣ подарилъ.

— А спроси-ка его, при мнѣ, что кютытъ тебѣ приготовилъ?

— Эльчи для меня важнѣе всѣхъ особъ: я для него сберегла и сердце и почки! отвѣчаетъ снова дѣвушка.

— Славный былъ бюричокъ! А спроси-ка что же кютытъ для меня-то оставилъ, если онъ про тебя не забылъ? говоритъ ханъ.

— Для хана? отвѣчаетъ дѣвушка: — отъ бирючка ничего не осталось.

— Что! восклицаетъ ханъ: колоти же его, эльчи, хорошенько, да такъ его бей, чтобъ стоны его дошли до моего уха изъ тюрьмы, куда нужно его засадить.

Эльчи приставляетъ ко лбу дѣвушки свой лѣвый кулакъ и бьетъ по немъ кулакомъ правой руки. Дѣвушка вскрикиваетъ.

— Ханъ! ханъ! сонсуу? спрашиваетъ хана эльчи, то-есть, что, хану слышно-ли?

— Ханъ! ханъ сонсуу? снова возглашаетъ эльчи, повторяя за-
гвоздки, если ханъ на первый окликъ не отвѣтилъ ни слова.

Если ханъ все молчить, то наказанье кютыта повторяется. Сна-
чала эльчи бьетъ двушку по лбу, потомъ начинаетъ тянуть у ней
брови; если ханъ, на его вопросы, молчить попрежнему, то эльчи
теребитъ двушку за губы, дергаетъ за подбородокъ, или тянетъ ее
за носъ, при общемъ хохотѣ зрителей.

— Ханъ, ханъ сонсуу? каждый разъ кричитъ эльчи.

— Сонсуа! то-есть «слышу!» отвѣчаетъ наконецъ ханъ — и тѣмъ
комедія кончается.

Вся потѣха заключается въ томъ, что эльчи старается изыскать
вся средства разсмѣшить зрителей курьезностію наказанія. Народу
нравится замѣшательство, въ которое поставлена скромница, и ему
весело смотреть на вся грубыя шутки, которыя эльчи съ ней про-
дѣлываетъ.

Вообще надо сказать, что игра въ альчики бываетъ на пари, «миорѣ»;
проигравшій его покрывается безчестіемъ, если долга не отдастъ.
На этотъ предметъ ведется у Калмыковъ поговорка: «шага-шатыръ
хойранъ — миорѣ юрдюкъ йосунъ югѣ», то есть «въ альчики и въ
шахматы — на мѣлокъ не играютъ!»

XX.

БОРЬБА.

Калмыцкая борьба представляет чрезвычайно любопытное явление, подобного которому мы, въ наши времена, ничего не найдемъ у другихъ, соосъдственныхъ съ Калмыками племенъ : это очень интересное подобіе древнихъ олимпийскихъ игръ, побѣда на которыхъ въ часть побѣдителя славою неомрачимою и быстро разносящеюся по цѣлому калмыцкому міру.

Русскій «свалный бой», съ непремѣнными жестокими побоями, вывихами членовъ, поломомъ костей, съ кровью и ранами, представлялъ, въ прежнія времена, одну дикую картину драки разъяренной черни, картину, оскорбляющую чувства непривычнаго къ тому зрителя. Башкирская перетяга арканами и борьба на кушакахъ замѣчательны только по особенной неязкости и по сходству своему съ медвѣжьей схваткой. Борьба у Киргизовъ, у Татаръ и у Бухарцевъ не представляетъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ лишь одного, что Бухарцы борются полунагие и вымазываютъ все тѣло масломъ : условія борьбы, манера схватокъ, случайность потѣхи, подготовка къ ней, награды и призы — все это не отличается особенностями, заслуживающими тщательнаго нагляднаго знакомства. Что жъ касается до борьбы Калмыковъ, тутъ все отъ начала до конца подчинено извѣстнымъ правиламъ и проникнуто торжественностію.

О времени борьбы дается народу знать заранее, и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо-враждебныя партіи : сторону владѣльца и сторону гелюнговъ.

Каждая сторона, секретно одна отъ другой, представляетъ владѣльцу списокъ борцовъ, или пріобрѣтшихъ уже себѣ имя, или впервые вызывающихся на бой, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, для охраненія правъ своихъ борцовъ отъ незаконнаго нарушенія борцами враждебной партіи.

Владѣлецъ назначаетъ количество и качество призовъ, определяемыхъ имъ въ награду побѣдителямъ ; сообщаетъ списокъ этихъ на-

радь противной себя партіи, и отстраняя отъ себя всякое вмѣнательство въ ея собственныя дѣла, предоставляетъ ей избрать себя отъдѣльнаго, на все время борьбы, главу, для предводительствованія народомъ и для полнаго распорядка всѣмъ, касающимся до приготовления и исполненія затѣянной игры.

За тѣмъ каждая партія, условившись, въ какой день борьба должна совершиться, назначаетъ срокъ, къ которому все борцы изъ разныхъ юнцовъ улуса должны съѣхаться на определенное мѣсто, и день, въ который должно произойти распределение борцовъ по нумерамъ.

Съѣхавшіеся на репетицію борцы, отдохнувъ съ дороги и собравшись съ силами, испытываютъ сами-себя въ богатырствѣ, вступая въ схватки съ кѣмъ случится, по знакомству или по дружбѣ, и послѣ уже неоднократныхъ опытовъ и убѣжденія въ собственной силѣ, ловкости и проворствѣ, рѣшаются приступить къ генеральной пробѣ.

Генеральная проба у каждой партіи производится въ разныхъ мѣстахъ, и каждая посылаетъ шпионовъ, мужчинъ или женщинъ, подсматрывать все движенія противниковъ и вызнать имена людей, успѣвшихъ занять видныя мѣста въ спискѣ первыхъ борцовъ противной стороны.

На генеральной пробѣ борются борцы одной и той же партіи между собою; поборошій одного товарища вступаетъ въ новую борьбу съ другимъ борцомъ; кто въ этой борьбѣ останется побѣдителемъ, тотъ вступаетъ въ третью борьбу съ лицомъ, равномерно одержавшимъ побѣду послѣ схватокъ съ нѣсколькими же борцами. Перебариванье производится нѣсколько разъ, и тотъ Калмыкъ, который переборетъ всѣхъ борцовъ своей партіи, получаетъ первый нумеръ и въ спискѣ состоитъ первымъ, и по силѣ, и по ловкости, и по проворству. Последний противникъ перваго нумера занимаетъ второе мѣсто, въ такомъ только случаѣ, если онъ переборолъ всѣхъ остальныхъ Калмыковъ, иначе онъ ставится подъ номеромъ, принадлежащимъ ему по тому праву, которое онъ приобрѣлъ, въ ряду другихъ борцовъ.

Если одна партія имѣетъ запасъ въ пятьдесятъ вызвавшихся на бой борцовъ, а другая партія приготовила мѣньшее число, напримеръ только сорокъ, то на единоборство назначаются не все охотники, а определяется, отъ лица самого владѣльца, произвольное чи-

ело парь, должествующихъ явиться на арену. Такимъ образомъ, въ юнѣ 1851 года боролось двадцать парь.

Но въ это же время случилось, что наканунѣ дня, назначеннаго для борьбы, явился новый охотникъ, недавно только прослышавшій, что въ такой-то день будетъ борьба и едва успѣвшій прискакать изъ дальней степи къ сроку праздника, пропустивъ день генеральной пробы не по своей винѣ, а по разнымъ обстоятельствамъ. Охотникъ былъ извѣстенъ всему улусу какъ «первый борецъ», неоднократно бравшій первые призы, но уже три года неучаствовавшій въ играхъ. Опираясь на приобретенную славу, онъ требовалъ, чтобы его, признавшаго народомъ за перваго борца, поставили первымъ нумеромъ той партіи, подъ знаменемъ которой онъ рѣшился появиться.

Вышедшій побѣдителемъ всѣхъ, при генеральной репетиціи, не уступалъ ему безъ боя своего почета; прѣзжій наставлялъ на этомъ, и за оскорбленіе своей чести неизвѣстнымъ еще свѣту новичкомъ, впервые вступавшимъ на сцену предъ цѣлымъ народомъ, принесть жалобу владѣльцу.

Ему предложили принять вызовъ своего противника; но Калмыкъ возражалъ, что завтра борьба, а сегодня принуждать его къ состязанію — несправедливо, потому что несясь пятьдесятъ верстъ верхомъ по степи, въ нестерпимую жару, онъ и отоцалъ, и обезсилѣлъ, и, слѣдовательно, состязаться съ человекомъ, силы котораго находятся въ нормальномъ состояніи, ему не приходится.

Случай вышелъ что называется казусный. Владѣлецъ нарядилъ медиаторскій судъ. Собрались все старики къ владѣльческой ставкѣ, и выслунавъ жалобы одного и доводы другаго, рѣшили такъ:

1) Калмыкъ-охотникъ пропустилъ срокъ явки не по своей винѣ, а отдалъ съ своей стороны все, чтобы выиграть время — слѣдовательно, его нельзя лишать права на предстоящее состязаніе.

2) Охотникъ всегда былъ первымъ борцомъ; честь эта никогда отъ него отъемлема не будетъ; но три года не вступая въ поединки, онъ этимъ самымъ предоставлялъ другимъ право добиваться той же чести, которой и дѣйствительно въ это время достигли такіе-то и такіе молодые люди. Но все они побѣждены на генеральной пробѣ новымъ борцомъ, который поставленъ уже въ главѣ своей партіи: лишить его этой чести — тоже было-бы несправедливо. А послѣдку

3) Старый первый борецъ могъ, втеченіе трехъ протекшихъ

тъ, ослабить и, отъ неунаженія, или другихъ причинъ, потеть ту силу, ловкость и проворство, которыми онъ за три года отличался, то ему и слѣдуетъ, при желаніи участвовать въ состязанствѣ, занять не первое, а только то мѣсто, которое можетъ ему принадлежать по результатамъ новаго перебариванья со всѣми внесенными въ списокъ борцами.

4) Что-жь касается до естественнаго изнуренія силъ, которое, по его словамъ, должно освободить его отъ пробной борьбы, и которое произошло отъ долгой ѣзды, голода и зноя, то доводъ этотъ не долженъ заслуживать никакого уваженія, потому-что подобнаго же рода изнуренью подвергались, въ сей же день, и всѣ борцы, съ утра до вечера, подъ одинаково-палющими лучами солнца, состязавшіеся въ продолжительной и утомительной борьбѣ съ своими соговарицами.

Судъ этотъ былъ безапелляціонный, и явившійся охотникъ долженъ былъ перебороться съ двадцатью борцами своей партіи. Съ первыхъ минутъ схватки съ первымъ номеромъ, онъ, послѣ двухъ-трехъ маневровъ, готовился быть побѣдителемъ, занявъ выгоднѣйшую позицію; но достаточно было одного неловкаго движенія, чтобы выпустить изъ рукъ лавры: черезъ десять минутъ старый первый борецъ лежалъ уже поверженнымъ на землю.

Испытавъ неудачу съ первымъ номеромъ, онъ не считалъ второй номеръ достойнымъ чести состязательства съ нимъ.

Въ дни, предшествующіе народному празднеству, борцы готовятся сохранить и укрѣпить свои силы разными способами: они со всѣхъ ногъ кидаются о-земь, чтобъ приучить себя къ ударамъ, вытягиваютъ и размахиваютъ руками и ногами, валяются по песку, чтобъ сдѣлать кожу менѣе чувствительною къ небольшимъ ушибамъ и царапинамъ, и спятъ въ кибитки, на голой землѣ, подложивъ подъ себя, вместо тюфяка, жесткіе арканы, а въ изголовье кусокъ простой кожи.

На утро борцы идутъ въ хурулъ, каждая партія по одиночкѣ и подъ предводительствомъ избранныхъ старшинъ, исполняющихъ должность и судей чести и секундантовъ, и молятъ бурхановъ долго и усердно о дарованіи имъ побѣды. Въ процессіи ихъ много торжественности: они отправляются въ хурулъ цѣлою массою, но попарно, подходятъ къ нему длинною линіею, выстраиваются въ одну ше-

ренгу, и снявъ шапки, становятся на колѣни и дѣлають земные поклоны.

Мѣсто, гдѣ при насѣ происходила борьба, было обставлено такимъ образомъ. Между хурулами и владѣтельской ставкой была выровнена на степи небольшая площадка; рѣдкую траву здѣсь по-выдергали и разрыхлили немного песокъ, изъ котораго состоитъ почва. По одну сторону арены стояла владѣльская кибитка и кибитки его гостей и сторонниковъ; по другую сторону, прямо противъ нихъ, были кибитки представителей другой партіи: тутъ сидѣли старшіе гелюпги, и съ ними самъ бакшій, также нойбонъ—правитель улуса, дядя владѣльца, и нѣсколько почетныхъ зайсанговъ; рядомъ съ ними былъ разбитъ огромный шатеръ изъ паруснаго холста, въ которомъ укрывались отъ солнца простые гелюпги. По двумъ остальнымъ сторонамъ побоищнаго мѣста сидѣлъ народъ, раздѣлившись на партіи: вѣзво сидѣли Калмыки, изъ среды которыхъ выбраны были борцы со стороны владѣльца; справа — ихъ противники. По діагонали этого четырехъ-угольника поставлено было по одной кибиткѣ, въ которыхъ собрались сами борцы.

Когда владѣлецъ вошелъ въ свою кибитку и подалъ сигналъ начатія ратоборства, степь стихла и водворилась мертвая тишина.

Въ одно и тоже мгновеніе, двери угловыхъ кибитокъ растворились, и секунданты вышли борцовъ, стоявшихъ въ главѣ списка. Секундантъ партіи гелюпговъ, старикъ лѣтъ за пятьдесятъ, рослый, плечистый въ свое время самъ считавшійся первымъ борцомъ улуса, шелъ въ праздничномъ калмыцкомъ нарядѣ, гордо поднявъ голову: два его сына, славившіеся силою, были въ числѣ борцовъ его партіи, и старшій сынъ, надежда отца и краса партіи, былъ первымъ на очереди; онъ неоднократно уже оставался побѣдителемъ на прежнихъ празднествахъ, а его противникъ, первый борецъ со стороны владѣльца, былъ юноша безвѣстный, только теперь въ первый разъ выступавшій передъ народомъ.

Секунданты въ одной рукѣ несли по «кумгану», то есть по мѣдному кувшину, наполненному водой: это на случай обморока, которому могутъ подвергнуться борцы во-время жестокихъ схватокъ; другою рукою они поддерживали борцовъ. Рядомъ съ секундантомъ партіи гелюпговъ шелъ сынъ его твердою поступью.

Борецъ, котораго велъ секундантъ владѣтельской стороны, весь

трясся, отъ избытка энергіи и отъ страха за будущее ; шаги его были неравномѣрны. Онъ, подобно своему противнику, былъ съ головы до ногъ закутанъ въ бѣлую простыню.

Вступивъ на арену, борцы остановились ; секунданты сняли съ нихъ покрывала ; воздухъ огласился радостными кликами, которыми народъ приветствовалъ молодыхъ атлетовъ

Борцы явились взорамъ народа полунагими : на нихъ надѣты были одни широкія, бѣлыя, далеко недоходящія до коленъ шальвары. Они низко наклонились, коснулись пальцами обѣихъ рукъ земли, отдали почестъ владѣльцу, и умывъ руки пескомъ, стали медленно кружить по аренѣ, шагая исполинскими шагами и сильно размахивая руками. Потомъ они остановились, уставились одинъ противъ другаго и старались другъ-друга ухватить рукой. Нѣсколько томительныхъ мгновеній длился этотъ маневръ : одинъ схватывалъ противника за кисть правой руки, тотъ вывертывалъ ее у него изъ пальцевъ и, въ свою очередь, выжидалъ случая схватить его за пальцы, или за плечо, или за часть одежды, въ которую выгоднѣе всего было вцѣпиться. Наконецъ они схватились — и другъ на другъ повисли, обмывая другъ друга памѣреніями перемѣнять позицію.

Надо быть въ душѣ художникомъ, быть присяжнымъ ваятелемъ или живописцомъ, чтобъ уметь передать тѣ непрерывныя измѣненія въ положеніи мускуловъ и въ граціозности и изяществѣ позъ, которыми борцы принимаютъ, чтобъ вѣсть съ тѣмъ оцѣнить драгоценность матеріаловъ, какихъ художнику трудно пріобрѣсть у себя въ мастерской, въ какія бы изысканныя и ненатуральныя положенія онъ ни ставилъ своихъ натурщиковъ. Глазъ нельзя оторвать отъ картины, которая съ каждымъ своимъ поворотомъ открываетъ новыя красоты. Борцы переплетаются руками и ногами, такъ что, казалось бы, ни тому ни другому вѣтъ средствъ, не только съ мѣста двинуться, но даже пошевелить членами : и не далѣе, какъ черезъ одну минуту, предъ зрителемъ новое положеніе. Одинъ, ухвативъ врага сзади, стискиваетъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ и силится ударами ноги сшибить его на землю. Но противникъ, крѣпко держась дотолѣ ступнею, приподнимается на цыпочки, и воспользовавшись этимъ положеніемъ, въ одно мгновеніе, правую руку свою закидываетъ душащему его Калмыку за спину и вливается пальцами въ шальвары, а лѣвую руку заноситъ такъ, чтобъ ухватить непріа-

теля подъ лавое колено ; успѣвъ въ этомъ маневрѣ, онъ встряхиваетъ противника и кидаетъ его о-земь. Но тотъ, улучивъ минуту, припадаетъ на колено, и полуошломленный неожиданностію паденія, безсильный чтобъ снова кинуться на торжествующаго непріятеля, не теряетъ однакожь сознанія. Онъ, съ быстротою тигра, ухватываетъ своего противника въ обѣ руки, закидываетъ голову назадъ, и терпя почти равновѣсіе, приподнимаетъ его надъ собою и инвиряетъ на землю, надѣясь, свалить его, въ ту же минуту встунить на него ногой и выхватить изъ рукъ его побѣду. Маневръ удастся, но противникъ поверженъ не на-спину, а приникъ къ землѣ грудью : это положеніе не даетъ торжествующему борцу правъ побѣдителя. Понирая падшаго Калмыка правою ногой, притискивая его плечо рукою, онъ не даетъ непріятелю возможности подняться на ноги. Тотъ едва дыханье переводить, и слѣдя за каждымъ движеніемъ осливающего его противника, самъ собираетъ послѣднія силы, не даетъ перевернуть себя на спину, и выискиваетъ способъ снова напасть на врага. Борцы остаются въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ ; обманывая другъ друга ложными движеніями, они все болѣе другъ друга утомляютъ, и не двигаясь ни однимъ членомъ, повсему оу ослабляютъ напряженные мускулы. Томительныя минуты ожиданія длятся долго. Вдругъ, поверженный выскакиваетъ изъ-подъ противника, съ звѣрскимъ отчаяніемъ кидается на него и начинаетъ новую борьбу.

Смотря потому, который изъ борцовъ начинаетъ осливать, съ той или другой стороны арены раздаются поощрительныя клики партій. Станетъ въ выгодное положеніе прославленный побѣдами сынъ старика-секунданта, крики «ура» раздаются въ партіи калмыцкаго духовенства ; падетъ преимущество на безвѣстнаго еще юношу — стень оглашается торжествующими воплями партій владѣльца.

Секунданты глазъ не спускаютъ съ борцовъ, и наблюдаютъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не позволялъ себѣ постыднаго злоупотребленія своей силы и проворства. Такъ напримѣръ, пришедшій въ отчаянье борецъ можетъ, незамѣтно отъ зрителей, схватить противника за горло, притиснуть ему високъ, или причинить, въ азардъ, какую-нибудь больными способами, могущими лишить противника сознанія хотя на мгновенье — всякое поползновеніе къ такому поступку строго воспрещается и преслѣдуется посрамительнымъ взысканіемъ. Иногда барды, утомленные битвой, обезсиленные ея продолжительностію, изъ

мученные солнечнымъ зноемъ и запальчивостью схватокъ, падаютъ въ обморокъ : дѣло секундантовъ сейчасъ же прекратить бой и подать пособіе страждущему, облить его водой, утолить его жажду, дать ему время отдохнуть и снова собраться съ силами. Когда борцы, стараясь другъ друга-сшибить съ ногъ, упадутъ оба вмѣстѣ и оба стараются перевалить другъ друга на спину и тѣмъ покончить дѣло, то, изнемогая отъ усилія, задыхаясь отъ усталости, они сговариваются иногда, не измѣняя положенія, собраться съ силами. Дѣло секундантовъ наблюсти за честнымъ исполненіемъ этого уговора и за тѣмъ, чтобъ новыя эволюціи съ обѣихъ сторонъ, начаты были въ одно и то же мгновеніе ; между-тѣмъ секундантъ опрыскиваетъ того и другаго водой, и съ того и другаго стираетъ потъ, льющійся съ борцовъ градомъ.

Борьба кончается иногда съ одного раза, иногда послѣ нѣсколькихъ отдыховъ ; иногда она бываетъ коротка и быстра ; иногда длится очень долго, до-тѣхъ-поръ, пока одинъ борецъ не прижметъ другаго къ землѣ спиною. Въ первой паръ видѣнныхъ мною борцовъ побѣда принадлежала сторонѣ владѣльца. Шумные клики народа покрыли побѣдителя славой ; къ нему, отъ имени владѣльца, подвели дорогаго коня и поднесли въ подарокъ новый чекмень изъ сукна, да нѣсколько денегъ. Изъ толпы той партіи, къ которой юноша принадлежалъ, выскочило нѣсколько человекъ ; они кинулись борцу въ объятія, надели на него новую шапку-хошоутку, обвязали его халатами и платками, приподняли его на руки, и окруживъ вниманіемъ и почтеніемъ его подвига, вынесли его изъ арены съ громкими восклицаніями. Борецъ, отуманенный и прежними паденіями и теперешнимъ торжественномъ, шелъ и шатался какъ опьянѣлый. Бѣдный отецъ побѣжденнаго борца едва крѣпился, чтобъ не дать торжествующей партіи прочесть на своемъ лицѣ волновавшихъ его обиды, злобы и огорченія ; а сынъ, блѣдный какъ только можетъ быть блѣденъ Калмыкъ, скрылся въ толпѣ, которая съ злою насмѣвкою посматривала на связіе знаки его посрамленія, на мелкій песокъ, плотно прилипшій къ мокрой спинѣ побѣжденнаго атлета.

Честъ быть первымъ борцомъ, для Калмыка, цѣнящаго высоко силу и мужество, какъ прочную опору семейнаго, вещественнаго благосостоянія, очень заманчива. Во-первыхъ, самолюбіе торжествуетъ : весь народъ обращаетъ на него почтительные взоры, весь улусъ ока-

жеть ему вездѣ почетъ ; слава его быстро промчится по всей степи и имя его будетъ гремѣть не между одними только волжскими Калмыками : его съ почтеніемъ будутъ произносить и Калмыки, и сосѣди Калмыковъ — Татары, Туркмены и Киргизы. Съ другой стороны, слава эта и прибыточна. Кромѣ опредѣленнаго приза, побѣдитель получаетъ иногда отъ владѣльца косякъ лошадей, полную экипировку, или порядочный денежный капиталъ ; зрители дѣлаютъ для побѣдителя паръ, награждаютъ его разными подарками, какіе только кому по силамъ. Бѣднякъ поднесетъ ему цѣлую флягу водки, а кто побогаче, тотъ подаритъ халатъ, лошадь или деньги, глядя по достатку. Слѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что бѣднякъ, кромѣ славы, пріобрѣтаетъ и маленькое состояніе и дѣлается зажиточнымъ, а если борецъ самъ богатъ и не нуждается въ вещественныхъ пособіяхъ, то и тутъ хорошая лошадь или цѣлый косякъ не будутъ для него лишними.

Въ борьбѣ, которой я былъ зрителемъ, изъ двадцати паръ, первые одиннадцать и послѣдніе трое побѣдителей прославили свою партію, въ главѣ которой былъ самъ владѣлецъ ; со стороны гелюнговъ оказалось только шестеро борцовъ, одержавшихъ верхъ ; двѣ пары, послѣ упорной и продолжительной борьбы, разошлись и перемѣнились жеребьями ; въ первый разъ борцы обѣихъ паръ оказались другъ для друга необходимыми, но при перебариваньи двое изъ нихъ вышли побѣдителями.

Противная владѣльцу партія употребляла все усилія, чтобъ преклонить побѣду на свою сторону ; но къ чести ея, надобно прибавить, что она, вѣроятно, отъ любви къ этому рода играмъ, приходила почти въ одинаковое восхищеніе при торжествѣ и своего борца, и борца чужаго знамени. Неоднократно красныя мантии высылались въ награду побѣдителю : гелюнги приходили въ азартъ, и снимая съ себя послѣднее одѣяніе, посылали его въ подарокъ борцу.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что гелюнги не носятъ исподняго платья, а простые Калмыки не имѣютъ права ни на красный, ни на желтый халатъ. Казалось бы, что подарки жрецовъ были и неумѣстны, и бесполезны ; но надѣлъ выходитъ иначе. Гелюнги, пожертвовавъ своими мантиями и халатами, сами остаются почти безо всего ; а такъ какъ имъ, въ такомъ видѣ, нельзя уже показаться въ народъ, то они и подсылаютъ манжиковъ къ борцамъ, съ тѣмъ, чтобъ отобрать отъ нихъ подарки свои назадъ. Но такъ какъ

борцы даромъ этого не сдѣлають, то гелюбги и выкупають у нихъ свои одежды за наличныя деньги. Если человекъ пятнадцать гелюбговъ раздарить одному и тому же борцу свои халаты, и каждый изъ нихъ будетъ давать окупу хоть по пяти рублей серебромъ : то уже это одно вознагражденіе доставить борцу довольно значительную сумму.

Положеніе одного изъ секундантовъ оказалось очень незавиднымъ : и второй его сынъ былъ тоже побѣжденъ противникомъ. Отецъ не могъ перенести такого огорченія ; онъ едва выдержалъ свою роль присяжнаго наблюдателя въ горестномъ для него рывеніи участіи роднаго сына. Онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ, попотомъ говорилъ сыну слова утѣшенія и ободренія, гнѣвно слѣдилъ за движеніями его соперника, заранее напрасно радовался кажущемуся перевѣсу своей партіи, но когда отчаянная схватка пришла къ концу, когда могучій соперникъ перекинулъ черезъ себя удалаго борца, когда тотъ грохнулся со всего размаха о-земь, отецъ не выдержалъ, свирѣпыя глаза его отуманились, онъ помертвѣлъ и зашатался.

Зрители съвязываются на борьбу изъ всего улуса. Жевщины и молодые дѣвицы съ жаромъ слѣдятъ за всеми измѣненіями игры, и энергическими криками поощряють находчивость и ловкость каждаго борца, награждая юношу-побѣдителя тѣмъ кто въ силахъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, зрѣлище борьбы чрезвычайно завлекательно : у зрителя у самого кипитъ въ груди давно заглухшее подъ приличіями живое чувство бѣшеной отваги ... такъ бы вотъ и кинулся самъ въ этотъ опасный бой, такъ бы вотъ и скрутилъ желѣзными мускулами любого богатыря. Мы довольствовались тѣмъ, что, увлекаясь зрѣлищемъ, провозглашали тосты побѣдителей и пили ихъ здоровье шампанскимъ, которымъ наши степные хозяева запасаются даже на кочевьяхъ, для разныхъ случаевъ.

XXI

Охота.

Изъ всѣхъ видовъ охоты, самая любопытная — охота за сайгаками: она и самая старинная калмыцкая забава, и самая любимая.

Сайгаки пасутся на вольной степи, и разгуливаютъ по ней иногда небольшими группами, иногда огромными стадами, тысячи въ двѣ головы, и больше и меньше. Это робкое и граціозное животное ведетъ жизнь кочевую, и переходитъ съ мѣста на мѣсто, подъ охраною и предводительствомъ самцовъ.

Калмыки охотятся за сайгаками въ то время, когда они, полные силъ и свѣжести, игриво развѣются на степи, еще только готовясь насладиться весною жизни.

Калмыки вздять на охоту за сайгаками парами, пары въ двѣ, въ три, въ четыре; они вывзжаютъ въ степь верхомъ и запасаются добрыми винтовками, которыхъ при каждомъ охотникѣ по нѣскольку: одна въ рукахъ, да двѣ-три за плечами.

Обоняніе у сайгаковъ, какъ у всякаго дикаго животного, развито въ высокой степени: они издалеку могутъ зачуять присутствіе чловѣка. Если къ нимъ попасться въ пору ярости, самцы уничтожатъ чловѣка, пули котораго окажутся безсильными при ожесточенныхъ ударахъ роговъ многочисленнаго стада. Но сайгаки все-таки робки, трусливы и простоваты: Калмыки и пользуются этими свойствами животного, на погибель его.

Для того, чтобы сайгаки, почуявъ чловѣка, не побѣжали по иному направленію, четверо, шестеро или восьмеро наездниковъ-Калмыковъ въ двѣ линіи преслѣдуютъ ихъ стадо съ навѣтренной стороны. Сайгаки сами бѣгутъ противъ вѣтра и не подозреваютъ, что за ними несется погоня. Въ то время, когда Калмыки настигнутъ стадо на такое разстояніе, что между ними и сайгаками останется пространство сажень во сто или въ полтора, наездники улучаютъ мгновеніе, и одна половина ихъ, на всемъ скаку, спрыгиваетъ съ сѣделъ

на-земь, а остальная половина подхватывают их коней, и не замедля бѣга, продолжаетъ быстро мчаться за сайгаками.

Промчавшись еще не болѣе какъ сажень двадцать-тридцать, скачущіе въ двѣ линіи навзбидники дѣлаютъ, направо и налѣво, въ пол-оборота, круги и несутся назадъ по той же дорогѣ, по которой въехали и гдѣ оставили своихъ товарищей.

Сайгаки, до которыхъ донесется наконецъ, хотя и противъ вѣтра, конскій топотъ, внезапно останавливаются, оборачиваются назадъ, и не двигаясь съ мѣста ни на шагъ, пристально вглядываются въ даль, замѣчаютъ скачущихъ людей, убѣждаются, что тѣ не на нихъ, а отъ нихъ бѣгутъ и быстро все дальше и дальше скрываются изъ виду, успокоиваются, и совершенно освободившись отъ страха, не дѣлаютъ новаго оборота въ ту сторону, въ которую прежде бѣжали, а, вѣроятно заинтересованные побѣгомъ всадниковъ, бросаются по ихъ слѣдамъ — и такимъ образомъ попадаютъ въ засаду. Спѣшившіеся прежде Калмыки, укрывшіеся въ ложбинкахъ, въ «барханахъ», или въ буграхъ сыпучаго песка, стерегутъ ихъ притаившись, и лишь только стадо съ ними поровняется, начинаютъ въ него стрѣлять изъ винтовокъ.

Калмыки приучаютъ къ охотѣ соколовъ, ястребовъ и балабановъ. Съ соколами они выѣзжаютъ на дикихъ гусей, казарей и на дудака, какъ въ приволжскомъ-краѣ Русскіе называютъ драфу; ястребиная охота производится на дикихъ же гусей и утокъ, на казарей и на чапурниковъ, то есть на цаплю, а балабапами ловятъ цаплю и лебедей.

Мы имѣли уже случай упомянуть объ охотѣ на кабановъ; но охота за ними не повсюдная, а производится только въ мочагахъ, или по самымъ окраинамъ каспійскаго побережья. Болѣе всего Калмыки любятъ травить зайцовъ и бить волковъ.

На волковъ Калмыки выѣзжаютъ иногда съ собаками, но чаще всего они бьютъ ихъ просто ногойками, сидя на конѣ.

Калмыки мастера крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ: мы имѣли уже случай объяснить это, говоря о калмыцкой зыбкѣ, въ которой ноги калмыцкаго ребенка, съ черныхъ дней рожденія, начинаютъ принимать такого рода искривленіе, которое способствуетъ твердой посадкѣ на сѣдлѣ. Кроме-того, Калмыки, безпрестанно обращающіеся въ та-

бунзъ, чрезвычайно искусно владѣютъ ногойкой, которая въ ихъ рукахъ теряетъ значеніе простой плети, а обращается въ оружіе, въ одинаковой степени способное къ защитѣ, какъ сабля, или даже какъ винтовка.

Калмыкъ рѣдко станетъ бить коня ногойкой, для того только, чтобъ имѣть удовольствіе отвести душу: калмыцкій конь послушливъ; онъ знаетъ только понода, сочувствуетъ своему хозяину въ минуты опасности, понимаетъ его желанія и не нуждается въ ногойкѣ. Между тѣмъ, при видѣ скачущаго Калмыка, вниманіе исключительно обращается на безпрестанные удары, которые назидникъ градомъ сыплетъ на животное. Согласить эти удары съ увѣреніями Калмыковъ, что они «лошадей никогда не бьютъ» можно очень просто: Калмыкъ хлещетъ ногойкой коня не по тѣлу и не для боли, а только по тебенькамъ сѣла и только для того, чтобъ коня пораззадорить, щегольнуть имъ, заставить его — рѣзвиться и, какъ выражаются Калмыки, «живзе подплясывать».

Умѣнье владѣть ногойкой, спаровка хлестнуть ею такъ или иначе спасаетъ Калмыка и отъ опасной, беззащитной встрѣчи съ волкомъ, и отъ нападенія лихаго человѣка. Вотъ, напримѣръ, четыре рассчитанные удара ногойкой, употребляемые Калмыками въ нужныхъ случаяхъ: два изъ нихъ прямо касаются предмета, о которомъ мы начали рѣчь — охоты на волковъ.

1) Чтобъ положить волка на мѣсть замертво, Калмыкъ, при встрѣчѣ съ нимъ, сначала кругомъ размахиваетъ ногойкой, чтобъ попугать звѣря, а потомъ, улучивъ минуту и выбравъ удобное положеніе, поднимаетъ руку и, въ одинъ мигъ, тяжело опускаетъ ее, такимъ образомъ, чтобы концомъ ногойки хватить по самому концу волчьяго носа, но не вдоль его, а поперѣкъ.

2) Для того, чтобъ волка не убить на повалъ, а захватить его живьемъ, назидникъ норовитъ съ разу ударить волка по спинной кости такимъ образомъ, чтобъ ногойка обвилась по боку и чтобъ конецъ ея рѣзко прохватилъ брюхо и ударился въ безшерстную часть шкуры.

3) Смертельнымъ ударомъ человѣку считается тотъ, въ которомъ самый конецъ хвоста ногойки направленъ въ високъ.

4) Ударъ не смертельный, а рассчитываемый только для того, чтобъ

либить всадника съ коня — это ударъ ногойкой по колену, по хребтѣ его, или по самому концу, все-равно.

Эти удары каждому Калмыку знать необходимо, особенно послѣдній: при могущихъ случиться въ степи встрѣчахъ, кражахъ и похищеніяхъ, твердое знаніе его спасаетъ Калмыка отъ неосторожности нанести противнику смертельный ударъ. На этотъ предметъ у Калмыковъ ведется поговорка: «аргамгагѣнъ унѣдъ, ахъхандѣнъ малягѣнъ бярѣтъ гарсѣнъ — залу адучи; адундѣнъ орсѣгѣ юлю унга-хла — адучи биши». Смыслъ такой: плохой тотъ табунщикъ, который не съѣдетъ съ коня человека, бросившагося на табунъ, и не положить за-мѣртво волка, его беспокоящаго.

Говоря объ ударахъ ногойкой, нельзя, кстати, не прибавить, что есть Калмыки, по преимуществу скотоводы, вѣчно въ степи кочующіе, при колодцахъ, никогда неимѣющіе случая побывать на Волгѣ или на Кумѣ, таковы напримѣръ Торгоуты, кочующіе ближе къ хребту Эргене. Бывали случаи, что нѣкоторые ихъ хотѣны, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, подкочевывали къ Волгѣ раннимъ лѣтомъ, во-время хода по рѣкѣ тарани: обиліе рыбы такъ ихъ изумляло, что они принимались бить ее ногойками, разумеется съ съѣда, и никакъ не могли догадаться, что могутъ быть совершенно иные приемы для ловли рыбы.

XXII.

СКАЧКА И ЛОВЪ НЕУКОВЪ

Калмыцкая скачка не представляет каких-нибудь особенныхъ различій отъ обыкновенной киргизской скачки: тоже «выдерживаніе меринѣвъ», такое же подготовленіе лошадей къ скачкѣ, постепеннымъ сбавленіемъ корма, для облегченія ихъ тучности; подмариваніемъ и постоянною выбѣжкой, и здѣсь лошадей доводятъ до такого состоянія, что у нихъ на груди пропадаетъ все сало, и скакуны дѣлаются тощими и сухопарыми. Дистанція для скачки, при мнѣ, назначена была двадцати-верстная, и первая лошадь добѣжала къ флагу въ полчаса времени; потомъ ее водили часовъ шесть сряду и цѣлыя сутки не пускали къ водопою. Правитель улуса рассказывалъ мнѣ, что иногда скаковыя дистанціи назначаются въ 50, 60 и 70 верстъ.

Калмыки верстами не считаютъ, а назначаютъ дистанцію опредѣленіемъ извѣстнаго мѣста, урочища, съ котораго скакуны пускаются. По этому-то наздники и не кружатъ, какъ у насъ, по опредѣленному пространству, а съ утра, иногда даже наканунѣ дня, назначеннаго для скачки, отправляются шажкомъ на назначенное урочище и оттуда уже несутся всѣ разомъ до опредѣленнаго къ выбѣжкѣ пункта, гдѣ и ожидаютъ ихъ собранные для праздника зрители. Для соблюденія порядка, владѣлецъ, или распорядитель скачки, посылаетъ туда довѣреннаго человека, который, въ условленную минуту, или по карманнымъ часамъ, или по солнечному теченію, разставляетъ наздниковъ въ линію и подаетъ знакъ къ началу скачки.

Чтобъ не терять времени въ безплодномъ ожиданіи прибытія наздниковъ, владѣлецъ высылаетъ нѣсколько дозорныхъ пикетовъ, которые и разставляются въ такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобъ имъ можно было издали различать обоюдныя движенія. На степи, даже непривычный глазъ хорошо различаетъ предметы болѣе чѣмъ за версту; при извѣстномъ освѣщеніи предметовъ, въ данную пору дня, при кратковременномъ и наглядномъ знакомствѣ съ извѣ-

линами холмистой степи, можно въ очень короткое время приучить глазъ къ тому, что онъ за пять верстъ отличить конный табунъ отъ стада, и человека отъ четвероногого животного. Если на горизонтѣ вздымаются огромные клубы пыли, подъ которою виднѣется черная полоска — это конный табунъ ; если черной полоски не видать — значитъ, тутъ бараны ; если переливы цвѣтовъ мѣшаются и въ глазахъ будто что-то пестрѣетъ — это стадо рогатаго скота. Если черная точка на воздухѣ долго не скрывается изъ глазъ, или и скрывается, но незамѣтно, — то это птица ; если же черная точка, поднявшись на воздухъ, быстро опустится на землю, то это, въ извест-ныхъ обстоятельствахъ, означаетъ шапку, которую кочевникъ подкинулъ къверху, чтобъ обмануть сторожащаго его противника. Если на горизонтѣ черзуютъ два предмета, и одинъ изъ нихъ кажется несравненно выше другаго — то высокая черта означаетъ верховаго наездника, а меньшій предметъ — животное. Сроднившіеся со степью кочевники, обладая чрезвычайно-исощреннымъ зрѣніемъ и съ малыхъ лѣтъ привыкнувъ издали, по соображенію, узнавать то, что глазъ ихъ подмѣтитъ на огромномъ пространствѣ, дѣйствительно могутъ удивить насъ, городскихъ жителей, этою необыкновенною дальнороркостью, находчивостью и смѣливымъ отгадываніемъ такихъ вещей, которыхъ мы и подозревать не могли бы.

Сторожевые передаютъ вѣсти о томъ, что скакуны уже пустились, или извѣщаютъ о другомъ какомъ-либо событіи, условными знаками, замѣняющими у Киргизовъ, у Калмыковъ и у русскихъ казаковъ наши телеграфы. Маневръ одного верховаго наездника, составляющаго дозоръ, повторяется другимъ наездникомъ ; его движенія подсматриваются третьимъ, и такимъ образомъ, вѣсть въ нѣсколько минутъ можетъ быть передана даже за цѣлыя сотни верстъ.

Телеграфическіе маневры, или такъ называемое «маиченъ» Калмыковъ и Киргизовъ состоятъ въ поворотахъ и круженіяхъ направо или налево, и въ другихъ условныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Закружить Калмыкъ лошадыю два раза на томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ неподвижно — это означаетъ то-то ; повернется онъ однажды — значитъ другое ; повернувшись туда либо сюда, сдѣлаетъ нѣсколько скачковъ впередъ и тамъ закуритъ такое-то число разъ направо или налево — это будетъ значить уже совершенно иное. Такихъ условныхъ «маяковъ» множество.

Этимъ живымъ телеграфомъ у насъ давно и вездѣ воспользовалось линейное казачество, и подробныя правила, составленныя у насъ по этому предмету, преподаются всамъ несущимъ кондонную службу.

Призы выигравшимъ на скачки разнообразны, но дороги по существенной приносимой ими пользѣ: побѣдителю даютъ деньги, носильное платье, дарятъ лошадей, а менѣе отащившихся наездниковъ поощряютъ какими-нибудь полезными бездѣлками.

Говоря о молодечествѣ и наездничествѣ Калмыковъ, надобно тутъ же упомянуть и о ловлѣ шѣуковъ, или о томъ какъ Калмыки арканятъ на степи изъ табуна лошадей, никогда небывавшихъ подъ седломъ, и какимъ образомъ они ихъ укрощаютъ. Я буду говорить только о томъ, что видѣлъ собственными глазами.

Калмыкъ, подтянувшись и заломивъ на бокрени шланку, възжакетъ въ обширный табунъ, держа на лѣвой рукѣ укрюкъ, къ которому привязанъ арканъ съ приготовленною петлей.

Вторженіе человека въ табунъ не угрожаетъ ему никакой опасностью. Табуны составляютъ нѣсколько косяковъ лошадей одной и той же масти, а косякъ означаетъ штукъ двѣнадцать или пятнадцать матокъ при одномъ жеребцѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими головами молоденькихъ лошадокъ, годовалыхъ, двухъ годовалыхъ и третьячковъ; всего въ косякѣ лошадей тридцать, сорокъ и до пятидесяти, но собственно косякомъ въ народныхъ понятіяхъ называется девять матокъ и десятый жеребецъ, съ приплодомъ. При въездѣ въ табунъ посторонняго наездника, матки, оберегая детей, даютъ всаднику дорогу; за оборотами матки слѣдятъ дѣти и дорога табунищику рассчитается.

Роль табунищика, при показываніи табуна мнѣ, принялъ на себя самъ владѣлецъ улуса, и требовалъ, чтобъ я назначилъ: какую именно лошадь нужно съарканить? Вниманіе мое обращалъ одинъ статный третьякъ съ отмѣтной: по всѣмъ его манерамъ и движеніямъ, видно было, что это «стражкѣй» конь, то есть очень пугливый. Я указалъ на него князю, и тотъ кинулся его преслѣдовать, стараясь изъ числа нѣсколькихъ сотъ лошадей, настигнуть именно этого шѣука.

По мѣрѣ приближенія владѣльца улуса, преслѣдуемый имъ конь бросался въ сторону и терялся въ группахъ другихъ лошадей; владѣлецъ, прикинувъ къ луку сѣдла, снова кидался за нимъ, и сѣда только изготавлялся онъ проскакать еще сажень десятокъ, чтобъ

быть въ состояніи накинуть арканъ на все еще далекаго отъ него коня, тотъ снова брыкалъ погами, взмахивалъ хвостомъ, и потрясая головой и ошетилившейся гривой, исчезалъ изъ глазъ. Послѣ нѣсколькихъ маневровъ, свидѣтельствовавшихъ о плутоватости и о находчивости молодого коня, нашъ табунщикъ, съ пылающими отъ гнѣва глазами, съ рвущимъ отъ жаркаго увлеченія лицомъ, настигъ его, накинулъ на него, укрѣкомъ, арканъ, отбросилъ свой урргѣ прочь, и одной правой рукой сдержалъ ретиваго неукѣ. Зрѣлище было поистинѣ увлекательное, прелесть котораго можно понять только при самомъ дѣйствіи, а словами всего никакъ не передать.

Лошадь, на которой сидѣлъ владѣлецъ, какъ-будто понимала всѣ его тайныя желанія: не ею управляли, а она, казалось, сама несла всадника на неукротимаго дикаря, и выискивала его слѣды между другими лошадьми. Всадникъ — совершенно перемѣнился: это былъ уже не прежній солидный, скромный офицеръ, повезшій меня знакомить съ своимъ хозяйствомъ; теперь его совсѣмъ нельзя было узнать: такъ онъ страстно увлеченъ былъ своимъ занятіемъ. Онъ самъ признавался послѣ, что преслѣдованіе дикой лошади кидало его попеременно то въ жаръ, то въ ознобъ, что у него, отъ запальчивости, глаза горѣли, тряслись руки, что сердце билось — точно выскочить хотѣло, что онъ не видѣлъ ничего, кромѣ непокорнаго животнаго, не помнилъ ничего, кромѣ нужды словить коня и не выпустить изъ рукъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, минута, послѣдовавшая за изловленіемъ неукѣ, была минутою какого-то дикаго торжества и табунщика, и зрителей, и цѣлаго табуна. Все присмирѣло, все смолкло, все обратило взоры на чудную группу всадника и разъяреннаго животнаго, выведеннаго теперь на поляну.

Конь, почувствовавъ петлю, накинутую ему на шею, остолбѣлъ отъ изумленія и сталъ какъ вкопанный; но это было только въ первое мгновеніе, когда, разставивъ ноги врознь и закрутивъ голову внизъ, онъ какъ-будто придумывалъ средства и выискивалъ минуту сбросить съ себя петлю. Но едва онъ порывался исполнить свой замыселъ, и ставъ на дыбы, неожиданно дѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону, въ надеждѣ вырвать арканъ изъ руки противника, какъ петля начинала его душить, тѣснѣе и тѣснѣе сжимая ему шею. Взбѣшеннѣйшій жеребецъ визжалъ, припадалъ на колѣни, билъ копытами и

дѣлалъ бышennыя скачки, изгибаясь и задомъ и передомъ, и высоко вскидывая задними ногами; но владѣлецъ, повернувъ арканъ на руку и крѣпко стискивая козньномъ его конецъ, подсунутый между сѣдломъ и ногою, забывалъ, что волосная веревка рѣжетъ ему руку, и нисколько не подавался ни взадъ, ни впередъ, сѣдя на сѣдлѣ какъ прикованный.

Двое подбѣжавшихъ Калмыковъ схватили коня за уши, и между-тѣмъ какъ двое другихъ старались спутать ему, на нѣсколько мгновений, ремнемъ ноги, простой табунщикъ пропустилъ коню сквозъ зубы конецъ веревки, какимъ-то образомъ опуталъ ею около его брюха, закрѣпилъ концы на спинѣ, и въ то же мгновенье ребенокъ, лѣтъ десяти-двѣнадцати взлѣзъ на страшнаго и превратившагося въ звѣря нѣука.

Ребенокъ, ухватившись сперва за концы веревки, просунутой лошади вмѣсто уздечки, впился пальцами лѣвой руки въ его гриву; пышіе табунщики отбѣжали, народъ раздался, и отчаянный мальчикъ, размахивая во все стороны ногой и осыпая нѣука изъ всѣхъ силъ ударами, пустился куда глаза глядятъ: вырвавшійся на свободу конь началъ кружить съ нимъ по степи.

Страшно было смотреть на бѣднаго мальчика, будущаго богатыря; бышennyй нѣукъ носилъ храбраго калмыченка изъ стороны въ сторону, и нечаянными скачками, увертливыми прыжками, брыканьемъ и разными продѣлками, силсилъ его съ себя сбросить; онъ билъ задомъ и передомъ, и разъяренный до послѣдней крайности, то мчался какъ стрѣла, то убавлялъ бѣгъ, то вдругъ снова дѣлалъ отчаянные прыжки и снова летѣлъ по степи; но ребенокъ крѣпился, не терялъ духа, и успѣлъ, наконецъ, довести дикую лошадь до того, что она слушалась поводовъ.

Вскорѣ за тѣмъ посланъ другой всадникъ: нѣукъ былъ вполнѣ укрощенъ, истощенъ, измученъ, и настигнуть теперь его было нетрудно. Но едва новый наездникъ къ нему приблизился, пугливый нѣукъ снова забѣлся и снова сталъ выдѣлывать невѣроятныя вольты. Скоро онъ утомился; побѣжалъ дробною рысью, движенія и оброты его дѣлались все болѣе и болѣе равномерными и правильными, повиновенье уздечкѣ оказалось несомнѣннымъ — дикій конь былъ укрощенъ окончательно. И четверти часа исторія не продолжалась.

Но этимъ зрѣлище еще не кончилось. Выѣхавшій на помощь къ ребенку взрослый Калмыкъ поровнялся съ нимъ, позвалъ съ нимъ рядомъ равномерною скачкою и сталъ понемногу освобождать обвязаннаго коня отъ тѣснѣвшаго его аркана. Когда это приведено было къ концу, ребенокъ, выждавъ благоприятную минуту и держась только лѣвой рукой за холку, привсталъ на нѣукъ на колѣни, потомъ быстро всталъ на ноги, скользя ими по покрытой пѣною и потомъ спинъ лошади. Въ эту минуту всадникъ, прильнувъ своею лошадыю къ укрощенному жеребцу, обхватилъ ребенка около пояса правой своей рукой и перетащилъ къ себѣ на сѣдло; нѣукъ, совершенно предоставленный собственной воли, кинулся въ табунъ, а всадники, одинъ сидя въ сѣдлѣ а другой, стоямя придерживаемый взрослымъ Калмыкомъ, возвратились къ кибиткамъ, гдѣ народъ приветствовалъ неустрашимаго ребенка поощрительными криками.

Я усомнился въ неподготовленности такого зрѣлища и считалъ этотъ случай исключительнымъ; но повторенные при мнѣ разъ пять также опыты съ другими лошадьми и съ другими мальчиками достаточнымъ образомъ доказали мнѣ необыкновенную для меня удалъ, молодечество и отчаянное богатырство Калмыковъ въ наѣздничествѣ.

Многія дѣвицы тоже славятся наѣздничествомъ; не говоря уже про то, что каждая женщина должна ѣздить верхомъ и уметь усмирять ретивыхъ коней, выдаются такія наѣздницы, которыя не откажутся войти въ состязаніе съ любымъ табунщикомъ.

Самая жестокая забава, съ ужасами которой трудно примириться, это укрощеніе оседланныхъ нѣуковъ. Тутъ дѣтей уже не сажаютъ, но участь удалаго юноши, укрощающаго коня, незавидна: оседланный нѣукъ ярится и мечется съ отчаяніемъ, онъ разрываетъ стягивающіе его ремни и разбиваетъ сѣдло, которое съѣзжаетъ съ него и падаетъ; наѣздникъ долженъ развлекать свое вниманіе, наблюдая и за конемъ, и за сѣдломъ, выскользяющимъ у него изъ-подъ ногъ, и по мѣрѣ того, какъ сѣдло будетъ ломаться и повисать, онъ долженъ подпрыгивать на конѣ и со спины съѣзжать ему почти на шею; при малѣйшей неосторожности, особенно если наѣздникъ потеряетъ хладнокровіе и присутствіе духа, онъ летитъ съ коня вмѣстѣ съ сѣдломъ, и можетъ имъ повредить себѣ члены.

Хоноутовскій владѣлецъ кладетъ своимъ коннымъ табунамъ тавро

надъ гривой; этотъ исключительный случай и подалъ одному писателю о Калмыкахъ поводъ сказать вообще, что Калмыки таврятъ лошадей и весь скотъ на шею, между-тѣмъ какъ рѣшительно вся Калмыкия, кромѣ одного семейства князей Тюменевыхъ, выжигаютъ животнымъ тавро, какъ вездѣ водится, на бедра.

XXIII.

СТЕПНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗАРАБОТКИ.

Вся забота Калмыка о своемъ хозяйствѣ сосредоточиваются около его табуна. Мы, въ разныхъ мѣстахъ предшествовавшихъ отъѣловъ, успѣли уже дать понятіе и о табунѣ, и о табунщикѣ, и объ призорѣ за скотомъ, и о его водопояхъ. Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о калмыцкихъ свнокосахъ, хлѣбопашествѣ, домостроеніи и нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, которыя могутъ если не вполне ознакомить, то, по крайней мѣрѣ, дать нѣкоторое понятіе о степени развитія въ степи этихъ отраслей общественнаго хозяйства.

Калмыки косятъ сѣно двоякимъ способомъ: мужчины употребляютъ при этомъ русскія косы, «хаджѣ», а скошенное сѣно сгребаютъ граблями, «маджуръ»; женщины же подрывываютъ тощую траву около хотона обыкновенными серпами, которые у Калмыковъ называются «хадуръ». Запасы сѣна собираются всегда при худукахъ зимняго кочевья, куда перевозится оно съ мѣстъ лѣтней кочевки. При худукахъ же хранятся и запасы калмыцкаго топлива — «кызяка».

Сѣно свое Калмыки всегда вяжутъ въ снопы; для собственнаго обихода, связки эти бываютъ вѣсомъ до полупуда. Тысяча такихъ сноповъ, сложенныхъ одинъ на другой правильно пирамидою, называется «стогомъ»; если же въ грудѣ сноповъ болѣе тысячи, тысячи полторы, или двѣ сноповъ, то это называется уже не стогомъ, а «омѣтомъ». Но такой способъ убирать сѣно не есть исключительная принадлежность однихъ Калмыковъ: тоже самое мы можемъ встрѣтить и во всемъ волжскомъ Низовьѣ, и въ Землѣ-Уральскихъ Казаковъ, и у Киргизовъ, какъ Внутренней-Орды, такъ и дальней Зауральской-Степи.

Богатому скотоводу и некогда, да и невозможно, одному заготовить для себя полный запасъ сѣна на всю зиму; по этому люди зажиточные нанимаютъ себѣ работниковъ, и недостаточные Калмыки ходятъ къ нимъ для свнокоса цѣлыми семьями.

Калмыки, для своихъ богатыхъ скотомъ единоплеменниковъ, подражаются въ работу за известное вознаграждение: за каждый нормальный ометъ сѣна, въ двѣ тысячи сноповъ двѣнадцати, а уже въ двѣнадцати-фунтового вѣса, они получаютъ по четыре рубля серебромъ и по небольшому куску кирпичнаго чая и къ нему бараньяго сала; сверхъ-того, три раза въ недѣлю имъ выдается по огромному куску мяса и определенное количество хлѣба и инюйрыма. Небольшая калмыцкая семья можетъ накопить и убрать каждый подрядной ометъ въ четыре дни, и получая достаточное довольствіе, берегаетъ въ сохранности денежную плату и можетъ даже отъѣздомъ оставшіеся въ экономіи припасы.

Случается, что хозяева подражаютъ вязать снопы сѣна вѣсомъ только въ семь фунтовъ, и это довольно часто; въ такомъ случаѣ вознаграждение бываетъ половинное.

Нормальною единицею при снокосахъ у русскихъ крестьянъ, или казаковъ, считается стогъ въ тысячу сноповъ средней руки; казанинанимаютъ для этой работы «сидячихъ» (то есть живущихъ при самой Волгѣ) Калмыковъ и платятъ имъ по рублю серебромъ со стога.

Во всемъ хошоутовскомъ улусѣ, сѣна на зиму Калмыки запасаютъ для себя, какъ сами они говорятъ, по примѣрному, но весьма скромному разсчету, около трехъ милльионовъ сноповъ разнаго вѣса, но меньше однаковъ семи фунтовъ; но третья часть всего количества бываетъ непременно двѣнадцати-фунтового вѣса.

Впрочемъ, все здѣсь сказанное касается только до того сѣна, которое въ астраханскомъ-краѣ называется «простымъ».

Но есть другой родъ сѣна, запасаемаго исключительно для молодого скота: именно «ржанецъ». Его косятъ въ то время, когда въ рѣкѣ прибываетъ вода и когда ржанецъ только что начинаетъ всходить. Косцы трудятся надъ нимъ и день и ночь безъ отдыха, торопясь выиграть время, и опасаясь, чтобъ выкашиваемую мѣстность не залило водой. Ржанецъ чрезвычайно питателенъ: Калмыки увѣряютъ, что стоитъ сутки двои покормить имъ лошадей, истощалую и исхудалую до того, что она едва на ногахъ стоитъ — и животное совершенно оправится.

Ржанецъ убирается правильными стогами, каждый въ тысячу сноповъ восьми-фунтового вѣса; подрядная плата за такой стогъ

шесть и семь рублей серебромъ, а въ неурожайное время за тысячу сноповъ платится восемь рублей серебромъ. Въ самой Астрахани цѣна за кошелный ржанецъ доходить до пятнадцати рублей серебромъ за тысячу сноповъ.

Въ отношеніи къ хлѣбопашеству, надобно замѣтить, что имъ занимается съ большимъ раченіемъ только самъ хопсутовскій владѣлецъ и немногіе другіе богачи; что жъ касается до улусниковъ, то у нихъ эта отрасль домашняго хозяйства развита очень мало.

Хлѣбопашествомъ занимаются люди не средняго достатка, а Калмыки или самые зажиточные, въ качествѣ промышленникомъ, или самые бѣдные, въ качествѣ ихъ работниковъ. Занимающіеся хлѣбопашествомъ сѣютъ пшеницу, просо и горчичное сѣмя; это послѣднее представляетъ болѣе выгодный сбытъ и хорошее вознагражденіе за трудъ.

Калмыки, успѣвшіе уже усвоить себѣ эту промышленность, запахи-ваютъ нови, употребляя въ дѣло плуги; въ которые запрягаютъ они отъ трехъ до шести паръ головъ. Плуги изготовляются улусными работниками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ само начальство признало необходимымъ, для блага самихъ кочевниковъ, ввести у Калмыковъ распапку полей, но гдѣ Калмыки, по краткости времени, не ознакомились еще съ хлѣбопашествомъ, тамъ плуговъ своихъ у Калмыковъ нѣтъ; они вздѣтъ въ сосѣднія русскія деревни, и берутъ плуги у крестьянъ и у казаковъ напрокатъ, съ платою по пяти до семи рублей серебромъ за недѣлю пользованія: это уже служить самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, что Калмыки начинаютъ сами сознать благодѣянія мирнаго промысла и что они всѣми средствами стремятся усвоить его себѣ поскорѣе.

Наемными же плугами распахируютъ Калмыки и участки, предназначенные подѣ лѣсныя плантаціи: въ улусахъ начинаютъ засѣвать разнаго рода деренья, а также пробуютъ сажать и желуди, для разведенія дубовыхъ лѣсовъ. Блистательные примѣры Новороссійскаго-края, примѣры, ясность и полезность которыхъ могутъ оцѣнить только очевидцы, даютъ полную увѣренность, что современемъ и волжскія степи зазелѣвуютъ густыми рощами и лѣсами.

Садоводства въ улусныхъ земляхъ вовсе не существуетъ.

Изъ огородныхъ растений Калмыки сѣютъ только дыни и арбузы,

но бахчи у улусниковъ незначительны. Въ распространѣніи этой отрасли сельскаго хозяйства Калмыки не нуждаются, замѣняя се отъ скиваніемъ дикорастущихъ и нами уже исчисленныхъ травъ и корней, употребляемыхъ ими въ пищу.

Кромѣ-того, Калмычки занимаются обработкою конопли, всюду по берегамъ Волги и въ мочагахъ растущей въ изобиліи. Въ хошеутовскомъ улусѣ этимъ занимаются лѣтъ уже пятьдесятъ, а лѣтъ двадцать назадъ, владѣлецъ завелъ было у себя и выдѣлку холста изъ дикой конопли, но скоро ее прекратилъ, потому-что она, отнимая время у бѣдныхъ семей, не вознаграждала всѣхъ убытковъ, причиняемыхъ запущеніемъ обыкновенныхъ занятій скотовода.

Конопля въ дикомъ видѣ растетъ всюду по степямъ и лѣтнаго и зимняго кочевья. Калмычки выдираютъ ее, стряхиваютъ сѣмяна, которыя, тутъ же разметываясь по вѣтру, снова падаютъ на землю, сушатъ растеніе, треплютъ его, и дальнѣйшую обработку ограничиваютъ только приготовленіемъ толстыхъ нитокъ, которыми и шьютъ все, что дѣлается не изъ кожи.

Кромѣ конопли, Калмыки занимаются обработкою «тушмута», корня, изъ котораго готовится очень хорошая и прочная желтая краска. Краска эта употребляется въ дѣло, кажется, только одними здѣшними кочевыми жителями, и нигде не сбывается.

Поселянъ, то есть людей, желающихъ вкусить плоды жизни осѣдлой, въ одномъ Хошеутовскомъ улусѣ болѣе трехъ сотъ семей; они пообстроились на самой рѣкѣ: на Табунъ-аральской дачѣ, на островѣ Шамбавъ, на Круглиномъ-островѣ, на Кутлѣкинѣ-бугрѣ, на урочищѣ Кередѣ; есть еще въ самой степи особый хуторъ, или, какъ Калмыки передѣлали это слово — «кюютыръ», усвоившій себя, вмѣсто какого-либо другаго проименованія, эту калмыцкую передѣлку.

Поселенные Калмыки живутъ частью въ деревянныхъ избахъ, а частью въ мазанкахъ, но болѣе всего въ «турушкахъ», то есть въ постоянныхъ переносныхъ шатрахъ, сдѣланныхъ изъ вѣтви наподобіе кибитки и обмазанныхъ глиною; внутри турушки устроивается печь.

Мѣстное калмыцкое начальство старается всѣхъ Калмыковъ заохотить къ осѣдлой жизни, и постройку домовъ въ назначенныхъ мѣстахъ и по принятому плану поощряетъ ссудами въ пятнадцать и двадцать рублей серебромъ.

Руководяльность всякаго рода у Калмыковъ весьма замѣчательна. не только у однихъ Хоиноутовъ, но и во всѣхъ улусахъ, есть живописцы, лѣщники, болышею частію изъ гелюнгонъ, занимающихся изготовленіемъ священныхъ для Калмыковъ изображеній; ма- герства экипажное, мебельное, оружейное, литейное, токарное, лотничное, слесарное, кузнечное имѣютъ тоже вездѣ своихъ пред- ставителей; въ улусахъ есть мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, ортны, портники, вязальщицы, басонщицы, сапожники и сапожни- цы, скорняки и проч. и проч. Каждое занятіе, составляя особый промыселъ, ограничиваетъ кругъ своихъ дѣйствій только роднымъ плусомъ, а за черту его рѣдко переходить. Замѣчательно то, что каждое мастерство переходитъ у калмыцкихъ мастеровъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ дѣда ко внуку; но въ улусахъ есть только одни «мастера», работниковъ же, отдаваемыхъ на выучку, для усвоенія себѣ какого-нибудь исключительнаго занятія, нѣтъ.

Кочующіе ближе къ рѣкамъ Калмыки занимаются и рыболов- ствомъ, но не какъ промысломъ, составляющимъ исключительное занятіе и предметъ торга, а только или въ видѣ удовлетворенія соб- ственныхъ насущныхъ потребностей въ дневной пищѣ, или въ видѣ заработковъ.

Вся берега Волги и Каспійскаго-моря или составляютъ право соб- ственности немногихъ частныхъ лицъ, или состоятъ въ пользованіи откупщиковъ у казны рыболовныхъ водъ; поэтому Калмыки, не имѣя притязанія на ловъ «красной» рыбы, ловятъ изрѣдка удочками, а если можно, то и бреднями, сазановъ, карасей, леща, окуня и та- рань.

Для заработковъ Калмыки ходятъ на сѣнокосы, о чемъ у насъ уже сказано; нанимаются въ косцовщики, то есть въ гребцы на мелкихъ, такъ называемыхъ «косныхъ» судахъ; подражаются ломать соль на казенныхъ соляныхъ озерахъ, за что назначается имъ весьма доста- точное вознагражденіе, и ходятъ на работу къ откупщикамъ и вла- дѣльцамъ рыболовныхъ водъ.

Калмыки, въ послѣдніе годы, на ватагахъ и на промыслахъ, полу- чали такіе заработки:

Кормчикъ (кормчій на гребномъ суднѣ)	28 руб. 57 коп. сер. въ лѣто ;
Рыбальщикъ красной рыбы	43 — — — въ годъ ;
Рыбальщикъ частиковой рыбы	40 — — — въ путину ;

Неводной (работникъ при неводѣ) и пятничкѣ 11 руб. 43 к. с. въ путину;
Неводчикъ, старшій неводной 14 — 28 — — въ путину.

При «эмбевскомъ ловѣ», то есть на вольномъ рыболовствѣ въ Каспійскомъ-морѣ, вѣз границѣ владѣнія частныхъ лицъ, или откупщикова. Калмыкамъ платятъ :

За весеннюю путину отъ 15 руб. 71½ коп. до 17 руб. 15 коп. сер.

За осеннюю — 20 — — 23 — —

За весьма тяжкую работу съ живодною-снастью имъ платятъ :

За весеннюю путину отъ 20 до 21½ руб. серебромъ.

За осеннюю путину — 23 — 25 — —

На этихъ работахъ, рабочій Калмыкъ, кромѣ жалованья, получаетъ отъ хозяина рыболовную снасть, чорнаго хлѣба и рыбы на прокормъ — въ волю ; мясо, кирпичный чай или водку онъ долженъ брать у хозяина въ счетъ жалованья, по цѣнѣ, въ которой добровольно принужденъ будетъ согласиться.

Рабочій Калмыкъ, вступая въ работу на ватаги и на промыслѣ, обязанъ на собственный счетъ сдѣлать слѣдующія издержки, для справки себя всѣмъ необходимымъ для рыболова :

На пару сапоговъ 2 рублн серебромъ.

На поршни — — 35 коп. —

На верблюжій чапанъ 1 — 75 — —

На пару рукавицъ съ варегами 50 — —

На кое-какую шубу 2 — — — —

На теплую фуфайку 85 — —

На двѣ пары рубахъ и шальваръ 1 — 70 — —

Всего слѣдуетъ ему сдѣлать предварительныхъ издержекъ 9 руб. 15 коп. серебромъ ; ни одна изъ поминovanýchъ нами принадлежностей долѣе одной путины прослужить не можетъ.

Калмыки, отправляющіеся на ловѣцкую работу, ни жалованья, ни корма не получаютъ : у нихъ должно быть все свое, и свои же орудія рыболовства, которыя они берутъ, въ счетъ будущихъ заработковъ, у своихъ же хозяевъ. Деньги Калмыки получаютъ только по количеству уловленной «мѣрной» рыбы, въ цѣнѣ, въ которой они условились контрактомъ.

Для справки на ловѣцкое дѣло, артель Калмыковъ, то-есть двѣ или три лодки, каждая съ тремя человѣками ловцовъ, получаетъ отъ наемщика задатку отъ ста до ста-пятидесяти рублей серебромъ.

Забирая у хозяевъ хлѣбъ и снасть, въ счетъ денежной выдачи и въ надеждѣ на будущій заработокъ, Калмыки, по большей части, остаются въ недолювъ, и слѣдовательно, въ долгу у хозяина. Надобно сказать, что нѣкихъ ловцовъ всюду преслѣдуетъ дѣйствительно одно несчастье, другіе уловленную рыбу и икру сдаютъ не въ свою контору, а перепродаютъ ловцамъ чужаго хозяина, за-то третьи съ успѣхомъ возвращаютъ всѣ свои расходы и «заборы», и съ деньгами возвращаются къ семьѣ.

На соляныхъ озерахъ, Калмыкамъ назначено платить за выломку соли и за складку ее въ «бугры», или, какъ въ другихъ мѣстахъ говорятъ, «въ бунты», по 8 руб. 57 коп. серебромъ за каждую тысячу пудъ; за перевозку соли съ озеръ къ пристанямъ и за складку тамъ въ «бугры», подрядчику рабочихъ Калмыковъ платится отъ 14 до 15 руб. серебромъ, тоже за каждую тысячу пудъ, а иногда платятъ и около 13 руб. сер.: все зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

Билетовъ для отправленія на заработки выдано въ 1850 году 12,194, а свидѣтельствъ на временную отлучку 5,832; слѣдовательно, принимая, что цифра всего калмыцкаго населенія составляетъ 60,000 душъ обоего пола, и что билеты выдаются исключительно однимъ мужчинамъ, мы придемъ къ тому выводу, что изъ ста мужчинъ 20 человекъ ходятъ во временную отлучку изъ улусовъ, а 40 — въ постоянныя заработки.

XXIV.

Торговля въ калмыцкихъ улусахъ.

Пространство земель, занятыхъ калмыцкими кочевьями, отъ границъ Саратовской до границъ губерніи Ставропольской, и отъ границъ земель Войска-Донскаго до береговъ Каспійскаго-моря, во все времена, сколько объ этомъ судить можно, представляло мѣстность, постоянно населенную кочевыми племенами. Половину этого пространства занимаютъ крутизны Ергенё, которыхъ начало находится въ сосѣдствѣ города Царицына, а окончность при рѣкѣ Манычѣ; возвышенность эта служитъ раздѣленіемъ водъ Дона и Сарпы. Отсюда берутъ начало разныя рѣчки, изъ которыхъ одна принадлежатъ къ системѣ рѣки Дона, другія къ системѣ Сарпы, впадающей въ Волгу. Къ первымъ принадлежатъ Червленная, Большая и Малая Бургуста, Царица, Аксай, Хара-Салъ, Якшибай и Джурукъ; ко вторымъ Тенсута, Большая и Малая Улуста, Ямата, Амата-Зельмень, Аршанъ-Зельмень, Наринъ-Зельмень, Сухота и Сарпа.

Положеніе хребта Ергенё указываетъ, что въ эпоху доисторическую онъ служилъ берегомъ моря, разливавшаго прежде далеко свои волны. Начиная отъ этого склона до нынѣшнихъ береговъ Каспія идетъ совершенно плоская низменность, усыпанная солончаками и переносимыми съ мѣста на мѣсто сыпучими песками; здѣсь въ копаняхъ всюду вода горькая; растительность ограничивается только польною, да жесткими травами и кореньями, неизвѣстными въ черноземной полосѣ и на равнинахъ и вообще въ возвышенныхъ надъ уровнемъ моря мѣстностяхъ.

Поэтому все пространство здѣшнихъ земель дѣлится на двѣ полосы: на полосу выше Ергенё, способную къ посѣвамъ колосныхъ растений, особенно пшеницы, и къ разведенію лѣсовъ, и на полосу ниже Ергенё, ни на что, кромѣ пастбы скота, неспособную. Къ этой же категоріи относятся и луговые низовья Волги.

По хребту Ергенё идёт транспортная дорога от Дубовской-при-
тани до города Ставрополя; по ней до-сего-времени товары отъ
Дубовки доставляются только лѣтомъ, чумаками, на быкахъ. Про-
мыслѣмъ этимъ занимаются преимущественно крестьяне селеній Ста-
вропольскаго уѣзда—Петровскаго и Кугульты, и Пятигорскаго—Мед-
вѣдскаго и Воронцовки. Зимой эта дорога, по безлюдности, не по-
сыщается никѣмъ и дѣлается непроѣзжою. Нынѣ по ней устраива-
ютъ новыя поселенія, подъ названіемъ «станіицъ», и нѣтъ сомнѣнія,
что эта дорога будетъ лучшимъ и удобнѣйшимъ торговымъ трак-
томъ, какъ между приволжскими губерніями, такъ и между губерніей
Ставропольской и землей Черноморскаго-Войска.

Вершины горъ Ергенё усяяны курганами, единственными памят-
никами, свидѣтельствующими о народахъ, когда-то эти мѣста зани-
мавшихъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, во-время су-
ществованія Кавказскаго намѣстничества, для разрытія кургановъ
сформирована была особая команда; но ее вскорѣ потомъ уничто-
жили. Въ этихъ курганахъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, кро-
мѣ надгробныхъ татарскихъ надписей, не находили; самые же кур-
ганы, какъ говорятъ, состояли изъ склеповъ, сложенныхъ, безъ це-
мента, изъ громныхъ отесанныхъ камней.

Кромѣ могильныхъ кургановъ, попадаются тутъ курганы съ инымъ
назначеніемъ. Такъ на рѣкѣ Калаусъ, недалеко отъ владенія ея въ
Мавычъ, среди обширной поляны, одиноко высится конусообразный
курганъ. Калмыки рассказываютъ, что въ царствованіе Петра Вели-
каго, котораго они называютъ «Цаганъ-Баатыръ-Ханъ», то-есть Бѣ-
лый-Царь-Богатырь, на Калаусъ было сраженіе калмыцкаго хана
Аюкѣ съ кавказскими Ногаями; ихъ положено на мѣсть до шести
тысячъ, и надъ трупами ихъ насыпанъ курганъ, которому, въ па-
мять счастливой битвы, дано названіе «Баиринъ-толгъ», то есть кур-
ганъ радости.

Многіе, сохранившіеся отчасти донынѣ, остатки городищъ слу-
жатъ памятниками, что земли, о которыхъ идетъ рѣчь, были зани-
маемы, если не осѣдыми жителями, то, по-крайней-мѣрѣ, такими оби-
тателями, которые были въ необходимости укрѣплять главныя свои
ставки каменными зданіями и приличными времени и обстоятельствамъ

строениями. Такихъ остатковъ старины находимъ мы множество; къ нимъ принадлежатъ, напримеръ, на луговой сторонѣ Волги, «Мамаева-Землянка», или «Царёвы-Плѣды»—остатки стараго Сарая; «Джигѣдъ» у селенія Селитринный-Городокъ; южнее его, на Ахтубѣ, «Ахъ-Месджидъ», близъ Ханскаго-Брода; далѣе «Давлукханъ», нынѣ Лопасинскій-Кордонъ; въ самой Астрахани Ямгурчовъ-бугоръ и бугоръ Жаревый; къ востоку оттуда, отъ Астрахани въ семи верстахъ, городище «Чунгуръ»; на нагорномъ берегу Волги, недалеко отъ Астрахани, выше ея верстъ на 14, близъ такъ называемой Струляцкой-Ватаги, «Кулюкъ-Кала»; къ западу отъ станицы Косининской «Чулунъ-Молотукъ», и наконецъ развалины «Маджаръ», о которыхъ еще въ 1728 году, известный Іоаннъ Густафъ Герберъ, назначенный было, впоследствии времени (въ 1731 году), начальникомъ миссіи въ Хиву и Бухару, разсказывалъ, что въ его времена «цѣлые погребя и развалины разныхъ великихъ палатъ были тамъ видны»; въ Книгѣ Большому Чертежу объ этой мѣстности сказано только, что «Можаровъ-юртъ: семь мечетей татарскихъ», а въ Актахъ Историческихъ она просто названа—Можарово-Городище.

Около границъ Пятигорскаго уезда, по теченію рѣки Кумы, ниже слободы Владиміровки верстъ на 60, на урочищѣ «Джиланъ-Кинь» или «Змыниномъ-Бродъ», до-сего-времени находятъ остатки каменныхъ строеній. Кирпичъ ихъ имѣетъ двѣ съ половиной четверти въ длину, а толщиною въ полтора вершка; онъ замѣчателенъ по особенной крѣпости, и представляетъ чистый кирпичъ-железнякъ. Крестьяне Пятигорскаго уезда, селъ Покойнаго, Прасковѣи и другихъ, до сего-времени выкапываютъ этотъ кирпичъ и употребляютъ на выстилку въ печахъ подовъ. Въ бывшемъ городѣ Св. Креста, а нынѣ Карабаглинской-слободѣ, Пятигорскаго же уезда, есть цѣлые дома, сложенные изъ вырытаго на Зиланъ или Джиланъ-Кинь кирпича; жители называютъ его «мамаевскимъ кирпичомъ».

Въ настоящее время, все пространство нагорнаго берега Волги занято кочевьями Калмыковъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ астраханской палаты государственныхъ имуществъ, и Туркменъ, состоящихъ подъ начальствомъ главнаго управленія мухаммеданскихъ народовъ въ Ставропольской губерніи. По степямъ луговой стороны Волги кочуютъ изъ Калмыковъ одни Хонгауты, Кундаровскіе Татары и частію

Татаръ Юртовскихъ, Каракалпакъ и Туркмены астраханскаго вѣдомства; всѣ они зависятъ отъ астраханской палаты государственныхъ имуществъ; а далѣе за ними — Киргизы Внутренней-Орды, находящіеся, точно такъ же какъ и зауральскіе Киргизы, подъ непосредственнымъ заведываніемъ оренбургской пограничной комиссіи.

На лѣвый берегъ Кумы, въ томъ мѣстѣ гдѣ она начинается исчезать въ пескахъ, переходятъ, въ лѣтнее время, иногда и Карапайцы, состоящіе такъ же въ вѣдѣніи главнаго управленія мухаммеданскихъ народовъ.

Всѣ эти инородцы ведутъ жизнь кочевую; все ихъ достояніе и всѣ ихъ насущныя орудія къ существованію заключаются въ одномъ скотоводствѣ, которое, съ теченіемъ времени, мало-по-малу клонится къ упадку, подготавливая такимъ-образомъ исподоволь народъ къ осѣдлой жизни, къ которой рано или поздно должны наконецъ будутъ приступить нынѣшніе кочевыя племена, по общему ходу вещей въ цѣломъ мірѣ.

Нѣкогда они славились своими табунами, а нынѣ лошадьми богаты одни Туркмены, рода Чаудуръ, и Калмыки улусовъ Хошоутовскаго, Ики-Цохуровскаго, Бага-Цохуровскаго и обомъ Дербетовъ; въ прочихъ улусахъ конныхъ табуновъ нѣтъ: остались одни бараны и рогатый скотъ — и это уже составляетъ большой шагъ къ осѣлости.

Изъ конныхъ табуновъ особенно замѣчательны табуны самого хошоутовскаго владѣльца и чорнаго Калмыка Бодьшедербетевскаго улуса Цаганъ-Манжй. Табуны перваго улучшены жалованными жеребцами изъ царскихъ заводовъ, а табуны послѣдняго — жеребцами горскихъ породъ. Лошади хошоутовскаго владѣльца продаются болѣею частию въ Астрахани, для жандармской и пожарной командъ, а также для артиллеріи астраханскаго казачьяго-войска, а лошади завода Цаганъ-Манжй покупаются въ артиллерійскія команды кавказскихъ войскъ; они отличаются особенною крѣпостію

Породистымъ рогатымъ скотомъ особенно славится улусъ Малодербетевскій: бывали случаи, что корова продавалась по 30 рублей серебромъ, тогда какъ въ другихъ улусахъ дороже 15 руб. серебр. коровъ не бываетъ. Крупный рогатый скотъ Малодербетевцовъ отличается длиннымъ туловищемъ, короткими ногами, прямыми рогами и широкимъ черепомъ. Быки малодербетевскихъ Калмыковъ, и имен-

но быки-трехлѣтки, очень часто продаются по 115 рубл. серебр. тогда какъ въ другихъ улусахъ такой цѣны и неслыхано ¹.

Калмыки стараются разводить у себя породу «красноперой» масти, то есть белой съ желто-красными отмѣтинами на бокахъ: это потому, что крестьяне, занимающіеся чумачествомъ, особенно пристрастны къ этой масти.

Крупные, жирные и съ тяжелыми курдюками бараны разводятся преимущественно въ улусахъ Ерикѣевскомъ, Икидохуровскомъ и Яндыковскомъ: этому способствуютъ, какъ замѣчаютъ сами овцеводы, солонцы и горькія травы. Шерсть старыхъ калмыцкихъ, да и вообще степныхъ, даже киргизскихъ овецъ чрезвычайно груба; она употребляется на валяніе кѣшемъ, сапоговъ и тому подобнаго, а для пряжи признается негодною. Были ли дѣланы опыты съ такъ называемой «весенней», съ тою чрезвычайно нѣжною на ощупь и длинною шерстью, которою бараны обрастаютъ въ продолженіе зимы и которая состригается съ нихъ весною — неизвѣстно.

Овцы Туркменъ и Каранагайцевъ мелки; курдюковъ у нихъ почти нѣтъ, а образуются обыкновенные хвосты. Туркмены и Каранагайцы стараются размножать овецъ черной шерсти, потому-что агнята этой масти доставляютъ большую прибыль: ихъ бьютъ, то есть рѣжутъ, черезъ двѣ недели, много — черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія; мерлушки эти бываютъ густаго чернаго цвѣта и немногимъ уступаютъ бухарскимъ, такъ называемымъ «каракѣльскимъ» мерлушкамъ. За хорошую мерлушку Калмыкамъ платятъ 3 и 4 рубля серебромъ за штуку. Если мерлушка вышла песовымъ черна — Калмыки, занимающіеся скорняжнымъ мастерствомъ, ее подкрашиваютъ, но въ такомъ случаѣ цѣна ей полагается гораздо мѣньшая, не болѣе 2 руб. сер., а смотря по изъяну и еще мѣньшая.

У хоноутовскаго владѣльца разведены огромныя стада шлѣнскихъ овецъ и мериносовъ; ни о состояніи этой отрасли хозяйства у Кал-

¹ Очень сожалѣемъ о несправивомъ уищеніи: въ бытность на мѣстѣ, намъ въ голову не пришло привести въ положительную извѣстность длану и вѣсъ тѣла рогатаго скота простыхъ и улучшенныхъ породъ. Этотъ-то рогатый скотъ и продается въ Петербургѣ въ числѣ черкаскаго скота, независимо отъ тѣхъ калмыцкихъ быковъ, которые называются линейскими.

мыковъ, ни объ оборотахъ торга шерстью, мы не можемъ представить никакихъ положительныхъ и вѣрныхъ данныхъ.

Кочевыя племена праваго берега Волги торгъ скотомъ производятъ въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Калмыки Большедербетевскаго и Малодербетевскаго улусовъ сбываютъ свой скотъ, по большей части, на ярмаркахъ Царицинской, а въ землѣ Войска-Донскаго на Карповской, Чирской, Курмоярской и Ильинской; въ Ставропольской же губерніи на ярмаркахъ въ самомъ Ставрополѣ и въ селеніяхъ Медвѣжьемъ, Ставропольскаго, и Медвѣдскомъ и Прасковѣи-Пятигорскаго уездовъ.

У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса торгъ скотомъ производится самый незначительный на «Калмыцкомъ-Базарѣ», мѣстечкѣ, находящемся на нагорномъ берегу Волги, въ семи верстахъ выше Астрахани; сюда лошадей приводятъ поуздечно, головъ по пяти, по шести; коровъ тоже малыми партіями, барановъ сотнями и полусотнями, какъ случится, козъ десятками; а кожи всѣ, сколько съ весны до осени ихъ ни наберется, сбываются въ самой Астрахани.

Цѣны обыкновенно бываютъ такія :

Лошадь	20 руб. сер.,	самая дорогая цѣна	50 руб.	сер.
Корова	6 — — — —		12 — — —	
Баранъ	2 — — — —		3 р. 50 к.	—
Коза	1 — — — —		1 р. 50 к.	—
Кожа конская. —	50 к. — — — —		85 к.	—
Воловьѣ.	43 к. — — — —		60 к.	—
Овчина	43 к. — — — —		75 к.	—

Болѣе замѣчательный торгъ живымъ скотомъ производится въ номыщичьемъ селеніи Карповка, что въ Землѣ Донскаго-Казачьяго-Войска, гдѣ ярмарка бываетъ въ началѣ весны, вскорѣ послѣ Св. Пасхи; на ярмаркахъ въ селеніяхъ Саскылъ и Селитряномъ-городкѣ, о-Покровѣ, и на весенней ярмаркѣ въ селеніи «Ханская-Ставка», или просто «Ставка», что во Внутренней-Киргизской-Ордѣ, въ Нарынъ-Пескахъ: здѣсь сбытъ у Хошоутовъ бываетъ самый большой. Сюда лошадей гонять косяками и табунами, а рогатый скотъ огромными стадами; здѣсь же Хошоуты закупаютъ полный годовой запасъ домашнихъ принадлежностей, особенно ситцовъ, коленкоровъ, холста, шелковыхъ матерій, сукна, досокъ кирпичнаго чаю и прочаго.

Цѣны на живой скотъ тутъ бываютъ слѣдующія :

Верблюды	отъ 15 до 25 руб. сар., человека;
Конь	— 20 — 60 — —
Пара быковъ	— 50. — —
Коровы, помстучно	— 6 — 15 — —
Бараны	— 2 — 3 — —

Изъ старыхъ дѣлъ архива калмыцкаго-управленія видно, что въ 1836 году цѣны на скотъ въ улусахъ показывались: за верблюда 80 рублей ассигнаціями, за лошада 70 рублей, за рогатый скотъ 60 рублей, за барана 12 рублей, а за козу четыре рубл. ассигнаціями.

Дорога, которою гонять скотъ съ Орджигинъ-цекѣ на ярмарку въ Ханскую-Ставку, лежитъ черезъ слѣдующія урочища:

Ергѣ

Худукъ Кюкъ-тюбѣ или зеленый-бугоръ.	1 день	хода.
— Казгынъ-танха.	1 —	—
— Мааликтѣ.	1 —	—
— Борданъ-Гашунъ.	1/2 —	—
Гора Бага-Богда, или малая Богда.	1/2 —	—
Худукъ-Едымыктѣ.	1 —	—
— Кардуунъ-Сала, то есть мысъ Калмыка Кар-		
дуна, вырываго здѣсь колодець.	1/2 —	—
Пески Наринъ.	1 —	—
Урочище Наринъ-торцѣ, то есть возвышенность сре-		

ди Наринъ-Песковъ, гдѣ и выстроена «Ставка». 1/2 дня хода.

Все это пространство скорой вздой, безъ остановки, можно миновать въ двои сутки; но съ прогономъ скота и съ водопоемъ, если барановъ сберегать въ зной и гнать ночью, холодемъ, надо умотрѣбить недвлю времени.

Калмыки остальныхъ улусовъ, также какъ и Туркмены и Карагайцы, сами скотъ на ярмарки не гоняють, а продають его въ мѣстахъ кочевья, съ наступленіемъ весны, купцамъ, приѣзжающимъ преимущественно изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Саратовской.

Купцы эти дѣлятся на два разряда, на гуртовщиковъ и на серищиковъ.

«Гуртовщики» покупають рогатую скотину, преимущественно старую, и старыхъ калмыцкихъ барановъ; скотъ этотъ пригоняется въ

внутреннюю Россію, въ тѣ мѣста, гдѣ устроены салотопенные заводы, какъ напримѣръ въ Сызрани и особенно въ Самарѣ; во-время мѣдованія своего онъ «отпасывается», или «нагуливается», «нажируется», и по прибытіи на мѣсто, еще нѣсколько времени откармливается. На салотопенныхъ заводахъ его рѣжутъ; сало вытапливаютъ, одабриваютъ его известными подмѣсями, потомъ закупориваютъ его въ бочки, и въ свое время отправляютъ въ Петербургъ, для выпуска за границу; изъ мяса и костей вывариваютъ бульонъ, который въ Россіи продается повсемѣстно, а изъ остальныхъ частей готовятъ клей, известный подъ названіемъ «мездроваго».

«Сгонщики» покупаютъ скотъ молодой, а барановъ болѣею частью двухъ и трехъ-годовалыхъ; скотъ, ими скупаемый, идетъ уже не на сало, а прогоняется преимущественно въ Москву и въ Петербургъ, на убой для продовольствія.

Гуртовщики и сгонщики раздѣляютъ купленный скотъ на партіи, рогатый отъ 500 до 1500 головъ, а барановъ отъ 3,000 до 6,000 въ гуртъ.

По нагорной сторонѣ Волги, особаго неизмѣннаго прогоннаго тракта нѣтъ: изъ мѣстъ покупки скотъ прогоняютъ къ Царицыну, кому, гдѣ и какъ заблагоразсудится — на степи полный просторъ всему, лишь бы по дорогѣ было достаточное количество колодцевъ для водопоя. Къ этому надо присовокупить, что при торговѣ баранами въ калмыцкой степи, въ отличіе отъ этой отрасли по оренбургской линіи и торгова въ Троицкѣ, въ Оренбургѣ, въ Уральскѣ и въ Гурьевъ-городѣ, ни «мостовыхъ» (за перевозки), ни «прорубныхъ» (за водопой), ни «кормовыхъ» (за пастьбу) платежей пока еще не существуетъ; только по новымъ станицамъ, учреждаемымъ по чумацкой дорогѣ, начинается, говорятъ, теперь возникать плата за одинъ водопой, которая относится преимущественно до торговыхъ фуръ, обозовъ. Гуртовщики и сгонщики привзжаютъ для закупки скота съ своими рабочими, а въ пастухи и погонщики нанимаютъ царицынскихъ мѣщанъ и крестьянъ селенія Цацынскаго, Черноярскаго уѣзда. Царицыне и цацынскіе крестьяне сами торгуютъ въ улусахъ краснымъ товаромъ, хлѣбомъ и разною мелочью; хорошо знаютъ языкъ и нравы Калмыковъ и всѣмъ мѣстностью имъ знакома; поэтому занятіе пастушествомъ и пастьбой чужаго скота до роднаго города выгодна и для нихъ самихъ, и для гуртовщиковъ.

Гуртовщики и сгонщики, по прибытіи въ улусы нагорной стороны Волги, постоянно останавливаются въ главныхъ ставкахъ мѣстнаго начальства: у Калмыковъ — въ Икицохуровскомъ и Еркетеневскомъ улусахъ, а у Караногайцевъ и у Турименовъ при ставкахъ приставовъ. Изъ этого можно уже уразумѣть степень торговаго значенія главныхъ ставокъ. Нелишне присовокупить, что при этихъ же ставкахъ живутъ «лучшіе люди», улусники со значеніемъ, съ вѣсомъ, богачи, ознакомившіеся уже съ блескомъ и роскошью Стало-быть, ставка для кочевниковъ соединяетъ въ себѣ тоже понятіе, что у насъ — городъ. Изъ этихъ пунктовъ, они высылаютъ въ прочія кочевья приказчиковъ, а тѣ уже осматриваютъ продажный скотъ и приторговываются къ нему; Калмыки же, узнавъ, какого рода товаръ имъ нуженъ, гонятъ скотъ туда, гдѣ остановились купцы-хозяева. Цѣнность скота возвышается, или понижается ежегодно, смотря по мѣрѣ предшествовавшаго сбыта сала за границу и настоящаго на него требованія. Такимъ-образомъ операція, окончательно совершаемая въ Петербургъ, явственно и быстро чувствуется за тысячи верстъ, во всѣхъ концахъ обширнаго нашего отечества, несмотря на то, что между номадомъ, отдающимъ своего барана, и биржевымъ маклеромъ, совершающимъ торговую записку, можно много насчитать посредствующихъ дѣтелей, живущихъ отъ этого промысла.

Съ самаго начала, цѣны весьма колеблются; обѣ стороны, и Калмыки, и купцы, долго держатся въ своихъ запросахъ и предложеніяхъ, а окончательное рѣшеніе происходитъ уже тогда, когда соберутся всѣ свѣдѣнія о рѣшительныхъ цѣнахъ на окрестныхъ ярмаркахъ.

Покупка скота въ улусахъ происходитъ въ двухъ видахъ: по мелочамъ и оптомъ. Въ различномъ торгѣ скотомъ принимаютъ участіе тѣ мелочные торговцы, Русскіе, Армяне, Татары, а частію, и то тайкомъ, Хивинцы, которые круглый годъ разъѣзжаютъ по улусамъ съ товарами, постоянно для Калмыковъ необходимыми; они уступаютъ товаръ рѣдко на наличныя деньги, а чаще отдаютъ въ долгъ, «на бирку», и на мѣну баранами, которыхъ отъ нихъ уже перекупаютъ оптовые сгонщики и гуртовщики.

У самихъ Калмыковъ гуртовщики и сгонщики покупаютъ рогатый скотъ, не назначая особой цѣды за каждую скотину отдѣльно, а берутъ нѣсколько головъ у одного или у многихъ хозяевъ и назнача-

ютъ среднюю цѣну, безъ различія хорошей скотины отъ дурной, представляя затѣмъ самимъ Калмыкамъ произвести между собою подробный расчетъ. Калмыки привыкли къ этому роду продажи скота, и чтобы избѣжать распрей при раздѣлѣ вырученныхъ денегъ между нѣсколькими хозяевами, стараются укомплектовать гуртъ такимъ образомъ, чтобы всѣ быки и коровы были одинаковыхъ достоинствъ. Бараны покупаются тоже оятонъ, но съ допущеніемъ брака дурныхъ, худыхъ, тощихъ или больныхъ, если въ продаваемомъ гуртѣ будутъ такіе замѣчены.

Порядокъ продажи скота у Туркменъ и у Караногайцевъ тотъ же, но цѣнность его, въ сравненіи съ калмыцкимъ, представляетъ разительную разницу. Скотъ у этихъ племенъ, какъ крупный, такъ и мелкій, мелокъ и низокъ по добротѣ: напримѣръ, пятилѣтняя караногайская или туркменская корова едва равняется, говорятъ, полуторагодовой калмыцкой телушкѣ.

Туркменамъ и Караногайцамъ платится за корову отъ четырехъ до восьми рублей серебромъ, а за барана отъ одного до полутора руб. за штуку.

Лошади, какъ у Калмыковъ, такъ и у Туркменъ и у Караногайцевъ, продаются на ярмаркахъ; за покупкою ихъ на кочевьяхъ, изъ табуновъ, въ улусы никто не вѣздитъ. Лошади продаются по достиженіи трехъ-лѣтняго и четырехъ-лѣтняго возраста, и то одни мерины: матокъ Калмыки и другія кочевыя племена не продаютъ, потому-что онѣ нужны и для приплода, и для дешеваго и необходимаго для хозяевъ кумыза. Жеребчиковъ тоже не продаютъ, потому-что они ненужны покупателю, по безполезности въ работу и, следовательно, никакой цѣны пока еще не имѣютъ.

Козы продаются только осенью, частью живьемъ, частью кожами и саломъ; въ 1851 году живая коза на Калмыцкомъ-Базарѣ продавалась по одному рублю пятидесяти копѣекъ серебромъ; сало козѣ, въ Астрахани, два рубля серебромъ за пудъ; кожи сорокъ копѣекъ за штуку.

Съ прибытіемъ въ улусы сгонщиковъ и гуртовщиковъ, весна въ кочевьяхъ Калмыковъ и ихъ сосѣдей представляетъ необыкновенное движеніе и особенную дѣятельность. Царицане длинными обозами тянутся мимо Сарепты, чрезъ кочевья Малодербетевцовъ: по-крайней-мѣрѣ двѣ трети царицынскихъ горожанъ выезжаютъ для торговъ въ

камыцкую степь, куда въ это же время отправляются и некоторые изъ купцовъ чернопорскихъ и спотасевскихъ. Они разсылаются по степи, дѣйствуютъ въ каждомъ уголѣ черезъ особыхъ доверенныхъ, и входятъ въ сдѣлки со всеми аймаками. Калмыки, самыхъ отдаленныхъ хотоновъ, гонять налившея своего достоинства и торопятся не пропустить времени, чтобъ одѣлать выгодный разменъ своихъ коровъ и барановъ на необходимыя въ домашествѣ предметы. Тутъ затрѣгиваются все интересы и все хлопотуть: и Калмыки-товарищи, составляющіе родъ компаніи на продажу купцу своего скота, и приказчики, употребляющіе все ужимки, чтобъ выгадать на всея лишнюю гривну, и домогачды, желающіе отцу осмѣйства удивки, и ребятишки, ожидающіе отъ новаго вымысла какого-нибудь гостинца. Все мечтаетъ о томъ, чтобъ дѣло кончилось скорѣй, мирно, безъ ссоры, къ общему для всехъ удовольствію.

Главные обороты оптовой закупки калмыцкаго скота начинаются въ мартъ-мѣсяцъ, а къ июлю все оцѣраціи кончается.

Необходимымъ въ домашнемъ быту, обыкновеннымъ житейскимъ потребностямъ приобзаваются кочевниками обоихъ береговъ Волги: частію на соседнихъ ярмаркахъ, какъ мы уже объ этомъ сказали; а еще того больше — у мелкихъ торговцевъ, развѣзчатскихъ во кочевьяхъ, куда, однакожъ, если и не самые капитальные дома, то, по крайней мѣрѣ, очень состоятельные купцы высылаютъ своихъ приказчиковъ: все ихъ обороты имѣютъ предметомъ преимущественно: раздачу товаровъ въ долгъ, само-собой разумется по цѣнамъ, доходившимъ иногда до баснословной цифры, если только представится возможность довести кочеваго степняка до необходимости платить за все въ тридорога. Къ осени, завершаются бездомочные расчеты съ должниками, которые, надевъ отдать справедливость, платятъ долги съ примѣрною честностью; ихъ понуждаетъ къ тому необходимость не потерять довѣрія и надежда на будущія одолженія. Это и ставитъ существенное различіе между примѣрною честностью Калмыковъ и безпримѣрною дальнихъ зауральскихъ Киргизовъ, которые платятъ долги не изъ расчета, а именно изъ того только, что не могутъ допустить мысли о возможности не платить долговъ: пройдутъ годы, и несостоятельный прежде Киргизъ придетъ за пять-сотъ веротъ, отыщеть своего кредитора и начесть съ нимъ раскидается за себя, за брата или за отца!

Калмыки не всегда бываютъ въ силахъ уплачивать долги наличною монетою: они рассчитываются съ кредиторами то чѣмъ можетъ; въ уплату идутъ лошади, верблюды, рогатый скотъ, бараны, козы, шерсть, грива, конскіе хвосты, старыя шубы, кожи невыдѣланныя, волчьи, заячьи, лисьи и корсаачьи мѣха, сайгачьи рога, и очень рѣдко кошмы и арканы. Улусные торговцы продаютъ Калмыкамъ товаръ еще дороже, чѣмъ онъ продается въ Астрахани, гдѣ на предметы калмыцкаго потребленія цѣны (домашнимъ образомъ собранныя) въ послѣднее время стояли такія:

Ржаная мукѣ.	3 руб. и 3 руб. 50 коп. сер.	} за кулъ въ 7 пуд.
Пшеничная мукѣ.	4 — » 5 — —	
Чай кирпичный.	1 — » 1 — 43 — —	за кирпичъ.
Желѣзо.	2 — — — —	за пудъ.
Иголки.	$\frac{1}{4}$ и 1 — — —	за штуку.
Козловая кожа.	2 — — — —	за штуку;
Свиное сукно, плохое.	1 — 70 к. 1 — 90 — —	} За аршинъ.
Желтое сукно, такое же . . .	3 — — — —	
Верблюжье сукно съ симбир- скихъ фабрикъ.	75 и 90 коп.	
Холстъ самый грубый: . . .	5 • 6 — —	
Холстъ не самый грубый, но дурной.	8 — — —	
Бязь.	7 и 8 — —	
Надка.	13 • 15 — —	
Кумачъ.	20 коп.	
Ситецъ странныхъ рисун- ковъ и несвѣтл.	15 • 25 — —	
Платье черныя, ужасной де- броты.	25 — — —	
Позументъ.	1 — — — —	} за штуку.
Платокъ носовой, неболь- шихъ размѣровъ.	17 — — —	
Китайка.	60 • 75 — —	

Кромѣ того, купцы продаютъ Калмыкамъ ножицы, сандаля, на-
шатырь, квасцы, камфору, миткали, выбойки, сафьяны, табакъ, сун-
дуки, чашки и разный деревянный товаръ, котлы, таганы, ножи,
ивелковыя матеріи, парчи, портышны, лисьи хребты и тому подобное.

Торговля съ Калмыками очень прибыльна: купцы назначаютъ все-

му цѣны произвольныя; за долги отбираютъ скотъ, зимою выкармливаютъ его сѣномъ, которое заготавливаютъ черезъ самихъ же Калмыковъ, а весной перепродаютъ сгонщикамъ и гуртовщикамъ, а частичками продаютъ и самимъ Калмыкамъ, въ видѣ припасовъ для ежедневнаго приготовленія пищи. Постоянно торгующіе въ степи сбываютъ выручаемые отъ кочевыхъ племенъ товары или въ самой Астрахани, или въ Царицынѣ. Старыя шубы продаютъ они нарочно для того прѣзжающимъ изъ внутреннихъ губерній овчипникамъ, которые ихъ перебираютъ и перешиваютъ, а потомъ рассылаютъ по незначительнымъ ярмаркамъ; конскія и воловыя кожи уступаются царицынскимъ торговцамъ, отправляющимъ ихъ, вмѣстѣ съ шерстью, на Нижегородскую-ярмарку.

Товаръ, нужный для Калмыковъ, степные торгаши обыкновенно сами набираютъ въ кредитъ: Армяне пріобрѣтаютъ его въ Астрахани, а Царицане въ городѣ Царицынѣ, у тамошнихъ капитальныхъ купцовъ. Условія при этомъ бываютъ такого рода. Покупающій товаръ на наличныя деньги платитъ отъ десяти до двѣнадцати процентовъ противъ того, во что самому купцу обошлась покупка на Нижегородской-ярмаркѣ, вмѣстѣ съ провозомъ и со всеми расходами; тотъ, кто въ силахъ внести только двѣ трети, или половину, платитъ отъ двѣнадцати до шестнадцати процентовъ; кто можетъ дать наличныя деньги только за одну треть забраннаго количества товара, платитъ цѣну двадцатью процентами дороже того, чего онъ купцу стоитъ, а у кого денегъ вовсе нѣтъ, тотъ обязуется уплатить двадцать-пять и тридцать процентовъ, смотря по обстоятельствамъ.

Платежныхъ сроковъ два: первый въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда купцы собираются на Нижегородскую-ярмарку, а второй, въ сентябрѣ и октябрѣ, когда привезенные изъ Нижняго товары отпускаются для зимней распродажи. Эти купеческіе сроки совпадаютъ со сроками весенней и осенней перекочевокъ Калмыковъ съ зимнихъ на лѣтнія пастбища, и наоборотъ.

Улусные торгаши въ степи сами помѣщаются и операціи свои производятъ въ кибиткахъ, въ которыхъ, для раскладки части товара, устраиваютъ особыя полки и залавки; входъ завѣшивается и заставляется разными пристройками, кожами, досками, кибиточными дверями; подъ цагрыкомъ развѣшиваются куски баранины, готовые сапоги

и толстая выбойка: отъ этого внутренность кибитки. и безъ того лишенная достаточнаго освѣщенія, дѣлается еще мрачнѣе, такъ, что видѣть и вглядѣться въ качество товара почти невозможно. Товаръ, который лучше, хранится въ особыхъ коробьяхъ, чтобы, при частыхъ передвиженіяхъ, онъ не мялся и не пылился. Торганни эти перекочевываютъ вмѣстѣ съ Калмыками, и всю подвижность свою перевозятъ на арбахъ.

Трудно, даже едва ли и возможно, представить точныя, по-крайней-мѣрѣ приблизительныя цифры о всѣхъ оборотахъ торговли въ калмыцкихъ улусахъ, какъ внутри степныхъ земель, такъ и на соседственныхъ ярмаркахъ. Чтобъ сдѣлать все, что отъ насъ зависитъ, и сохранить общепринятые условія, приводимъ официальные цифры, собранныя мѣстнымъ управленіемъ, сколько это дозволяли обстоятельства и возможность добиться истины.—Въ 1850 году Калмыки продали:

	Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Барановъ.	Козъ.
Въ Хошутовскомъ улусѣ. 45	457	591	3 559	174.	
— Багацоуровскомъ. . . —	110	229	1,700	—	
— Яндыковскомъ. —	125	450	1,420	—	
— Икицоуровскомъ. . . . 120	150	1,100	15,001	—	
— Еркетеуевскомъ. . . . 79	277	6,303	38,081	11.	
— Малодербетевскомъ. . . —	578	13 900	52,590	—	
— Большедербетевскомъ. —	147	957	790	—	
— Харахусовскомъ. . . . 22	120	410	4,200	17.	
— Мочагахъ. —	14	305	700	30.	
На Калмыцкомъ-Базарѣ. . 11	35	271	2,007	189.	
<hr/>					
Всего продано 286	1,993	24,316	121,037	421.	

Все это, по официальнымъ свѣдѣніямъ, оцѣнивается въ 499,728 рублей 94 $\frac{1}{4}$ коп. серебромъ.

XXV

КАЛМЫЦКІЕ МЕДИКИ.

Очерки свои о бытѣ Калмыковъ, мы заключимъ немногими словами о калмыцкихъ медикахъ, то есть о гелюнгахъ, посвятившихъ себя занятію медициной.

Мы уже имали случай сказать, что калмыцкое духовенство почти одно только и занимается воспитаніемъ калмыцкаго юношества, по степной программѣ: необходимо къ этому присовокупить и то, что гелюнги занимаются живописью, каллиграфіей, какъ искусствомъ, и перепискою духовныхъ книгъ, и что астрономія и астрологія такіе необходимые предметы изученія для гелюнговъ, что безъ нихъ ничто не можетъ произойти: составленіе календаря, гаданіе по звѣздамъ, назначеніе счастливыхъ или несчастливыхъ дней — все это предметы особенной важности и спеціальнаго занятія жрецовъ.

И Калмыки имъ вѣрятъ, тѣмъ болѣе, что жреческія предвѣщанія, по случайному стеченію обстоятельствъ, иногда, исполняются. Гелюнги мастера весьма удачно предупреждать о предстоящихъ кому-нибудь несчастныхъ дняхъ, и вѣра къ ихъ словамъ такъ полна, что никакой хозяинъ въ эти дни дома не останется, чтобы не сдѣлаться жертвой того зла, появленіе котораго жрецы предусмотрѣли. Предостереженный о несчастномъ для него днѣ, Калмыкъ запасается куртомъ, масломъ, нѣсколькими флягами арзы, узъжаетъ изъ хотона въ табунъ и живетъ тамъ въ продолженіе всего опаснаго періода, предсказаннаго жрецомъ «зурхачъ».

Кромѣ «зурхачъ», астрологовъ, есть еще особенные волхвы, называемые «задычъ». Про нихъ рассказываютъ, и рассказываютъ люди, которымъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ образованности, хотя нельзя въ то же время не пожалѣть и о слишкомъ неумѣренномъ запасѣ предразсудковъ и своевольномъ воображеніи людей, об-

маньявасныхъ своего рода «германовскими» фокусами сокровенной калмыцкой магіи. Говорятъ, что задычъ въ силахъ созвать и разогнать дождевыя тучи, распространить, при безоблачномъ небѣ, тьму, произвести дождь и грозу, или усмирить бунтующія стихіи. Задычъ бываютъ и не изъ гелюнговъ, но и изъ простыхъ людей, и народъ воздастъ имъ особенныя почести, а тѣла ихъ, послѣ смерти, предастъ сожженію, котораго удостоиваются только владѣльцы и старшіе гелюнги.

Въ калмыцкихъ улусахъ, кромѣ гелюнговъ и ихъ учениковъ, никто не занимается оспонриваніемъ; всѣхъ оспонривателей извѣстно въ степи до двѣнадцати человекъ, и они съ такою ревностію, съ такимъ необыкновеннымъ усердіемъ предается своему занятію, что успѣли уничтожить въ Калмыкахъ ужасъ, который они прежде питали къ оспѣ, и довели ихъ до того, что теперь отцы семействъ сами хлопочутъ объ ускореніи этой операціи на дѣтихъ. Въ улусахъ не слышатъ теперь, чтобы какой-нибудь ребенокъ остался безъ привитой оспы. Нѣтъ сомнѣнія, что первая благодарность за такую заботливость объ укорененіи въ народѣ чистыхъ понятій въ необходимости мѣръ къ охраненію общественнаго здоровья — должна принадлежать именно гелюнгамъ.

Противъ прочихъ болѣзней, Калмыки и ихъ медики употребляютъ безчисленное множество лекарствъ. Одни изъ этихъ лекарствъ состояются по книгѣ «Емийъ-номъ», другія постоянно берутся изъ опыта, какъ напримеръ лекарства противъ скотскаго падежа.

Анатомія, какъ наука, у Калмыковъ не существуетъ; но говорятъ, что въ прежніе годы у жрецовъ водились какія-то книги съ рисунками, знакомившими врача съ строеніемъ человѣческаго тѣла; вообще же у Калмыковъ считается за величайшій грѣхъ, «нюль», не только отнимать у умершихъ какіе-нибудь члены, но даже и прикасаться къ нимъ, послѣ отпаденія у труповъ. Это, казалось бы, должно было лишить Калмыковъ возможности изучать расположеніе костей въ человѣческомъ тѣлѣ, но нигдѣ нѣтъ такихъ высокопонимающихъ свой предметъ костоправовъ, какъ въ калмыцкихъ улусахъ, а хошоутъ Очѣръ Дальчѣевъ извѣстенъ своими познаніями и не между одними Калмыками: говорятъ, будто онъ даже срѣзаетъ въ кости самыхъ безнадежныхъ переломахъ.

Первымъ лекарствомъ въ обыкновенныхъ болѣзняхъ служить горячая вода: заболѣвшему Калмыку не даютъ нѣсколько дней ни куска въ ротъ, а подвергая его самой строгой діетѣ, поятъ только кипяченою, горячею водою безъ сахара, безъ соли и безъ молока. Трехдневное пользованіе такимъ лекарствомъ спасаетъ Калмыка отъ простуды и предупреждаетъ горячку.

Калмыки удачно лечатъ и холеру и чахотку¹. Чахоточную болѣзнь калмыцкіе врачи раздѣляютъ на нѣсколько видовъ. При леченіи ея, медикъ старается узнать натуру своего паціента, его сложеніе, образъ жизни и характеръ, и потомъ уже, соображаясь со степенью развитія болѣзни, приготовляетъ для него то или другое лекарство, въ составъ котораго входятъ травы и корни, вырываемыя въ калмыцкой степи, и медикаменты изъ городскихъ аптекъ. Если чахотка произошла отъ грусти и отъ горя, то калмыцкіе врачи, чтобъ развлечь мысли больного и расположить его къ постоянной веселости, заставляютъ его принимать порошки, называемые «джугунъ-выренгъ»; если чахотка развита уже въ самой сильной степени, то даютъ одно изъ лекарствъ, употребляемыхъ только въ крайнихъ случаяхъ и называемое «сантыль-шесимъ».

Противъ зубной боли употребляется или высушенная заячья жолчь, или табачный сокъ, «батхыкъ»², изъ чубука или трубки.

Такъ какъ табачный сокъ считается вѣрнымъ средствомъ противъ многихъ болѣзней, особенно скотскихъ, то Калмыки и собираютъ его гдѣ только случится, оскребаятъ его въ гостяхъ у пріятелей, и по дорогѣ у встрѣчныхъ, у знакомыхъ и у незнакомыхъ, и берегутъ всегда въ бараньемъ рогѣ.

Если этимъ сокомъ помазать десны, или высохшій шарикъ его положить въ ямку гнилаго зуба, зубная боль пройдетъ; если вымазать баткакѣмъ спину у барана—черви въ немъ не заведутся.

¹ Составныя лекарства противъ этихъ болѣзней и самый рецептъ составлены авторомъ этихъ «Очерковъ» Императорскому Русскому Географическому Обществу.

² Баткакѣмъ называется всякій осадокъ, стекающій изъ чего-либо въ одно мѣсто; на этомъ основаніи баткакѣмъ же въ Низовомъ-краѣ зовутъ и разсолъ, вытекшій изъ солевой въ корень рыбы на дно «посудины», или судна.

Противъ разныхъ болезней скота употребляются рыбій жиръ, деготь, купоросъ, сушеные ужи и проч.; чистый деготь считается хорошимъ средствомъ противъ чесотки.

Противъ укушенія волка, или другаго бѣшеннаго животнаго, у каждаго Калмыка лекарство всегда подъ рукою: ему стоитъ только немножко наскоблить самыхъ мелкихъ стружекъ съ нижней части укрюка (нижній конецъ его обыкновенно тащится, во-время езды табунщина, по землѣ), сболтать ихъ въ водѣ и выпить—и вся дурная и опасная послѣдствія укушенія минуются непременно и навсегда. И Калмыки этому вполне вѣрятъ!

Наскобленный и принятый съ водою рогъ единорога ³ (который у немногихъ богатыхъ Калмыковъ оберегается какъ священная реликвiя и который намъ случилось видѣть только у одного хошуутовскаго владѣльца) помогаетъ женщинамъ въ трудныхъ родахъ и считается лучшимъ мочегоннымъ средствомъ. Рогомъ единорога лечатъ такъ же и отъ горячки и отъ лихорадки ⁴.

Нельзя не сознаться, что у калмыцкихъ медиковъ, можетъ-быть, есть и невѣжество, и шарлатанство, и корыстный обманъ, и другія слабости и пороки, присущіе какъ цѣлому человечеству вообще, такъ и отдельному врачу въ особенности; но нельзя отвергать того, что уваженіе къ наукѣ, сколько это полудикому Калмыку доступно, и чувство любви къ ближнему тоже не могутъ у нихъ оставаться въ тѣни. Калмыкамъ, кромѣ своихъ гелюнговъ, въ степи не у кого искать помощи, въ случаѣ болѣзни: европейскій врачъ, и то одинъ и единственный, обязываетъ улусы только разъ въ году: обширность пространства, спящность разъѣздовъ и немнзгіе при себѣ всѣхъ лекарствъ и непредвидѣнныхъ снадобій лишаютъ его, при всемъ истинно-христіанскомъ усердіи, возможности выразить на дѣлѣ свое человеколюбіе и сочувствіе къ страждущему ближнему; да ктому жъ и больные не всегда могутъ оставаться безъ призора и безъ пособій, во ожиданіи его пріѣзда, да и не вся же Калмыкия, при вѣрѣ въ знанія гелюнговъ, стануть обращаться за пособиями къ европейскому врачу.

³ Espadon, Narwal, monadon monesceros.

⁴ У насъ рогамъ единороговъ тоже придавалось цѣлебное свойство. Справ. Дополн. къ Ак. Ист. Т. IV, № 9.

Недолжно предполагать, чтобы Калмыки вовсе не вѣровали въ европейскую медицину: медицину нашей они вѣрятъ, не вѣрятъ только каждому встрѣчному, провозглашающему себя европейскимъ врачомъ. Кромѣ знанія дѣла, кромѣ изученія натуры Калмыка, нужно врачу обладать нравственными качествами и дѣйствовать на Калмыка ласковостью въ обращеніи, кротостью, терпѣніемъ и сердцемъ, которое билось бы только для добра, для любви къ ближнему.

Наши врачи, въ томъ количествѣ, какое можетъ быть достаточно для всего степнаго населенія, не могутъ обречь себя безрасчетливой и безкорыстной жизни въ калмыцкихъ улусахъ, гдѣ ихъ ожидаютъ безвѣстность, бѣдность, нужда, насмѣшки, интриги, грубость, невежество, страшная глушь и совершенное отчужденіе отъ всего; съ чѣмъ осыдлый, образованный человекъ сроднился съ младенческими лѣтъ. Наде соболъзновать тому, что сами Калмыки и ихъ гелѣиги такъ еще не доросли въ своихъ понятіяхъ до той зрѣлости, чтобы убѣдиться, что ихъ медицина, коснѣющая въ застоѣ, уже не наука, а сбродъ, смѣсь самыхъ противоположныхъ системъ леченія, съ ошибками, съ шарлатанствомъ и съ предразсудками. Вслѣдствіе этого-то имъ и недоступна мысль о прохожденіи курса медицинскихъ наукъ въ казенныхъ заведеніяхъ, въ академіяхъ или въ университетахъ. По окончаніи академическаго термина, ученый врачъ можетъ быть полезенъ своимъ кочевымъ сородичамъ.

Вотъ почти все, что хотѣли мы передать нашимъ читателямъ. Несмотря на наше многоглаголаніе, мы далеко не вполне успѣли во всей подробности обрисовать картину быта народа, представляющаго такіа любопытныя и достойныя строгаго изученія стороны кочевой своей жизни. Смѣемъ однакожь надѣяться, что трудъ нашъ не будетъ сочтенъ за трудъ бесполезный, и если читатели успѣли, по нашимъ очеркамъ, усвоить себѣ довольно вѣрное понятіе о племени, которому мы посвятили свою книгу — значить, цѣль наша достигнута; а этотъ результатъ есть самая драгоценная награда для автора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	1
I. Общій взглядъ на Волжскихъ-Калмыковъ	4
II. Раздѣленіе Хошоутовскаго-Улуса	17
III. Мѣста, занимаемыя кочевьями Хошоутовъ	23
IV. Калмыцкая кибитка	34
V. Домашняя утварь	39
VI. Пища	45
VII. Одежда	52
VIII. Обычаи, соблюдаемые при сватовствѣ	61
IX. Сговоръ	66
X. Свадебные обряды	70
XI. Дополненіе къ свадебнымъ обычаямъ и о разводѣ	80
XII. Родины	84
XIII. Уходъ за дѣтьми и ихъ воспитаніе	89
XIV. Похороны	96
XV. Калмыцкое житье-бытье	100
XVI. Особенности быта	109
XVII. Народные праздники	120
XVIII. Музыка, пѣніе, танцы, пѣсни и сказки	129
XIX. Игры	133
XX. Борьба	144

	Стран
XXI. Охота	154
XXII. Скачка и ловъ неукровъ	158
XXIII. Степное хозяйство и заработки	165
XXIV. Торговля въ Калмыцкихъ улусахъ	172
XXV. Калмыцкіе медки	186

=

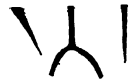
ПРИЛОЖЕНІЯ .

- А. Изображеніе Калмыцкихъ тамогъ.
- Б. Карта Низовой-Стороны и Приволжскихъ кочевныхъ мѣстъ.

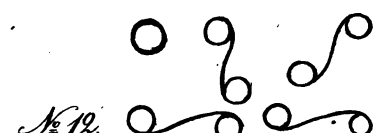
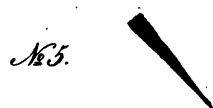
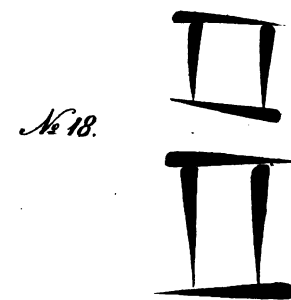
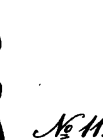
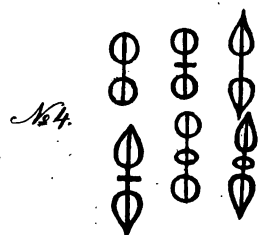
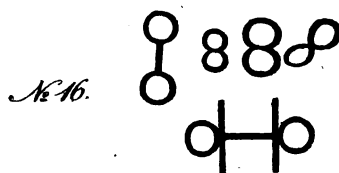
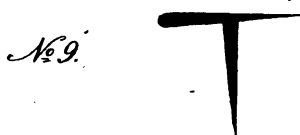
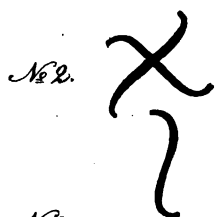
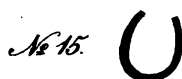
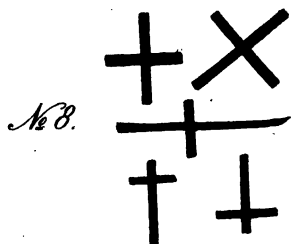
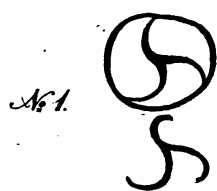

No 14.

Изображение мановъ.

Образцы
соединения мановъ.

